

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ в Воронеже

К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама

1934 год

1935 год

1936 год

1937 год

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В ВОРОНЕЖЕ

ВОСПОМИНАНИЯ. ФОТОАЛЬБОМ. СТИХИ

К 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама

Составитель П. Нерлер

*Книга издана на средства
Благотворительного Резервного Фонда
для благотворительного распространения.
Президент фонда А.Е. Лебедев.*

Москва, 2008

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6
Н54

ISBN 978–5–902428–03–9

Составление, предисловие и примечания
П.М. Нерлера.

Подготовка текста С.В. Василенко и П.М. Нерлера.

Научный редактор: С.В. Василенко.

Художник: А. П. Гущин.

Книга издана на средства
Благотворительного Резервного Фонда
для благотворительного распространения.
Президент фонда А.Е. Лебедев.

ВОРОНЕЖСКИЙ МАНДЕЛЬШТАМ И МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЙ ВОРОНЕЖ

1

Мандельштам и Воронеж — эти имена стали неотрывными друг от друга. Воронеж стал для Мандельштама и овидиевой Скифией, и пушкинским Болдино одновременно, Мандельштам для Воронежа — одной из самых ярких фигур во всей творческой истории города.

В Воронеже поэт оказался не по своей воле. *«Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны...»* — за эти стихи, да еще за стихи о голодоморе Мандельштама в середине мая 1934 года арестовало ОГПУ. Уже в конце месяца приговор (мягчайший!) Особого совещания при ОГПУ отправил его в сопровождении жены и двух конвоиров в ссылку в прикамский городок Чердынь. Болезненное состояние, в котором пребывал Мандельштам после тюрьмы, постоянное опасение покушений на свою жизнь толкнули его на попытку самоубийства. После чего приговор был пересмотрен, и ему разрешили поселиться в любом другом нережимном городе. Он выбрал Воронеж, куда и прибыл 17 июня.

Здесь он и провел 35 последующих месяцев, лишь ненадолго отлучаясь в непродолжительные поездки — в Воробьевский район (в командировку от газеты), в Тамбов (в санаторий) или в Задонск (на отдых). Первоначальный прием, оказанный ему в Воронеже, был для ссыльного человека неожиданно теплым: работа в театре, работа в радиокомитете, работа в газете, публикации в местном журнале, творческий вечер в редакции главной областной газеты — всё это не было само собой разумеющимся. Но постепенно над поэтом сгущались тучи, сначала бытовые (увольнение практически со всех мест, где он работал), а потом и политические: в апреле 1937 года в статье О. Кретовой в местной газете «Коммуна» ему были предъявлены обвинения в «правотроцкизме» — точно такие же, какие чаще всего имели самые радикальные последствия для обвиняемого — вплоть до расстрела. Так что возвращение Мандельштама в Москву в середине мая 1937 года было, возможно, невольным и уж заведомо недолговременным, но спасением.

Но самое поразительное — это стихи, которые он написал в Воронеже!

Трижды — с апреля по июль 1935, с декабря 1936 по февраль 1937 и с марта по май 1937 гг., его накрывало здесь волной невероятного творческого прилива, а когда волна уходила, то «на берегу» всякий раз оставалась стопка листов с новыми стихами.

Вот свидетельство близкого современника (20 апреля 1935 года): *«...дико работает М<андельштам>. Я такого не видел в жизни. <...> Я стою перед*

работающим *механизмом* (может быть, *организмом* — это то же) поэзии. <...> Больше нет человека — есть Микель Анджело»¹.

Это сказано о работе над стихами «Первой воронежской тетради», где Мандельштам и сам сравнивал небо над ополоумевшим от весенних дождей Воронежем с тем же Микеланджело: «А небо, небо — твой Буонарроти...»

Есть в «Первой тетради» одно часто цитируемое, но от этого не менее загадочное четверостишие:

*Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...*

«Ключ» к нему неожиданно отыскивается во «Второй», зимней, тетради. С одной стороны — какая может быть свобода у ссыльного?

*Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...*

А с другой — вычитываем в «Третьей» — у ссыльного, если он поэт, свободы ровно столько, сколько он ее себе пожелает: небо у него в услужении, и каждое стихотворение — каждая «весть», каждое «неначинающееся путешествие» — равносильно успешному побегу на волю —

От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Там, в небесной Тоскане (пристанище другого мандельштамовского «кровного любимца» и изгнанника — Данта!) бродит «заблудившийся в небе» дух поэзии Мандельштама. Здесь, среди «молодых еще воронежских холмов», отныне будет стоять бронзовая фигура поэта, изваянная Лазарем Гадаевым.

Этот памятник очень скоро станет такой же неотрывной частью городского пейзажа и достопримечательностью Воронежа, как и памятник Петру или памятник Кольцову. В сочетании с двумя сохранившимися адресами Мандельштама — домом № 46 по переулку Швейников (знаменитым домом в яме) и домом № 13 по улице Фридриха Энгельса (на котором, начиная с 1991 года, висит мемориальная доска) он непременно войдет как в общегородские экскурсионные маршруты, так и в тематические экскурсии по мандельштамовскому Воронежу — экскурсии, маршрут которых многие поклонники поэзии Мандельштама, оказывавшиеся в этом городе, стихийно прокладывали для себя самостоятельно. Они заглядывали при этом в самиздатские или тамиздатские сборники (впервые после 1928

¹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. подготовка текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб.: Акад. проект, 1997. С. 44.

года поэзия Мандельштама в СССР появилась только в 1973 году, спустя 45 лет!), в воспоминания его вдовы (их чтение и хранение не только не поощрялось, но и наказывалось), а начиная с 1989 года — и в воспоминания Натальи Евгеньевны Штемпель (они впервые вышли в октябрьской книжке «Нового мира» за тот год).

И поэтому открытие в Воронеже памятника Мандельштаму представляется событием в высшей степени естественным и логичным. Как естественным и логичным явилось бы с этой точки зрения и присвоение имени Мандельштама одной из воронежских улиц (в идеале — переименование переулка Швейников, шуточно напророченное самим поэтом) и создание в городе мандельштамовского музея (оба сохранившихся «адреса» имеют для этого все историко-литературные предпосылки). Это было бы не только продолжением процесса увековечения памяти великого русского поэта в городе его максимальной творческой активности, но стало бы еще и материализацией того немалого культурного и туристического потенциала, который содержит в себе биографический факт трехлетней воронежской ссылки Мандельштама, обернувшейся не только литературной изоляцией и политической травлей поэта, но и дивным поэтическим проливом стихов, именуемым сегодня «Воронежскими тетрадами».

2

Именно стихами Мандельштама, написанными в Воронеже, и завершается книга, которую ты, читатель, держишь в руках. Она состоит из трех частей, и сначала я скажу о третьей части — это воронежские стихи самого Осипа Мандельштама.

Немного творческой статистики. Всего здесь было написано 98 стихотворений, кроме того — 16 шуточных стихов, 3 стихотворных перевода, 5 рецензий, опубликованных в журнале «Подъем» (то были его последние прижизненные публикации), одна прозвучавшая по радио радиокomпозиция, несколько других прозаических набросков, а также 54 письма (про письма, как и про стихи, наверняка можно сказать, что их было гораздо больше, но многое не сохранилось).

Традиционно «Воронежские тетради» разбиты на три части, каждая из которых имеет свою более или менее устоявшуюся композицию — в сущности, хронологическую, но с некоторыми отступлениями от этого принципа, касающимися начала или концовки тетради (несколько стихотворений — и столь же традиционно — вынесены за рамки основного сложившегося корпуса). Сюда же, в третий раздел, включены и шуточные стихи Мандельштама — в силу их биографической насыщенности и частоты их упоминаний в двух других разделах книги.²

Первые же два раздела отведены воспоминаниям Натальи Штемпель об Осипе Мандельштаме, за воспоминаниями как таковыми, публикуемыми здесь в наиболее полном своем виде, следует их фотоальбомная версия — труднейший

² Стихотворные переводы, проза и эпистолярная Мандельштама воронежского периода в настоящее издание не включены.

жанр, требующий гармоничного сочетания текстуального и изобразительного рядов.

Наталья Евгеньевна Штемпель — один из самых близких друзей поэта и его жены, адресат стихов, которые сам Мандельштам называл не иначе как «мое поэтическое завешание».

...Однажды Аверинцев рассказал мне, как поразил его звонок Надежды Яковлевны, как-то буднично обронившей: «А завтра ко мне приезжает воронежская Наташа».³ Для Сергея Сергеевича же это прозвучало, как если бы было сообщено о приезде Лауры или Беатриче.

Интересно, но почти таким же было отношение к ней и... самого Мандельштама!⁴ Она не была Прекрасной Дамой, не была Музой и уж тем более не была «европейанкой нежной» — она была в точности такую, какой он ее обессмертил:

*Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно...*

В 1970-е годы, когда судьба свела и меня с Натальей Евгеньевой, она обладала всё той же аурой. Из всех знакомых мне людей, кого жизнь сталкивала с Осипом Эмильевичем, она была буквально единственной, чье отношение к поэту было беспримесно чистым, без грана ячества и без тени задней мысли.

Этот вызывал непонимание и неприятие большинства остальных современников и современниц, просто не представлявших себе, как это можно рассказывать или писать о Мандельштаме вне силовых линий разных мнений и партий. Одна современница за глаза называла ее наивной дурочкой, а прочитав ее воспоминания, даже отчитала за какие-то ошибки и неточности, — на что Наталья Евгеньевна... от души ее поблагодарила, сослалась на то, что она не литературовед, и простодушно уточнила свои отношения к Мандельштаму: «Просто было безумно жаль человека, стремилась помочь ему, облегчить изгнание. Скрасить хоть чем-нибудь жизнь».

Да, ей было «безумно жаль человека», но она еще беззаветно любила русскую поэзию, и встреча с человеком, являвшимся в ее глазах ее олицетворением, была для нее, неверующего человека, поистине божественным подарком и источником радости и силы.

Она сохранила его стихи (важнейший архивный источник воронежских стихов, ныне хранящийся в Принстоне, так и называется: «Наташина

³ Другой вариант: он сидел в гостях у Надежды Яковлевны, и в это время позвонила Наталья Евгеньевна.

⁴ По словам А.И. Немировского, Н.Е. Штемпель доверительно рассказывала ему, что в несохранившихся письмах Мандельштама к ней она представляла «как новая Лаура» (сообщено Ю.Л. Фрейдиным).

книга»), она сохранила его письма (правда, не к себе, а к Надежде Яковлевне). И последнее, что она могла еще для него и для других сделать, это сохранить свою память о нем: в 1970-е годы она приступила к воспоминаниям «Мандельштам в Воронеже», а в 1980-е — вместе с Виктором Гординым — начала нелегкую работу над фотоальбомом «О.Э. Мандельштам в Воронеже» (далее «Альбом»).

И то, и другое она успела завершить, и то, и другое, как и мандельштамовские стихи, она берегла и сберегла для нас, так что не будет ошибкой назвать эту книгу подарком от Натальи Евгеньевны Штемпель.

3

Наталья Евгеньевна родилась в Воронеже 7 сентября 1908 года, так что год открытия в Воронеже памятника Мандельштаму — это еще и год столетия со дня ее рождения. В 1915–1922 гг. она тяжело болела туберкулезом тазобедренного сустава, месяцами была прикована к постели. Последствиями болезни и стали ее хромота (впрочем, не ощущаемая ею как физический недостаток) и знаменитая, воспетая Мандельштамом, прихрамывающая «походка».

Во время болезни она страстно и бескорыстно увлеклась русской поэзией, выделяя среди прочих и своего «земляка» Ивана Никитина, стихи которого первыми выучила наизусть. Сама Наталья Евгеньевна при этом стихов никогда не писала.

В 1926–1930 гг. она училась на литературно-лингвистическом отделении Воронежского государственного университета и одновременно работала в педологическом кабинете у профессора Павла Леонидовича Загоровского. Она хотела поступать в аспирантуру, но туда ее не взяли — из-за дворянского происхождения. В 1930 году она устроилась на работу на политико-педагогической станции при Воронежском областном отделе народного образования в качестве научного сотрудника (изучала киноинтересы воронежских школьников).

В 1931–1932 гг., обучаясь на годичных курсах психотехников-профконсультантов, год прожила в Ленинграде. По возвращении в Воронеж она заведовала психотехнической лабораторией в Институте организации и охраны труда, а затем в Институте гигиены и санитарии, где изучалась специфика профессий, характерных для сельского хозяйства Воронежской области. После того как в 1935 году педология и психотехника были развенчаны как «лженауки» и лаборатория П. Л. Загоровского была закрыта, Наталья Евгеньевна начала преподавать литературу и русский язык в Воронежском авиатехникуме им. В. П. Чкалова, где и проработала до самого выхода на пенсию в 1971 году. Как поэзия и литература являлись ее любовью, так и преподавательская работа оказалась ее призванием: по свидетельству учеников, она обладала даром прививать свою любовь к поэзии другим.

В феврале 1936 года она познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым и от него впервые услышала о том, что в Воронеже находится Мандельштам. Рудаков не торопился познакомить ее со ссыльным поэтом и его женой — их первая встреча состоялась только в сентябре, уже после того, как Рудаков из Воронежа уехал, причем Мандельштам не придумал ничего лучшего как рассердиться тогда на нее

за то, что она прочитала наизусть стихотворение «Я потеряла нежную камею...» — самое его слабое, как он тогда полагал. Но знакомство скоро перешло в дружбу, и встречи стали почти ежедневными. Осип Эмильевич и Наталья Евгеньевна часто гуляли вместе, посещали воронежские музеи и концерты.

Предупредив дочь об опасности встреч с опальным и ссыльным поэтом, мать Натальи Штемпель не только не запретила ей встречаться с ним, но и, единственная в это время в Воронеже, всегда принимала Мандельштама с женой у себя. Штемпель познакомила поэта с П. Л. Загоровским, после этого не раз встречавшимся с поэтом и помогавшим ему материально (последние восемь-девять месяцев Мандельштамы жили в Воронеже без заработков и практической в полной изоляции, но именно на них пришлось две «воронежские тетради» из трех).

Мандельштам говорил о Наталье Евгеньевне: «Наташа владеет искусством дружбы». Постепенно у него выработалась привычка читать ей каждое новое стихотворение, а несколько его стихотворений 1937 года, последних из написанных в Воронеже, посвящены или обращены непосредственной к ней — «Клейкой клятвой липнут почки...», «На меня нацелилась груша да черемуха...» и «К пустой земле неволью припадая...».

О стихотворении «К пустой земле неволью припадая...» Мандельштам сказал ей: «Когда умру, отправьте их как завешание в Пушкинский Дом». Незадолго до отъезда из Воронежа Осип Эмильевич попросил жену переписать для «ясной Наташи» все воронежские стихи, а также другие ненапечатанные стихотворения 1930-х гг. — вот и получилась «Наташина книга», состоящая из трех больших блокнотов. Под каждым стихотворением О. М. собственноручно поставил дату и букву «В» (Воронеж).

И после Воронежа Наташа Штемпель несколько раз ездила повидаться с Мандельштамами в Савёлово, в Москву и в Калинин. Получив от Надежды Мандельштам известие о гибели поэта, она ездила к ней в Калинин, а оттуда, по ее просьбе, и дальше в Ленинград — к Ахматовой, писать которой Надежда Яковлевна тогда побоялась.

После смерти Осипа Эмильевича отношения Натальи Евгеньевны с Надеждой Яковлевной, жившей в различных городах, не прервались. Они постоянно переписывались или перезванивались, несколько раз Надежда Яковлевна приезжала в Воронеж, но чаще всего они — обе преподавательницы — встречались в каникулярное время в Москве или на подмосковных дачах (в Тарусе, Верее, Кратове, Переделкине).

Кроме «Наташиной книги», у Натальи Евгеньевны Штемпель отложился довольно большой архив поэта: автографы стихов и эпиграмм, стихи, записанные Надеждой Яковлевной на узких полосках ватмана, которые Мандельштам отдавал ей по мере написания, а также, отдельно, «Ода Сталину» (Мандельштам просил уничтожить ее, но она все-таки ее сохранила). Кроме того — подлинники всех писем Мандельштама и еще один список всех ненапечатанных стихов, включая воронежские. Всё это Наташа сберегла, унеся из Воронежа в день занятия города немцами (остались и погибли только письма к самой Наталье Евгеньевне — от Мандельштамов и от Сергея Рудакова).

После войны Наталья Евгеньевна продолжала хранить этот архив

(за исключением 1948–1951 гг., когда он находился в Киеве у её подруги Марии Викторовны Ярцевой). Не позднее середины 1950-х она возвратила всё вдове поэта, причем не только все доверенное ей на хранение, но и подаренное ей лично (оставив себе только книги, надписанные Мандельштамом⁵).

Все эти годы Наталья Евгеньевна переписывалась с Надеждой Яковлевной, где бы та ни находилась. Вместе с Василисой Шкловской, Наташа Штемпель была, наверное, единственной, о ком Надежда Мандельштам в своей «Второй книге» отозвалась хорошо и только хорошо! Когда Надежда Яковлевна умерла, то именно Наталью Евгеньевну попросили сказать первое поминальное слово о покойной.

В Воронеже вокруг Натальи Евгеньевны образовался круг друзей и любителей русской поэзии, в который входили З.Я. Анчиполовский, А.Б. Ботникова, Р.Герцог-Бородина, Н.С. и А.А. Буяновы, П.Л. Загоровский, Д.И. Заславский, В.Л. и Н.В. Гордины, Т.Л. Гурина, В.И. Исаец, Р.С. Иткина, Л.К. Коськов, Ш. Кола, А.С. Крюков, А.И. Немировский, Е. Н. Перкон, В.А. и Н.М. Свительские, А.Слуцкий, Л.А. Сохненко и др. Из разных городов к ней часто приезжали С.Н. Лукьянченко (двоюродный брат), близкие друзья (М.В. Ярцева), а также литературоведы (С.В. Василенко, В.Н. Гыдов, А.Г. Мец, Л.А. Мнухин, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин и др.).

Известность Наталье Евгеньевне принес выход в 1987 году в октябрьской книжке «Нового мира» ее воспоминаний об О.М., над которыми, по просьбе Надежды Яковлевны Мандельштам и Александра Иосифовича Немировского, она работала долгие годы. Тем не менее, зимой 1988 года она отказалась приехать в Москву на вечер памяти О.М. в Центральном Доме литератора, потому что заболела ее соседка и не на кого было оставить дворовых кошек, которых ежедневно, в любую погоду и независимо от состояния своего здоровья, она кормила. Через несколько месяцев Н.Е. Штемпель сразил инсульт, и 28 июля 1988 года она умерла. Похоронили её на Юго-Западном городском кладбище в Воронеже.⁶

В 1992 году тиражом 300 экземпляров вышел сборник воспоминаний Н.Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже», открывший собой серию «Записки Мандельштамовского общества».

Ее близкий друг и соавтор по «Альбому» Виктор Леонидович Гордин эту книгу, увы, не увидит. 30 января 1992 года, на 52-м году жизни, в Тель-Авиве, куда он с семьей переехал незадолго до этого, Виктор трагически погиб в автомобильной аварии.

Об «Альбоме», составляющем вторую часть книги, следует сказать особо.

Автором самой его идеи была Наталья Евгеньевна. В лице Виктора Гордина

⁵ Впоследствии они были переданы в РГАЛИ.

⁶ На ее могиле установлен памятник работы скульптора В.И. Циммерлинга (средства на его установку были собраны Мандельштамовским обществом, основным спонсором явился московский коллекционер В.С. Михайлович).

и его жены Нелли она обрела не только верных друзей, но и надежных помощников в реализации этого проекта. Виктор, профессиональный химик, доцент Воронежского университета, по ходу работы над «Альбомом» из фотолюбителя переквалифицировался в настоящего профессионала и практически всю техническую часть оформления взял на себя.

Надо ли говорить, что вся эта гигантская работа выполнялась на голом энтузиазме и безо всяких «грантов»! Другое дело, что имя Натальи Евгеньевны Штемпель открывало многие двери, и недостатка в добровольных помощниках не было: её присутствию у большинства имевших с нею дело людей индивидуальные стремления и амбиции сходили на нет.

Тем не менее работа над «Альбомом», начавшись в 1980-х гг., шла медленно и растянулась на годы.

Сам по себе «Альбом» представляет собой папку, в которую вложено около 60 листов плотного ватмана размером 59 на 42 см, каждый из которых имеет свой тематический сюжет. На листе в определенной последовательности сочетаются наклеенные на ватман машинописные фрагменты и фотографии. Текстовые вставки — это, как правило, краткие тематические описания, принадлежащие Наталье Евгеньевне, а также фрагменты из стихов Мандельштама или из других его произведений. Фотографическую часть представляют около 230 репродукций: среди них 49 портретов, 48 видов городов, 45 фото со стихами и другими текстами, 4 кинокадра, 5 музейных экспонатов, 7 рисунков и 70 современных снимков. Все фотографии на листе пронумерованы, а соответствующие подписи вынесены на оборот предыдущего листа таким образом, чтобы их можно было видеть в едином пространстве с просматриваемым листом. Иными словами, «Альбом» предназначается для медленного и вдумчивого рассматривания.

«Альбом» существует в трех экземплярах. Из них первый был передан составителями в дар Центральному (ныне Российскому) государственному архиву литературы и искусства: официальный акт датирует это событие 16 июня 1985 года. Этот дар был частью небольшого, но цельного собрания различных материалов и документов, в основном, о Мандельштаме (и среди них — два мандельштамовских инскрипта!).⁷ Второй экземпляр «Альбома» — он и буквально второй (первая

⁷ Это собрание естественным образом отложилось у Натальи Евгеньевны и рассматривалось ею и ее окружением (в том числе и пишущим эти строки, исполнившим роль посредника между Натальей Евгеньевной и ЦГАЛИ) как ее личный архив, а впоследствии как персональный фонд в необъятном собрании архивохранилища. На протяжении более чем 20 лет будущий фонд Н.Е. Штемпель лежал в ЦГАЛИ-РГАЛИ мертвым грузом, неразобранным, неописанным и потому недоступным исследователям. В 2006 году, в связи с работой над проектом воссоединенного виртуального архива Осипа Мандельштама, архив Н.Е. Штемпель, наконец, «заметили» и учли, а в 2007–2008 гг. даже разобрали и описали. Однако нам стало известно намерение РГАЛИ раскассировать фонд Н.Е. Штемпель и присоединить лучшие материалы из него, в том числе и «Альбом», к некоей новой, третьей по номеру, описи мандельштамовского фонда № 1893. Это вызывает последовательно несогласие, возмущение и протест. Если подобное случится, то произойдет следующее: во-первых, будет проявлено демонстративное неуважение к воле фондообразователя, уважаемого и почитаемого во всем мире человека; во-вторых, архив распишется в странной приверженности принципу «кто главнее» в своей политике формирования личных фондов: Мандельштам, в глазах сегодняшнего руководства РГАЛИ, явно «главнее» Н.Е. Штемпель. Но именно по этому критерию — степени важности персоны для советской литературы — Мандельштаму в свое время было предложено продать свой архив государству

подкопирная копия!) — экземпляр самой Н. Е. Штемпель. После её смерти он был подарен Т.О. Муштавинской и Т.В. Ледовской пишущему эти строки. Последний передал его в архив Манделъштамовского общества вскоре после его образования в январе 1991 года. Именно этот экземпляр и лег в основу настоящего издания⁸. И хотя композиционные различия между двумя экземплярами и имеются, но они весьма незначительны: в качестве окончательной нами признана композиция первого экземпляра «Альбома».

Наконец, третий экземпляр принадлежал соавтору Н.Е. Штемпель Виктору Леонидовичу Гордину, и он до сих пор хранится в его семье⁹. Его особенностью является наличие предисловия В. В. Иванова, которое было написано в 1989 году, то есть уже после смерти Н. Е. Штемпель. Этот текст сохранен и в настоящем издании. Он вынесен в конец альбома, став его послесловием.

Изначально «Альбом» Н. Е. Штемпель и В.Л. Гордина был попыткой переложения воспоминаний Н. Е. Штемпель о Манделъштаме на иной жанровый лад и в другой образный язык — альбомно-фотографический. Этот жанр, однако, потребовал дополнительных разысканий, а иногда и некоторого дистанцирования от воспоминаний. В итоге в «Альбоме» возникает немало сведений и трактовок, отсутствующих в воспоминаниях.

Надо сказать, что одновременно с работой над «Альбомом» Н. Е. Штемпель и В.Л. Гордин вели работу над несколько иной его версией — слайдовой. В итоге в 1986—1987 гг. был создан, хотя и постоянно модифицировался, еще и слайд-фильм «Осип Манделъштам в Воронеже» (со звуковым сопровождением). Впоследствии он неоднократно демонстрировался в различных аудиториях в Воронеже, Москве, Ленинграде и др. городах, в том числе и на Первых Манделъштамовских чтениях в Москве в 1988 году.

Наталья Евгеньевна Штемпель и Виктор Леонидович Гордин по праву гордились своим «Альбомом» и считали его одним из главных свершений своей жизни. Оба, конечно же, мечтали увидеть его напечатанным. Пусть не сразу, но эта мечта сбылась — в 2008 году, в год открытия в Воронеже памятника Осипу Манделъштаму.

Составитель и все, кто работали над этим изданием, надеются, что в книге так же запечатлелись светлая память Надежды Манделъштам, Натальи Штемпель и Виктора Гордина.

Павел Нерлер

по цене папиросной бумаги, от каковой чести он с гневом и возмущением отказался, забрав архив и «объяснившись» с инициатором приобретения рукописей поэта В.Д.Бонч-Бруевичем в переписке и в знаменитых шуточных стихах. В третьих, архив создаст для читателя серьезные дополнительные трудности в работе с остальными (читай: «второсортными») материалами из фонда Н.Е. Штемпель, которые неизбежно улягутся в братскую могилу сводных коллекций и будут находимы только через генеральный каталог.

⁸ Экземпляр РГАЛИ оказался нам недоступен, но, тем не менее, он был учтен нами благодаря сохранившимся записям 1980-х гг., зафиксировавшим различия между ними.

⁹ Нам он был предоставлен Н.В. Гординой.

МАНДЕЛЬШТАМ В ВОРОНЕЖЕ*

Осенью 1974 года я оказалась в Малеевке¹, куда попала случайно, как говорится, волею судеб. Там встретила Эмму Григорьевну Герштейн, с которой познакомилась много лет тому назад, летом 1937 года...

Хорошо помню это лето, белый высокий дом в тенистом саду, где жила тогда Эмма Григорьевна Герштейн (ее отец был врачом, и квартира находилась при больнице), удлиненную комнату, направо от двери обеденный стол, в глубине письменный.

Меня привел сюда Осип Эмильевич Мандельштам. Мы стояли у стола и почему-то стоя пили сухое вино, закусывая сыром. Осип Эмильевич был оживлен. Это были первые месяцы его «свободы».

В мае 1937 года Мандельштаму разрешили покинуть Воронеж. В Москве жить было негде, да и прописки уже не было.

Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна на лето поселились в Савёлове. Во время летних каникул я поехала к ним.

Оставив мужа² в Москве у своей тетки³, я отправилась одна в Савёлово. Нашла нужную улицу и дом; в окне увидела Осипа Эмильевича. Он таинственно поднес палец к губам, молча вышел ко мне, поцеловал и ввел в дом. Надежда Яковлевна тоже мне обрадовалась.

В бревенчатом доме они снимали полупустую комнату, но в этом была какая-то дачная прелесть, казалось, больше воздуха.

День промелькнул необыкновенно быстро, вечером я обещала мужу вернуться в Москву. Мандельштамы запротестовали. Мне и самой не хотелось уезжать, но обещала — Борис будет ждать. «Дадим ему телеграмму, что приедете утром», — весело сказал Осип Эмильевич. Так и сделали.

Полночи мы с Осипом Эмильевичем бродили по лесу вдоль берега Волги. Надежда Яковлевна с нами не пошла. Осип Эмильевич рассказывал мне, как они жили эти два месяца после отъезда из Воронежа, прочитал все новые стихи. Мне

* Впервые: Новый мир. 1987. № 10. С.194–196, 203–234 (сокращенная журнальная версия). Впервые полностью: Н.Е. Штемпель. Мандельштам в Воронеже. М., 1992 (подготовка текста В.Н. Гыдова, контаминировавшего авторские машинописные и одну журнальную редакции). В настоящем издании текст издания 1992 года заново подготовлен П.М. Нерлером. При этом за основу была взята наиболее полная первоначальная редакция. Некоторые фрагменты текста, заключенные в скобки, интерпретируются как примечания и выносятся в сноски. Примечания составителя не обособляются, они включены в сквозную нумерацию сносок, но печатаются курсивом.

¹ Дом творчества писателей им. Серафимовича.

² Б.Е. Молчанова.

³ Елизаветы Николаевны Кульс.

кажется, их было десять или одиннадцать.⁴ Стихи пропали при последнем обыске и аресте. Надежда Яковлевна не знала их наизусть, как знала воронежские. Списков ни у кого не было. Можно надеяться только на чудо, на то, что они сохранились где-нибудь в архиве НКВД, — но бывает ли такое?

Когда мы вернулись среди ночи домой, Надежда Яковлевна уже постелила на полу постель, отдельно каждому стлать было нечего, и мы все легли, как говорится, вповалку. Было жестко, неудобно, но это никого не огорчало.

Утром Мандельштамы проводили меня на вокзал, а затем более поздним поездом тоже приехали в Москву.

Мы условились встретиться вечером на концерте Яхонтова. Я была страстной его поклонницей. Яхонтов не раз приезжал в Воронеж. Я не пропускала ни одного концерта. Помню прекрасную композицию «Чиновники» («Медный всадник» Пушкина, «Шинель» Гоголя, «Белые ночи» Достоевского); огромное впечатление произвела на меня и вторая композиция «Поэты путешествуют» — Пушкин и Маяковский: стихи, письма, документы, факты из биографий. И третий концерт: Владимир Николаевич читал отдельные произведения, среди них был отрывок из «Идиота», когда Рогожин приезжает за Настасьей Филипповной и она бросает деньги в камин; рассказы Зощенко, Есенин: «Собаке Качалова», «Черный человек», — тут же «Моцарт и Сальери» Пушкина и восхитительный «Граф Нулин».

Прекрасный голос, исключительное внешнее обаяние, предельно скупые и выразительные жесты — всё это слагалось в неповторимый облик актера. Мы много раз говорили с Осипом Эмильевичем о Яхонтове. Мандельштам хорошо его знал и любил, вернее, они взаимно любили друг друга.

Владимир Николаевич считал Осипа Эмильевича своим учителем. Мне это было непонятно. Манера чтения была у них совершенно разная. Осип Эмильевич читал стихи превосходно. У него был очень красивый тембр голоса. Читал он энергично, без тени слащавости или подвывания, подчеркивая ритмическую сторону стихотворения. И все-таки Яхонтов читал по-другому, оставляя огромное впечатление.

Концерт был посвящен столетию со дня гибели Пушкина⁵. Мы с мужем немного опоздали. Нас все же пустили в зал, мы сели на свои места. Мандельштамов не было. И вдруг, когда кончилось первое отделение, Осип Эмильевич, увидев нас, спрыгнул со сцены прямо в партер. Он был за кулисами. После концерта мы вчетвером, зайдя в гастроном и купив, кажется, ветчину и сухое вино, отправились

⁴ Насколько я помню, это были небольшие (по количеству строк) стихи, лирические, любовные — и, конечно, прекрасные. Но одно из них резко отличалось от остальных. В нем шла речь о смертной казни, которую Осип Эмильевич не принимал и не оправдывал ни при каких обстоятельствах. Кажется, хотя я в этом не уверена, у Мандельштама на эту тему был спор в Союзе писателей, как будто с Лупполом. Осип Эмильевич всегда забывал о своем положении. Осторожность не была ему свойственна.

⁵ Два отделения Яхонтов читал «Евгения Онегина». Трудно передать, какое огромное впечатление оставил этот концерт. «Онегин», которого я знаю почти наизусть, открылся для меня совершенно новой неожиданной стороной. Даже те строфы, которые любила меньше, произвели огромное впечатление, удивили, именно удивили, как будто впервые их слышу. Как грустно, что записи на пластинках совершенно не передают живого Яхонтова!

на квартиру Наппельбаума, где остановились Мандельштамы (хозяева, очевидно, были на даче).

* * *

Осипу Эмильевичу хотелось познакомить меня со своими друзьями, ведь в Воронеже он был лишен этой возможности.

Прежде всего Мандельштамы повели меня к Шкловским. По словам Надежды Яковлевны, это была едва ли не единственная семья, которая не боялась принимать ее во время воронежской ссылки Осипа Эмильевича. Шкловские жили в Лаврушинском переулке, в доме № 17, одном из первых писательских домов. Квартира огромная, да и семья состояла из шести человек. Виктор Шкловский встретил нас в трусах, что меня несколько шокировало. Но действительно жара стояла невыносимая.

Первое впечатление от Виктора Борисовича: веселый круглый человечек, круглая, очень круглая голова, круглые глаза, а веселость так и брызжет, искрится. Он всё время острил.

Я почувствовала себя у них сразу хорошо. Мне очень понравилась Василиса Георгиевна, жена Шкловского. От нее веяло мудростью, спокойствием, грустные большие серые глаза смотрели на вас с сочувственным вниманием, а главное, меня поразила какая-то высокая простота и естественность. И — сияющая Варя⁶, дочь Шкловских; таких сияющих глаз, кажется, я ни у кого не видела, они освещали всё лицо. Так бы и смотрел на нее и невольно улыбался сам.

Это первое впечатление сохранилось навсегда. Шкловские были в лучшем смысле слова интеллигентные люди.

Впоследствии, после смерти Осипа Эмильевича, я часто бывала у них. Там всегда, как в своей родной семье, останавливалась Надежда Яковлевна.

В то далекое и счастливое лето я зашла как-то к Шкловским за Осипом Эмильевичем, и мы пошли в Третьяковскую галерею, она была напротив дома. Но осмотр оказался, к моему удивлению, очень коротким. Осип Эмильевич, не останавливаясь, пробежал через ряд залов, пока не разыскал Рублёва, около икон которого остановился. За этим он и шел.

Зная мое восхищение стихами Пастернака⁷, Осип Эмильевич решил повести меня к Борису Леонидовичу (которого очень любил). Но Пастернака в Москве не оказалось. Тогда пошли к Николаю Ивановичу Харджиеву. Он жил в деревянном двухэтажном доме барачного типа, не помню, на какой улице (кажется, в Марьиной Роще). У него была одна комната на первом этаже⁸. Целую стену от пола до потолка занимал огромный стеллаж. Это было замечательное собрание поэтов начала XX века. Кого тут только не было: и символисты, и акмеисты, и футуристы,

⁶ В 1937 году Варя Шкловской было 8–10 лет, и при описании ее у меня наслоились позднейшие послевоенные воспоминания на первоначальные.

⁷ Наталья Евгеньевна говорила В. Н. Гыдову (июль 1982г.), что стихи Пастернака любит больше, чем стихи Мандельштама.

⁸ Она не производила впечатления опрятной.

и имажинисты. Кроме того, было много журналов: «Аполлон», «Весы», «Золотое руно» и еще какие-то, не помню. Я оторваться не могла от книг. Обращал внимание комод, набитый рукописями, фотографиями, письмами Хлебникова. Николай Иванович в это время готовил к изданию его стихи и огорченно сравнивал некоторые из них с напечатанными ранее и искаженными редакторами почти до неузнаваемости, так как, по словам Харджиева, читать рукописи Хлебникова невероятно трудно. Во время нашего разговора и чтения Осип Эмильевич, казалось, был занят своими мыслями.

Николай Иванович произвел на меня несколько странное впечатление, прежде всего заядлого холостяка⁹. Насколько я могла заметить, к Осипу Эмильевичу он относился с большой теплотой.

Познакомил меня Осип Эмильевич и с известной пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной¹⁰, об этой встрече у меня осталось смутное воспоминание, помню только, что Осип Эмильевич очень любил ее исполнение классической музыки.

Восторженно говорил он о Михоэлсе. Мы собирались к нему в еврейский театр, но театр в это время, как оказалось, не работал, и Михоэлса тоже не было в Москве.

Мне было очень интересно посещать с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной их друзей и знакомых или просто бродить по Москве, но отсутствие у них здесь своей крыши над головой, постоянного пристанища создавало ощущение неприкаянности, какой-то ненастоящей, временной жизни. В Воронеже хоть было жилье, а тут ни жилья, ни работы. И все-таки радостная, с ворохом впечатлений я вернулась домой, в Воронеж.

* * *

На зимние каникулы я снова на несколько дней поехала к Мандельштамам. Они жили в Калинине на окраине города.

Вспоминаю занесенные снегом улицы, большие сугробы, опять почти пустую холодноватую комнату без намека на уют. У обитателей этой комнаты, очевидно, не было ощущения оседлости. Жилье и местожительство воспринимались как временные, случайные. Не было и денег — ни на что, кроме еды. А главное — равнодушные к вещам, одежде, отсутствие которых, мне кажется, не портило настроения.

Помню, в этот мой приезд на Осипе Эмильевиче был серый костюм совершенно не по росту, кто-то ему его подарил, вернее отдал, кажется Катаев. Беспокойство доставляли брюки: они оказались очень длинны. Осип Эмильевич вынужден был их несколько раз подвернуть, они всё время разворачивались, так что приходилось

⁹ Он был полноват, среднего роста, брюнет с длинными волосами (тогда это не было модой), тип лица не русский.

¹⁰ До этого Мария Вениаминовна специально добивалась гастролей в Воронеже, чтобы увидеться с Мандельштамом. Она не побоялась прийти к нему в гости и играла для него в свободное от концертов время.

время от времени останавливаться и снова их подвертывать. Но это не раздражало и делалось автоматически. Почему-то никому и в голову не приходило, что можно их подрезать и подшить.

Мой приезд, как мне казалось, радовал Мандельштамов. Здесь они жили так же уединенно, как и в Воронеже.

Надежда Яковлевна послала нас на рынок купить мяса. Идея эта была довольно фантастической. В те времена я совершенно не занималась хозяйством, мяса никогда не покупала, сырое мясо вызывало у меня отвращение. Осип Эмильевич в этом вопросе был умудрен не более.

Мы довольно долго ходили по рынку вдоль прилавков, на которых кусками лежало мясо, в полной растерянности, не зная, что купить. Осипу Эмильевичу, по-видимому, это занятие надоело, я не заметила, как он исчез. Оглядываюсь по сторонам. «Наташа, Наташа, идите скорее сюда!» — закричал он. Подхожу, он стоит сияющий около какой-то женщины, которая продает восковых утят: красных, зеленых, желтых. «Давайте купим всех утят». Проблема с мясом решена. Денег больше нет, и мы, счастливые, веселые и гордые своей покупкой, отправились домой.

Надежда Яковлевна нас не ругала и не омрачила нашей радости. Понравились ли ей утята, не помню.

К вечеру захотелось есть. Тут уж нам не доверили денег, и мы втроем пошли в ближайший гастроном или просто лавку. Что-то купили на ужин и сварили кофе.

Из Калинина поехали на день в Москву. И, вероятно, желая доставить мне удовольствие, Осип Эмильевич повел меня к Яхонтову.

Он снимал меблированную комнату на втором этаже в старинном красивом особняке в центре Москвы (кажется, в Столешниковом переулке). Когда мы вошли, Владимир Николаевич стоял между двух больших зеркал, на нем был голубой джемпер, который так шел к его золотым волосам, светло-серые брюки и лакированные черные туфли. Очевидно, он репетировал. Яхонтов кинулся к Осипу Эмильевичу, не дав ему раздеться, обхватил его и начал с ним кружиться. Так смешно было на них смотреть. Один изящный, элегантный, а другой в нелепой, с чужого плеча меховой куртке мехом наружу, высокой шапке и галошах.

Комната, очень светлая, была обставлена старинной красивой мебелью, но в то же время не было ощущения обжитости, и она, конечно, не отражала индивидуальности своего хозяина. На маленьком столике стоял какой-то комнатный цветок почти без листьев. Он, очевидно, изображал елку, потому что был обвешан бумажными лентами и игрушками. По комнате летали два попугая: голубой и зеленый. Клетки не было, и они сидели, где им хотелось.

Владимир Николаевич был очень любезен, расспрашивал меня о Воронеже, показывал нам, как он работает над своими композициями. Мне запомнились очень длинные, в несколько метров, ленты, состоящие из склеенных листов бумаги разной величины. Мы пробыли у Владимира Николаевича почти целый день, что-то ели. Стол накрывала Лиля, жена Яхонтова. Очень красивая женщина, строго одетая, тихая, молчаливая, совершенно лишенная кокетства. Она даже не включилась в общую беседу. Ее поведение чем-то удивляло меня, и в то же время я любовалась ею.

Несмотря на оживленный разговор, у меня было ощущение, что все мы здесь случайные люди, как в гостинице, и от этого становилось грустно.

* * *

Я сообщила Осипу Эмильевичу, что разошлась с Борисом, он очень расстроился. Упрекал меня, что я не сказала об этом сразу, изъявил желание поговорить с ним (непонятно, о чем в таких случаях можно говорить?!), потом успокоился и сказал, что ему ясно, почему мы разошлись: «Борис не способен на праздник, который вы несете».

Но, очевидно, Осип Эмильевич успокоился не совсем. Позже, оказавшись дома, я начала получать почти каждый день телеграммы; содержания их не помню, кажется, Мандельштамы предлагали приехать в Воронеж. Какая-то телеграмма была подписана, помимо Мандельштамов, Ахматовой и Рудаковым.

Продолжалось это до тех пор, пока не взмолилась мама и не попросила меня прекратить всё это: ведь телеграммы приносили чуть ли не в пять утра (тогда телеграммы носили и ночью). Осип Эмильевич отправлял их, наверное, в одно и то же время, поздно вечером.

* * *

...Из Москвы мы вернулись опять в Калинин. Не думала я, что это моя последняя встреча с Осипом Эмильевичем. Мы много гуляли, несмотря на большие морозы. Осип Эмильевич сказал мне: знайте, если вам будет плохо, достаточно телеграммы, и где бы мы ни были, мы сейчас же приедем.

Так на всю жизнь запомнилась зима 1938 года, занесенный снегом Калинин, совершенно необыкновенный поэт и человек и верная его подруга Надежда Яковлевна. В мой калининский приезд она была особенно грустна — такой она не была и в Воронеже, как будто чувствовала близость трагической развязки.

* * *

1 мая 1938 года в Саматихе, в доме отдыха, куда получили путевки Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, Мандельштам был вторично арестован.

Надо сказать, что по Советскому Союзу в это время не один Осип Эмильевич был взят повторно.

Как выяснилось позднее, 9 сентября (то есть через четыре месяца) Осип Эмильевич был отправлен в лагерь. На этот раз Надежде Яковлевне уже не предлагали его сопровождать. Через Шуру, брата Мандельштама, она получила письмо от Осипа Эмильевича из пересылочного лагеря под Владивостоком с просьбой выслать посылку.

Она сделала это сейчас же, но Осип Эмильевич ничего получить не успел. Деньги и посылка вернулись с пометкой: «За смертью адресата».

Надежда Яковлевна сообщила мне об этом в письме. Боже мой, как я плакала! Я никогда не плакала так горько. Тогда я оплакивала его как человека. Я не думала о нем как о поэте, жизнь которого насильственно оборвали в тот период, когда он так много писал, и многое еще было не завершено...

Я не могла вообще представить себе Осипа Эмильевича без Надежды Яковлевны. Он был так беспомощен в жизни. Сердце у меня сжималось от горя и жалости. Я поняла, что потеряла друга, бесконечно преданного, — даже независимо от того, стали бы мы встречаться или нет, и как бы долго не виделись.

Во мне неосознанно жило ощущение, что он есть. Достаточно было знать лишь это: он есть и живет. А вот теперь его нет и никогда, никогда не будет, и некого позвать...

В письме, где Надежда Яковлевна сообщала мне о смерти Осипа Эмильевича, некоторые слова как-то бессмысленно были подчеркнуты красными чернилами, это делалось и в последующих письмах.

* * *

Я поехала к Надежде Яковлевне в Калинин. Она жила уже в крошечной комнате, в которой умещались только кровать и небольшой стол. В углу была гора выточенных из дерева небольших круглых коробочек. Надежда Яковлевна их расписывала в русском стиле (она работала надомницей на какой-то фабрике); в комнате сильно пахло красками.

Времени в моем распоряжении было очень немного: я отпросилась в середине учебного года. Я пришла к директору техникума и сказала, что должна на несколько дней уехать: у моей близкой приятельницы большое несчастье, если вы не отпустите, я всё равно уеду, — и он отпустил.

Всю ночь напролет мы проговорили, подкрепляя силы черным кофе. Надежда Яковлевна попросила меня съездить в Ленинград к Анне Андреевне Ахматовой (писать ей она боялась)¹¹ и рассказать всё, а на обратном пути опять заехать в Калинин, что я и сделала.

С Анной Андреевной я не была знакома и никогда раньше ее не видела. Стихи Ахматовой я знала и очень любила, у меня были «Четки», «Белая стая», «Anno Domini».

Я пришла в «Фонтанный Дом», каменный, длинный, четырехэтажный, он стоял в глубине сада, мне запомнились старые липы, но дом мне показался мрачным. С волнением поднялась на четвертый этаж, позвонила. Мне открыла дверь немолодая некрасивая женщина, напоминавшая классную даму из романов Чарской. Позднее я узнала, что это была бывшая жена Пунина, в то время

¹¹ Рассказывая об этом В. Н. Гыдову, Наталья Евгеньевна уточняла, что Надежда Яковлевна боялась писать, так как у Анны Андреевны в это время был арестован муж Н. Н. Пунин и в заключении находился сын.

мужа Ахматовой. Я спросила Анну Андреевну. Не сказав в ответ ни единого слова, женщина удалилась. Я стояла в коридоре довольно растерянно, не зная, что мне делать.

Но через несколько минут появилась Анна Андреевна. Я не могла оторвать от нее глаз. Высокая, стройная, длинноногая, с небольшой гордой головой, с русалочьими грустными глазами, а челка и заложенные сзади косы придавали ей девичий вид. Черный атласный халат с огромным серебряным драконом плотно облегал ее прекрасную фигуру.

Она провела меня в какую-то узкую, загроможденную старой мягкой мебелью комнату. Комната казалась нежилой, и сама она как будто тоже была здесь случайной гостьей. Мы просидели несколько часов¹². О стихах не было речи, слишком трагические были обстоятельства и у нее, и у меня как вестницы Надежды Яковлевны. Ахматова просила меня прийти на другой день, но вечером я должна была уехать.

* * *

И опять Воронеж, мой родной город, привычный и неощутимый, как воздух. Но так больно теперь его прикосновение; без Мандельштама он стал для меня мертвым. Давать уроки невыносимо трудно, и не только уроки, трудно обычно жить.

Единственное утешение — вечером встретиться с милым, чудным Павлом Леонидовичем¹³, бродить по темным пустынным улицам и без конца говорить об Осипе Эмильевиче, вспоминая всё до мелочей.

Павел Леонидович, мне кажется, всё понимает и сам чувствует потребность в том же, поэтому с ним легче.

Как же, как всё началось?

* * *

В начале февраля 1936 года моя давнишняя приятельница Люся¹⁴ попросила меня как-нибудь вечером зайти к ней. Она хотела познакомить меня «с очень интересным молодым человеком»¹⁵. Это был Сергей Борисович Рудаков, вместе с которым Люся лежала в инфекционной больнице, — ленинградец, высланный

¹² В февраль 1982 г. Наталья Евгеньевна рассказывала В. Н. Гыдову, что, пройдя в комнату, она сказала Ахматовой, что приехала к ней от Надежды Яковлевны с печальными вестями об Осипе Эмильевиче. Она, по словам Натальи Евгеньевны, конечно, всё поняла, расспрашивала, потом рассказала о Леве. Наталья Евгеньевна считала эту встречу самой лучшей из встреч с Ахматовой.

¹³ У меня был замечательный учитель, ему я безгранично обязана своим литературным вкусом и симпатиями, — Павел Леонидович Загорский, профессор Воронежского университета.

¹⁴ Людмила Ивановна Мордашева.

¹⁵ Люся была моя ровесница, но очень рано, едва окончив девятилетку, вышла замуж и уже имела ребенка. Мальчик заболел скарлатиной, и Люся лежала с ним в инфекционной больнице. Там она познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым (он тоже болел скарлатиной).

в Воронеж (ссылных в то время в Воронеже было много). Выслали его за социальное происхождение: его отец, генерал царской армии, близкий друг К. Р.¹⁶, и его старший брат были расстреляны во время революции¹⁷.

Сергей Борисович, филолог по образованию, превосходно знал и самозабвенно любил поэзию, помнил наизусть сотни стихов, даже поэтов XVIII века. Писал и сам стихи.

Высокий, с огромными темными глазами, несколько крупными чертами лица: резко очерченный рот, черные брови с изломом, длинные ресницы и какие-то особенные тени у глаз — он был очень красив. Недаром Ахматова говорила о «рудаковских глазах». Человек он был эмоциональный, горящий. Сразу, с первого вечера нашего знакомства, мы подружились, захлебываясь, говорили о любимых поэтах и композиторах.

Вкусы сходились. От Сергея Борисовича я впервые услышала воронежские стихи Мандельштама. Он читал мне их очень часто¹⁸.

Об Осипе Эмильевиче Рудаков говорил с восторгом. Когда я как-то спросила, какой он, Сергей Борисович воскликнул: «Ну чудный!» Встречались мы почти каждый день, каждый день Рудаков бывал и у Мандельштамов. Жил Сергей Борисович на улице Достоевского, там он снимал в полуподвальном этаже комнату вместе со случайным сожителем пекарем Трошей. Работы не было, жилось нелегко. Только однажды мне удалось передать ему предложенную мне работу по оформлению пушкинской выставки, и то случайно. Директор областной библиотеки Трофимова (по ее заказу нужно было оформить выставку) оказалась матерью моего ученика.

В июле 1936 года Сергей Борисович получил разрешение вернуться в Ленинград. Он уехал и взял с меня слово, что я не пойду к Мандельштамам. До сих пор мне это непонятно. Дала я ему слово или нет, не помню, но к Мандельштамам решила идти.

¹⁶ К. Р. — великий князь Константин Константинович, русский поэт, взявший эти инициалы в качестве псевдонима.

¹⁷ С. Б. Рудаков был сыном пехотного офицера и правнуком адмирала А. И. Бутакова. Два года учился на Высших государственных курсах при Ленинградском институте истории искусств. После закрытия в 1930 г. института помогал Ю. Н. Тынянову готовить собрание стихотворений В. К. Кюхельбекера. В Воронеже жил с апреля 1935 по июль 1936 г. Близко познакомившись с Мандельштамом, начал работу над комментариями к его стихам и над книгой о поэте. Эти материалы вместе с частью мандельштамовского архива, переданного поэтом Рудакову на хранение, пропали после его гибели на фронте.

¹⁸ Стихи Мандельштама я знала давно, пожалуй, с первого курса университета. Он был в числе любимых поэтов, наряду с Пастернаком, Ахматовой, Гумилёвым и Цветаевой, которую я представляла тогда по «Верстам». Помню, мы, молодежь, небольшая группа по сравнению с остальной студенческой массой, жестоко спорили, кому отдать пальму первенства: Мандельштаму или Пастернаку. Я и мои сторонники считали стихи Мандельштама глубже по мысли, не говоря уж о совершенно невиданной стройности, чеканности формы, классической скульптурности стиха. «Молодой Державин», по определению Марины Цветаевой! В то время я знала «Камень», «Tristia», прекрасную подборку в антологии «Русская поэзия XX века» под редакцией Ежова и Шамурина, позднее — сборник «Стихотворения» 1928 года. И вдруг этот замечательный поэт в Воронеже, просто невероятно!

И вот в осенний яркий день (это было в начале сентября 1936 года), страшно волнуясь, я поднялась по лестнице большого каменного дома на углу улицы Фридриха Энгельса¹⁹ и Итээровского переулка (ныне улицы Чайковского) и позвонила. Мне открыла дверь хозяйка квартиры и сказала, что Мандельштамы в Задонске, но на днях возвратятся.

Не знаю, как хватило у меня смелости пойти второй раз. Надежда Яковлевна встретила меня несколько удивленно, — очевидно, к посетителям Мандельштамы не привыкли, — и ввела в комнату. Осип Эмильевич стоял посреди комнаты и с любопытством смотрел на меня. Очень смущаясь, я пролепетала что-то невнятное о Сергее Борисовиче. «Ах, вот кого он прятал!» — лукаво и весело воскликнул Мандельштам. И сразу стало легко и непринужденно. Помню, я с увлечением рассказала о своих летних впечатлениях, о Хреновском конесовхозе, где гостила у знакомых, о чудных орловских рысаках и былинных белых першеронах, которые жили на воле в степи, о потомственных конюхах, ведущих свою родословную от крепостных графа Орлова, о своеобразных традициях и легендах, об очень симпатичном москвиче директоре совхоза, который каждый год собирается возвратиться в Москву, но с грустью говорит, что от лошадей уйти невозможно. Осип Эмильевич слушал меня с большим интересом. Потом рассматривали осенние акварели Надежды Яковлевны, разложив их в два ряда вдоль всей комнаты прямо по полу. Запомнилось золото деревьев и синева Дона. Осип Эмильевич спросил меня, знаю ли я наизусть какие-нибудь его стихи. Я ответила утвердительно. «Прочитайте, пожалуйста, я так давно не слышал своих стихов», — сказал он с грустью и сразу стал серьезным. Не знаю, почему, я прочитала из «Камня»: «Я потеряла нежную камею, не знаю где, на берегу Невы...». Боже мой, что началось! Осип Эмильевич негодовал. Он весь был воплощение гнева. Меня поразила такая бурная реакция, такая неожиданная перемена настроения. Я растерялась. Единственное, что мне запомнилось из этого крика: «Вы прочитали самое плохое мое стихотворение!» Сквозь слезы я сказала в свое оправдание: «Не виновата же я, что вы его написали». Это как-то сразу его успокоило, мне даже показалось, что он пожалел о своей вспышке. Тут вмешалась Надежда Яковлевна и сказала: «Ося, не смей обижать Наташу».

Она усадила меня на свою кровать, стала гладить, как маленькую, по голове и подарила альбом французских импрессионистов. Перед этим мы разговаривали о них, и оказалось, что и я, и она их очень любим.

Мандельштамы настойчиво приглашали меня приходить к ним. Но, как ни странно, на второй визит у меня не хватило смелости. Я думала, что меня зовут из вежливости. Тогда я еще не знала Осипа Эмильевича и не понимала, что он никогда не станет что-то делать или говорить из вежливости. Это был человек предельной искренности, и он мог быть очень резким, если это соответствовало его внутреннему состоянию. Мандельштам часто забывал о своем положении ссыльного и поднадзорного. Помню, в пушкинские дни мы с Осипом Эмильевичем

¹⁹ По современной нумерации: ул. Ф. Энгельса, д. 13, подъезд 5, кв. 39.

пришли на выставку в университетскую фундаментальную библиотеку. И Осип Эмильевич заметил, что из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» выброшены организаторами выставки строчки: «Но есть и божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд: он ждет; он недоступен звону злата, и мысли и дела он знает наперед».

Осип Эмильевич устроил настоящий скандал и успокоился только тогда, когда директор библиотеки обещала восстановить пропущенный текст.

И еще случай. Осип Эмильевич написал новые стихи, состояние у него было возбужденное. Он кинулся через дорогу от дома к городскому автомату, набрал какой-то номер и начал читать стихи, затем кому-то гневно закричал: «Нет, слушайте, мне больше некому читать!» Я стояла рядом, ничего не понимая. Оказывается, он читал следователю НКВД, к которому был прикреплен.

Осип Эмильевич всегда оставался самим собой, его бескомпромиссность была абсолютной. Об этом пишет и Анна Андреевна: «В Воронеже его не с очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 году²⁰: "Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых"²¹. На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: "Тоска по мировой культуре"».

Так вот, недели через две после первого свидания с Мандельштамами я случайно встретила их в Первомайском саду во время антракта на гастролях московского театра, кажется, имени Немировича-Данченко. Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна подошли ко мне, и мы тут же условились, когда мне прийти. Я начала бывать у Мандельштамов очень часто, и вскоре мы стали видеться почти ежедневно. Дома я восторженно говорила об Осипе Эмильевиче и его стихах.

И вот однажды мама сказала: «Наташа, ты очень часто бываешь у Мандельштамов. Ты хорошо представляешь, какие могут быть последствия?» Я промолчала. Всё это было очень грустно. Аресты действительно принимали массовый характер, и мы с мамой не раз прислушивались ночью, где остановилась машина²². На душе

²⁰ Доклад Мандельштама об акмеизме в редакции областной газеты «Коммуна» состоялся в феврале 1935 г.: «<...> На широком собрании воронежского ССП был поставлен доклад об акмеизме, с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому. В своем выступлении Мандельштам показал, что он ничему не научился, что он кем был, тем и остался» (С. Н. Стойчев — В. П. Ставскому, 28 ноября 1936 г. — Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 93).

²¹ Говоря о мертвых, Осип Эмильевич имел в виду Гумилёва.

²² События захватывали и близких мне людей, не общественных деятелей, не политиков, а самых обыкновенных. Ту Люсю, которая познакомила меня с Рудаковым, тоже постигла общая беда: арестовали ее мужа, агронома Сахаротреста, человека, интересовавшегося только своей специальностью и работой, через несколько дней взяли ее брата и невестку, а маленького ребенка отправили в детский дом, отказавшись отдать родственникам. Люсю со старушкой матерью и сынишкой в январе в страшные морозы выгнали из квартиры, выкинули во двор все вещи. Я видела, как они валялись в снегу. Люся была безучастна, больше волновалась я, деваться ей было некуда, она пришла к нам. И вот второй случай. В моей сослуживицы Маруси, преподавательницы, активной комсомолки, из пролетарской семьи, в течение недели произошло сразу три несчастья. Муж ее старшей сестры Николай Иванович был начальником политотдела в Хреновском конесовхозе. Он отправил под каким-то предлогом жену и маленькую дочку в Воронеж к бабушке и повесился, написав письмо на имя Сталина. Через несколько дней приехал брат Маруси Виктор (он был секретарем райкома, кажется, в Борисоглеб-

было смутно, я очень любила мать, она всегда была для меня другом, — нет, она была для меня всем, а главное — мысль о брате, не подведу ли его?!

Но не бывать у Мандельштамов я не могла, мне даже стыдно было об этом подумать. Испугаться!?

И я продолжала ходить к ним, но дома ничего не говорила. Меня не спрашивали, лгать не приходилось. Через некоторое время мама говорит: «Девочка, я знаю, что ты бываешь у Мандельштамов, ты напрасно молчишь и мучаешься, я поступила бы точно так же на твоём месте. Я просто считала своим долгом тебя предупредить, зови их к нам»²³.

С этого времени Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна начали бывать у нас. Больше этот вопрос никогда не возникал и никого не волновал. Маме всегда хотелось угостить их, она вообще была необыкновенно гостеприимна, любила людей. В доме у нас бывало всегда много народу. Помимо моих старых друзей, товарищей и просто знакомых, к нам как-то случайно попадали и ссыльные: Андрей Азанчевский из Киева, Евгений Оттонович Пиотровский, Хаим Соломонович Лифшиц из Москвы²⁴ и другие. Все они были люди незаурядные, интересные. Они получали минус шесть, девять или двенадцать²⁵ и выбирали Воронеж.

Осип Эмильевич неоднократно говорил: «Наташа владеет искусством дружбы». Я же думаю, дело было не во мне, а в маме: трудно сказать, к кому приходили люди, даже мои сверстники, и с кем они больше дружили, со мной или с мамой.

Мандельштамам мама очень сочувствовала, понимая хорошо их положение. Но накормить Осипа Эмильевича было трудно, он был равнодушен к еде, точно так же, как и к вещам. Отсутствие их, скудость не портили ему настроения. Ел он очень мало, я не помню, чтобы Осип Эмильевич спокойно сидел за обеденным столом. Что-то схватит на ходу, как мне казалось, автоматически, не замечая что, или со стаканом чая бегают вокруг стола, читает стихи и спрашивает маму: «Вам нравится, Мария Ивановна?»

ске), остановился у своего друга, секретаря парткома завода имени Дзержинского. А на другое утро, когда хозяева ушли, застрелился, оставив записку: «Извините за беспокойство». А еще через несколько дней арестовали ее старшего брата Андрея. Во время империалистической войны он был в плену у немцев. Я была единственным человеком, кому Маруся всё рассказала. Боясь лишиться работы, она вынуждена была скрывать свое горе. От этих трех разбитых семей остались дети примерно одного возраста, они ходили в детский сад, жили у бабушки. Однажды со слезами на глазах Маруся рассказала мне, как они хором повторяли: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство».

²³ Н. Я. Мандельштам писала: «Скромница, умница, веселая и легкая Марья Ивановна — единственный человек в Воронеже, открывший нам свой дом» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999. С. 213).

²⁴ «Андрей Азанчевский — моего возраста, выслан из Киева, очевидно, за наркоманство. Очень красивый, писал эстетические стихи... Был в Воронеже около года. Евгений Оттонович Пиотровский — москвич, фотограф-художник, участвовал во всемирных выставках, в частности в Италии, знал поэзию, дома был весь «Аполлон». Остроумный, образованный. Лет пятидесяти. Вернулся в Москву. Хаим Соломонович Лифшиц — вместе работали в Ин-те организации и охраны труда. Лет 30, может, больше. Образован, знал поэзию, философию, древнееврейский, был религиозен. Уехал тогда же в Израиль. М. никто из них не знал» (письмо Н. Е. Штемпель к П. М. Нерлеру от 3 ноября 1987г.).

²⁵ Выссылаемому разрешалось выбрать местожительство по своему усмотрению за исключением шести, девяти или двенадцати городов, таких, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Минск, Одесса, Севастополь и другие.

Так же он ел и дома. Обязательно одновременно чем-то занимался. Но любил, когда появлялись деньги, пойти в лучший магазин, конечно, вместе с Надеждой Яковлевной, и купить всяких вкусных вещей, а потом мы устраивали «пир».

* * *

Вскоре Мандельштамы перешли на другую квартиру. В маленьком одноэтажном каменном домике они снимали комнату у театральной портнихи, которая жила вместе со старушкой матерью и сыном Вадей, учеником второго класса. Удобств никаких не было, отопление печное. Но расположен дом был очень живописно. Он находился в тупике на улице 27 февраля, в трех минутах ходьбы от проспекта Революции²⁶. Перед домом была большая площадка с огромным тополем, разбросавшим во все стороны свои могучие ветви, а за домом был спуск (начиналась Неёловская улица), открывался вид на речную даль. И вблизи никаких домов не было. Даже не верилось, что это центр города.²⁷ Через площадку и дорогу в угловом здании бывшей женской гимназии в то время находились междугородная телефонная станция и городской автомат. Тогда их в Воронеже было очень мало. Мы не раз часами, чаще всего поздно вечером, просиживали на станции в ожидании Москвы. Утешало то, что мы почти всегда были единственными посетителями: можно разговаривать, читать стихи, думать — никто не мешал.

Теперь на месте домика, где жили Мандельштамы, большой дом и сад работников обкома партии. Всё заасфальтировано, тополь, конечно, уничтожен: слишком он привольно жил.²⁸

В комнату Мандельштамов можно было попасть через маленькую покосившуюся переднюю. Налево вела дверь к ним, а прямо — к хозяевам. Комната была темноватая, два небольших окна в глубоких нишах освещали ее плохо, а тут еще затенял тополь. Одно окно выходило на площадку, другое во двор, и Осипа Эмильевича по утрам изводил петух, который с ранней зари начинал кукарекать прямо в окно (окна были на полметра от земли). Петух настолько надоедал Осипу Эмильевичу, что он даже об этом писал Надежде Яковлевне, уехавшей по делам в Москву: «Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 — до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегаёт. И вербочки зеленые...»

Во втором письме, написанном через несколько дней, — опять петух: «Дней 10 назад я поссорился с нашей хозяйкой из-за петуха [я кричал о петухе в пространство: она приняла пафос на свой счет] (очень деликатно, но всё же она говорила кислые слова). Всё это забыто. Деликатность удивительная. Денег не брала. Терпенье сверх меры. По поводу же нападения курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает какой вздор пишу. Гоголь такого не вы-

²⁶ Главная улица в Воронеже.

²⁷ Мне иногда казалось, что эта хижина где-то на краю света, и путники в бурю нашли в ней временное пристанище.

²⁸ В воротах высокой чугунной ограды стоит милиционер, охраняющий неприкосновенность обитателей этого дома.

думает...» Убранством комната мало отличалась от прежней: две кровати, стол, какой-то нелепый длинный черный шкаф, очевидно, книжный, и старая, обитая дерматином кушетка, которая стояла почему-то почти посередине комнаты. На ней всегда было холодно и неуютно. Так как стол был единственный, то на нем лежали и книги, и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда. В шкафу действительно хранились те немногие книги, с которыми Осип Эмильевич не расставался. Помню старинное издание на итальянском языке его любимой «Божественной комедии» Данте в кожаном переплете с застежками, сонеты Петрарки, тоже в подлиннике; на немецком языке Клейст, о котором написано замечательное стихотворение «К немецкой речи»²⁹, стихи Новалиса, альбомы живописи и архитектуры и еще какие-то книги.

Мы рассматривали с Осипом Эмильевичем эти альбомы, и как-то под впечатлением готических соборов Реймса и Лаона Мандельштам написал стихотворение:

Я видел озеро, стоявшее отвесно, —
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный.
Лиса и лев боролись в челноке...

Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна пришли ко мне в лабораторию, где я работала, и Мандельштам прочитал его мне. Читать мне (больше и некому было) только что написанное стихотворение стало для Осипа Эмильевича привычкой. Если не приходила я, они приходили сами ко мне домой или на работу. Помимо своих стихов, Осип Эмильевич часто читал мне стихи любимых поэтов: Данте, Петрарку, Клейста. Я не знала языка, но впечатление было непередаваемое: изумительный голос поэта, его манера чтения и музыка стихов создавали иллюзию полного понимания текста.

Одним из любимых русских поэтов Осипа Эмильевича был Батюшков. Нередко он читал мне его стихи. В чудном стихотворении «Батюшков», написанном Мандельштамом еще в 1932 году, он говорит о нем как о своем современнике, ощущая его присутствие:

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в Замостье,
Нюхает розу и Дафну поет.

Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:

²⁹ Поэзия, тебе полезны грозы!
Я вспоминаю немца-офицера:
И за эфес его цеплялись розы,
И на губах его была Церера...

В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.

Это и понятно, учителями Батюшкова были Торквато Тассо, Петрарка. Пластика, скульптурность и в особенности неслыханное у нас до него благозвучие, «итальянская гармония» стиха, — всё это, конечно, было очень близко Осипу Эмильевичу.

В этом же стихотворении он так характеризует «русского Тассо»:

Ни у кого — этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез.

Как-то попался Осипу Эмильевичу томик Никитина в серии «Библиотека поэта». Он с удовольствием читал его лирические пейзажные стихи и восторгался отдельными строфами.

Из своих современников Мандельштам больше всех ценил Пастернака, которого постоянно вспоминал. Надежде Яковлевне он говорил, что так много о нем думает, что даже устал.

В новогоднем письме Осип Эмильевич писал Пастернаку:

Дорогой Борис Леонидович.

Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват — для благодарности не найдешь слов.

Я хочу, чтобы ваша поэзия, которой мы все избалованы и незаслуженно задарены, — рвалась дальше к миру, к народу, к детям...

Хоть раз в жизни позвольте сказать вам: спасибо за всё и за то, что это «всё» — еще не «всё».

Простите, что я пишу вам, как будто юбилей. Я сам знаю, что совсем не юбилей: просто вы нянчите жизнь и в ней меня, недостойного вас, бесконечно вас любящего.³⁰

В одну из поездок в Москву Надежда Яковлевна показала Пастернаку вторую «Воронежскую тетрадь» Мандельштама. Новые стихи понравились Борису Леонидовичу. Он подробно говорил о них Надежде Яковлевне и написал записку Осипу Эмильевичу:

Дорогой Осип Эмильевич! Ваша новая книга замечательна. Горячо Вас с ней поздравляю. Мы с Надеждой Яковлевной отметили и выделили то, что меня боль-

³⁰ Письмо опубликовано в журнале «Литературное обозрение» (1986, № 9).

ше всего поразило. Она расскажет Вам о принципе разбора. Я рад за Вас и страшно Вам завидую. В самых счастливых вещах (а их немало) внутренняя мелодия предельно материализована в словаре и метафорике и редкой чистоты и благородства. «Где я, что со мной дурного...» в этом смысле головокружительно по подлинности и выражению.

Пусть Надежда Яковлевна расскажет Вам всё, что говорилось нами о теме и традиции. Пусть временная судьба этих вещей Вас не смущает. Тем поразительнее будет их скорое торжество. Как это будет, никто предпретить не может...

Но говорить только хочется об «Осах», «Ягненке гневном» и других Ваших перлах, и на словах (с Надеждой Яковлевной) это вышло лучше и проще, на бумаге же ложится таким Саводником, что лучше бросить.³¹

* * *

Я хорошо помню первое впечатление, которое произвел на меня Осип Эмильевич. Лицо нервное, выражение часто самоуглубленное, внутренне сосредоточенное, голова несколько закинута назад, очень прямой, почти с военной выправкой, и это настолько бросалось в глаза, что как-то мальчишки крикнули: «Генерал идет!» Среднего роста, в руках неизменная палка, на которую он никогда не опирался, она просто висела на руке и почему-то шла ему, и старый, редко глаженный костюм, выглядевший на нем элегантно. Вид независимый и непринужденный. Он, безусловно, останавливал на себе внимание — он был рожден поэтом, другого о нем ничего нельзя было сказать. Казался он значительно старше своих лет. У меня всегда было ощущение, точнее, убеждение, что таких людей, как он, нет. Он и сам писал: «Не сравнивай: живущий несравним...» Я смотрела на него всегда с удивлением, и острота новизны не исчезала. Осип Эмильевич никогда не жаловался на обстоятельства, условия жизни. Прекрасно он сказал об этом:

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в богатой нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

15–16 января 1937

³¹ Из семейного архива Б.Л. Пастернака. Саводник Владимир Федорович (1874–1940) — историк литературы, автор учебников для средней школы.

Как-то сочувственно я рассказала о жалобах Сергея Борисовича на то, что так неудачно сложилась у него жизнь, что при других условиях он много мог бы написать. Неожиданно для меня Осип Эмильевич взорвался. «Ерунда, — резко сказал он, — если вам есть что сказать, скажете при всех обстоятельствах и вместо десяти нудных томов напишете один».

У него не было мелких повседневных желаний, какие бывают у всех. Мандельштам и, допустим, машина, дача или полированный гарнитур — совершенно неправдоподобно, несовместимо.

Но он был богат, богат, как сказочный король: и «равнины дышащее чудо», и чернозем «в апрельском повороте», и земля, «мать подснежников, кленов, дубков», — всё принадлежало ему.

Где больше неба мне — там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Он мог остановиться зачарованный перед корзиной весенних лиловых ирисов и с мольбой в голосе попросить: «Надюша, купи!» А когда Надежда Яковлевна начинала отбирать отдельные цветы, с горечью воскликнуть: «Все или ничего!» — «Но у нас ведь нет денег, Ося», — напоминала она.

Так и не были куплены ирисы. Что-то детски-трогательное и грустное было в этом эпизоде.

Мне так хотелось подарить Осипу Эмильевичу все цветы, но у меня тоже не было денег.

Жили Мандельштамы в абсолютной изоляции, кроме меня, у них никто не бывал, так же как и они бывали только у нас. Позднее я привела к ним Павла Леонидовича Загоровского, профессора Воронежского пединститута³², по специальности психолога, человека широко образованного, страстно любящего и превосходно знающего поэзию. Он был кумиром воронежской поэтической молодежи и всегда был окружен ею. Павел Леонидович был человек необыкновенный и по внешнему облику, и по манерам, и по характеру. Его движения, походка отличались изяществом. Очень быстрый взгляд и вдруг — опущенные ресницы, какая-то удивительная живость, внезапный смех, как бы вызванный своими мыслями, высокий звук голоса, а главное, удивительная деликатность, безукоризненная воспитанность, столь редкая сейчас, — всё это поражало, приковывало к нему людей. Недаром Осип Эмильевич называл его «бархатный профессор». Тонкий,

³² К этому времени педфак университета выделился в самостоятельный институт.

остроумный и в то же время очень мягкий, удивительно скромный, он никогда не подчеркивал своей буквально энциклопедической образованности. Память у него была феноменальная.

Это был безупречно порядочный человек, по-настоящему мужественный, не побоявшийся поставить под удар и себя, и семью, и свое положение (он был не только профессором и завкафедрой, но и проректором).

Как-то я предложила Павлу Леонидовичу познакомиться с Осипом Эмильевичем. Он согласился.

В условленный час мы пошли к Мандельштамам и уже почти дошли до дома, как вдруг Павел Леонидович говорит, что сегодня не пойдет. Я возмутилась: «Бойтесь?» — «Нет, просто я не в форме», — ответил он. Я не поверила и пошла одна, решив, что больше, конечно, навязывать ему это знакомство не буду. Через несколько дней Павел Леонидович сам попросил меня пойти с ним к Осипу Эмильевичу. Симпатия между ними возникла сразу, как будто они были давно знакомы. Наконец-то Осип Эмильевич обрел равного себе собеседника. Я сидела на кушетке, вжавшись в угол, и тихо радовалась, молча слушая их оживленный разговор, — они буквально дорвались друг до друга и, казалось, забыли обо всем на свете.

С этого времени Павел Леонидович не очень часто, но систематически бывал у Мандельштамов. Заходили и они к нему на несколько минут, обычно днем, чтобы не бросалось в глаза. Павел Леонидович по возможности помогал опальному поэту: страшно смущаясь, он совал в руку Надежде Яковлевне деньги.

Решив расширить круг знакомых Осипа Эмильевича, я хотела привести к нему профессора Бернадинера (философа, или, как он сам себя тогда называл, диаматчика). Он был еще молодым человеком, интересовался литературой, стихами, часто бывал у нас. Но мое предложение резко отверг. На тот же вопрос: «Бойтесь?» — «Да, боюсь», — ответил он прямо.

Была еще неудачная попытка, но уже неудачная по-другому. Вместе со мной работал мой ровесник, очень милый, хороший юноша Вадим Покровский. По образованию врач-токсиколог. Он имел несчастье писать стихи и даже иногда печатался в воронежском литературном альманахе. На мое предложение привести Вадима Осип Эмильевич ответил злой эпиграмой:

Искусств приличных хоровода
Вадим Покровский не спугнет:
Под руководством куровода, —
За Стоичевым³³ год от года
Настойчивей кроликовод.

³³ Стоичев — ректор Воронежского пединститута, филолог, был председателем Воронежского отделения Союза писателей. Злые языки говорили, что он увлекается куроводством. В 1937 году Стоичев был арестован, погиб в лагере, посмертно реабилитирован.

* * *

Как-то ранней весной, в самых первых числах марта, когда везде еще лежал снег (в том году его было очень много), Осип Эмильевич зашел к нам, и мы пошли гулять. Были уже сумерки. Мы дошли до конца улицы Каляева, на которой я жила, и остановились на крутой горе; улица спускалась вниз, на Степана Разина, а напротив поднималась тоже крутая и высокая гора, так начиналась Логовая.

В синих сумерках на горе и внизу загорались огоньки окон.

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной –
Втридорога снегом напоенный,
Высоко занесся санный, сонный
Полугород, полуберег конный,
В сбрую красных углей запряженный...
.....
Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного фламандского уклона...

Так запечатлел Осип Эмильевич кусочек моего города в стихотворении, которое он прочитал на другой день.

* * *

Я приходила к Мандельштамам чаще всего из техникума, днем или вечером, и почти всегда заставляла их обоих на кроватях.

Надежда Яковлевна лежа читала или писала. Она превосходно знала английский язык и переводила, конечно, под чужим именем, чтобы хоть сколько-нибудь заработать. Ведь жить было совсем не на что. Осип Эмильевич сидел в обычной для него позе около спинки своей кровати, часто с потухшей папиросой. Мой приход вносил оживление. Я рассказывала техникумовские новости, а однажды пришла в полном смятении, надеясь получить от Осипа Эмильевича совет.

На уроке русского языка во время диктанта на вопрос учащихся, как пишется «в полдень», я ответила: «Вместе», имея в виду существительное «полдень». Все тридцать человек написали «полдень» слитно с предлогом «в». Что делать? Эта ошибка меняла оценку, я в отчаянии (был первый год моей педагогической работы). Осип Эмильевич рассмеялся и вместо совета взял карандаш и написал две эпиграммы:

Если бы проведаль Бог,
Что Наташа педагог,
Он сказал бы: ради Бога,
Уберите педагога!

И вторая:

- Наташа, как писать: «балда»?
- Когда идут на бал, — то: «да!»
- А «в полдень»? — Если день — то вместе,
А если ночь — то не скажу, по чести...

Иногда я укладывалась рядом с Надеждой Яковлевной, и мы тихонько разговаривали, чтобы не мешать своей болтовней Осипу Эмильевичу, ведь комната была одна. Мне всегда было у них хорошо, все мои тревоги, заботы куда-то уходили. Иногда втроем мы шли гулять, но были случаи, когда с порога вынуждены были возвратиться домой. Первые месяцы моего знакомства с Мандельштамами Осип Эмильевич не мог выйти из дома один, без Надежды Яковлевны, а часто и ее присутствие не помогало. У него начиналось удушье, рука инстинктивно тянулась к воротнику рубашки, ему хотелось его разорвать, расстегнуть, он задыхался; не знаю, возникало ли у него ощущение страха, но видеть это было очень тяжело.

Несколько позднее Осип Эмильевич мог ходить уже со мной и однажды, когда я была в техникуме, пришел один, я даже глазам своим не поверила, он сиял.

* * *

Мы много гуляли, особенно когда ненадолго уезжала в Москву Надежда Яковлевна³⁴. Осип Эмильевич очень тосковал без нее и писал ей замечательные письма. Вот одно из них:

Надик, дитенок мой!

Что письмо это тебе скажет? Его утром принесут или вечером найдешь? Так доброго утра, ангел мой, и покойной ночи, и целую тебя сонную, уставшую или вымытую, свеженькую, деловитую, вдохновенно убегающую по таким хитрым, умным, хорошим делам. Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. Я тебя наизусть знаю, и ты всегда новая, и всегда слышу тебя, радость. Ау? Надинька!..

(28 апреля 1937 года)

Как-то на время ее отъезда приехала мать Надежды Яковлевны Вера Яковлевна. Об этом в письме просил сам Мандельштам:

Дорогая Вера Яковлевна!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: приезжайте, поживите со мной. Дайте возможность Наденьке спокойно съездить по неотложным делам. Ехать ей придется на этот раз надолго. Почему я вас об этом прошу? Сейчас объясню.

³⁴ Во время прогулок Осип Эмильевич много рассказывал о себе, часто читал стихи, порой шутил, смеялся.

Как только уезжает Надя, у меня начинается мучительное *нервно-физическое* заболевание. Оно сводится к следующему: за последние годы у меня развилось астматическое состояние. **Дыхание всегда затруднено.** Но при Наде это протекает мирно. Стоит ей уехать — я начинаю буквально задыхаться. Субъективно это невыносимо: ощущение конца. Каждая минута тянется вечностью. Один не могу сделать шага. Привыкнуть нельзя...

Бытовые условия будут хорошие. Уютнейшая комната. Славная хозяйка. Лестницы нет. Всё близко. Телефон рядом. Центр. Весна в Воронеже чудесная. Мы даже за город с Вами поедем.

Вера Яковлевна — маленькая, худенькая старушка, очень живая и остроумная. Мне казалось, что она относилась к Осипу Эмильевичу, как к большому ребенку. Он тоже платил ей хорошим отношением. И когда в ресторане мы ели испанские апельсины, один из них он принес своей теще и положил тихонько под подушку. Она уже, конечно, спала.

В письме из Воронежа Вера Яковлевна писала дочери, как она живет со своим зятем:

Дорогая Наденька! Особенных событий за день не было. Мы гуляем, делаем покупки — у нас вооруженный нейтралитет. В хозяйственных взглядах мы не сходимся. Ося уверен, что он такой же хороший хозяйственник, как и поэт. Он любит всё более дорогое, я тоже, но я заглядываю в кошелек и даю обет воздержания... Он не сдастся, но бывает покорен, когда увидит дно кошелька.

В конце апреля мы пошли в парк культуры, который воронежцы по старой привычке называли Ботаническим садом. Было пустынно, ни одного человека, только в прудах радостное кваканье лягушек, и весеннее небо, и деревья почти без листьев, и чуть зеленеющие бугры. Так возникло замечательное стихотворение:

Я к губам подношу эту зелень —
Эту клейкую клятву листов —
Эту клятвopеступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочной выдумкой пар.

30 апреля 1937

А еще позднее, в середине мая, мы гуляли по проспекту Революции, Осип Эмильевич читал стихи, небо было высоким и синим, всё благоухало. Мы сели на мраморные ступеньки нового, помпезного здания обкома партии, потом пошли вдоль Кольцовского сквера. У меня было непередаваемое ощущение какой-то внутренней свободы: все повседневные обязанности, заботы, огорчения и радости отступили, их не существовало. Мне казалось, что мы в Италии, и ослепительный весенний день усиливал это ощущение. Да, так можно себя чувствовать только в совсем чужом, но прекрасном городе, где ты ни с кем и ни с чем не связан.

Я робко сказала об этом Осипу Эмильевичу. К моему удивлению, он ответил, что у него такое же ощущение.

На другой день он прочитал мне прекрасное стихотворение, которое сразу уничтожил. «Оно слишком автобиографично», — сказал он. Я до сих пор жалею, что не решилась защищать это стихотворение.

* * *

Не раз мы втроем посещали наш Музей изобразительных искусств. Приятно было бродить по чуть холодноватым пустынным залам, хотя вряд ли что-нибудь особенно пленяло Осипа Эмильевича. Помню, он остановился перед маленькой картиной Дюрера (она и сейчас там висит); вообще зал западноевропейской живописи его интересовал больше. И всегда с удовольствием рассматривал превосходную коллекцию греческих ваз. Может быть, под этим впечатлением написаны стихи:

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

И второе: «Гончарами велик остров синий...», и, наконец, чудное третье стихотворение — «Флейты греческой мята и йота...». Последнее стихотворение было связано не только с вазами, а и с арестом замечательного музыканта Карла Карловича Шваба, с которым Мандельштам был лично знаком. Карл Карлович играл на нескольких инструментах. В музыкальном училище он преподавал по классу фортепиано, а в воронежском симфоническом оркестре играл на флейте. Не раз он играл специально для Осипа Эмильевича.

Очень любил Осип Эмильевич и живопись, об этом говорят его стихи — «Импессионизм» (1932) и воронежское: «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева

холста!..» или «Как светотени мученик Рембрандт...». Надежда Яковлевна считала, что в «Рембрандте» Мандельштам говорит о себе («резкость моего горящего ребра») и о своей голгофе, лишенной всякого величия.

Стихотворение «Улыбнись, ягненок гневный...» Пастернак назвал перлом. Что послужило поводом к его созданию, какие именно реалии, сказать трудно. В воронежском музее картин Рафаэля нет. Быть может, по какой-то ассоциации Осип Эмильевич вспомнил репродукцию с картины Рафаэля «Мадонна с ягненком»³⁵. Там есть и ягненок, и «складки бурного покоя» на коленях преклоненной мадонны, и пейзаж, и какой-то удивительной голубизны общий фон картины. Как правило, Мандельштам в своих стихах был точен.

Восторгался Осип Эмильевич иллюстрациями Делакура к гётевскому «Фаусту» (как-то, будучи у меня, он внимательно их рассматривал).

Бывали мы также и на симфонических концертах нашего воронежского оркестра и особенно на сольных, когда кто-нибудь из известных скрипачей или пианистов приезжал из Москвы и Ленинграда. Музыку Мандельштам, пожалуй, любил больше всего. Не случайно после концерта скрипачки Галины Бариновой он написал и послал ей стихотворение «За Паганини длиннопалым...»³⁶. Во второй строфе Осип Эмильевич непосредственно обращается к ней:

Девчонка, выскочка, горячка,
Чей звук широк, как Енисей, —
Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка...

Помимо концертов Осип Эмильевич с удовольствием бывал и в кино. Оно привлекало его и раньше. Он написал несколько интересных кинокритик. В одной из них («Шпигун», 1929³⁷) Мандельштам писал: «Чем совершеннее киноязык, чем ближе он к тому еще никем не осуществленному мышлению будущего, которое мы называем кинопрозой с ее могучим синтаксисом, — тем большее значение получает в фильме работа оператора».

Сильное впечатление, которое произвела на Осипа Эмильевича одна из первых звуковых картин — «Чапаев», отразилось в стихотворении «От сырой простыни говорящая...».

С большим интересом мы смотрели картину Чарли Чаплина «Огни большого города». Мандельштам очень любил и высоко ценил Чаплина и созданные им кинофильмы. Так появилось стихотворение:

³⁵ Музей Прадо. «Святое семейство с ягненком».

³⁶ Это стихотворение было отправлено Осипом Эмильевичем и в редакцию одного из журналов, но напечатано оно не было. И Мандельштам не получил никакого ответа.

³⁷ Это была рецензия на фильм режиссера Шпиковского «Шкурник» (ныне опубликована в журнале «Памир», 1986, № 10). Шпигун — фамилия главного лица фильма.

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости...

И дальше о Чаплине:

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли —

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей...

Очень высокую оценку этому стихотворению дал И. Г. Эренбург. «Я много лет прожил во Франции, — пишет он, — лучше, точнее этого не скажешь...» («Люди, годы, жизнь»).

* * *

Писал Осип Эмильевич много, и никакие превратности его личной судьбы не являлись препятствием для напряженной творческой работы, он буквально горел и, как это ни парадоксально, был по-настоящему счастлив. Мне тогда казалось, что Осип Эмильевич создавал свои стихи легко, они шли потоком, появлялись варианты, а отдельные строчки, образы неожиданно возникали совсем в другом стихотворении, даже в эпиграмме³⁸.

Но над «Неизвестным солдатом» Осип Эмильевич работал долго и мучительно. Он не давал ему покоя, напряжение было страшное. Я не любила это стихотворение, пожалуй, боялась его, толком не понимая, но интуитивно чувствуя его страшный пророческий смысл.

Теперь, когда мы пережили Вторую мировую войну, становятся понятными, реальными и приводят в ужас следующие строки стихотворения:

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры...

Когда читаешь эти строчки, разве не возникает в сознании картина возможной ядерной войны. Дальше идет детализация этого противочеловеческого ужаса:

³⁸ Например: «Мне на плечи кидается век-волкодав,/Но не волк я по крови своей:/Запихай меня лучше, как шапку в рукав/Жаркой шубы сибирских степей...». И позднее в другом стихотворении те же образы: «Бал-маскарад. Век-волкодав./Так затверди ж назубок:/Шапку в рукав, шапкой в рукав,/И да хранит тебя Бог!» Подобных примеров привести можно много.

Сквозь эфир десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью нолей...

И дальше:

Весть летит светопыльной обною:
— Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не Битва народов, я новое,
От меня будет свету светло...

Мандельштам хорошо понимал, видел, что будущая война — это:

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей...

Это:

Миллионы убитых задешево...
Небо крупных оптовых смертей...

И далее:

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Эта слава другим не в пример.

И какой же беспомощный в этом ужасе мировой, цивилизованной бойни — человек.

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать,—
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать...

Эти трогательные и простые стихи вырываются из всего произведения своей сердечностью и состраданием к человеку. Заканчивает произведение Мандельштам строками о себе, где утверждает и чувствует неразрывную, кровную связь со своим поколением, разделяя с ним общую судьбу:

Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом...
— Я рожден в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом —
Я шепчу обескровленным ртом:
Я рожден в ночь с второго на третье
Января — в девяносто одном
Ненадежном году — и столетья
Окружают меня огнем.

Конечно, стихотворение очень сложное, поэтому трудно сказать, что имел в виду Осип Эмильевич в последней строфе. Быть может, здесь речь идет о массовой гибели людей «гурьбой и гуртом» в лагерях, а не на войне. Так или иначе эти последние строчки стихотворения стали пророческими для самого поэта.

Не он один предсказал свою судьбу, вспомним хотя бы Гумилёва:

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюше...
(«Я и вы»)

И в другом стихотворении «Рабочий» Гумилёв пишет:

Пуля, им отлитая, просвишет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Отношение к «Неизвестному солдату» у меня, к стыду моему, осталось юношеское, хотя я прекрасно понимаю его значение, глубину и то, что, очевидно, это одно из сильнейших произведений Мандельштама. По крайней мере, несомненно, что Осип Эмильевич придавал ему большое значение. Мне кажется, в какой-то степени оно явилось итогом целого периода — воронежского — творчества поэта.

* * *

Мы (Надежда Яковлевна и я) были захвачены в орбиту внутренней напряженной жизни Осипа Эмильевича и жили им, его стихами. Новые стихи были праздником, победой, радостью.

Наверное, нечасто выпадает такое счастье — быть свидетелем (нет, это не то слово) такого торжества духа надо всем. Воронежский период — это новое сло-

во, сказанное Мандельштамом в русской поэзии XX века, подобного еще не было. Об этом же говорила и Анна Андреевна Ахматова:

«Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен:

И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие...»

Он и сам прекрасно понимал это и прямо выразил в письме, написанном из воронежской ссылки Юрию Тынянову, на которое, кстати, не получил ответа. С этого письма я тогда сняла копию по просьбе Осипа Эмильевича. Она сохранилась в бумагах Надежды Яковлевны. Вот это письмо:

Дорогой Юрий Николаевич!

Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное.

Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе.

Не отвечать мне — легко.

Обосновать воздержание от письма или записки — невозможно.

Вы поступите как захотите.

21/1—37 г., Воронеж.

Это письмо интересно и как самооценка.

* * *

Очень много Осип Эмильевич читал. Он брал книги в университетской фундаментальной библиотеке, доступ к которой получил еще до нашего знакомства. Мандельштам высоко ценил эту библиотеку и не раз говорил, что в ней можно найти редчайшие книги, которые не всегда увидишь в библиотеках столичных. Вот и еще была радость в его жизни — общение с книгами.

Несмотря на изоляцию, подневольное положение и полное неведение, чем обернется будущее, Осип Эмильевич жил в духовном отношении активной, деятельной жизнью, его интересовало всё. Помню, как волновали его испанские события. Он начал даже изучать испанский язык и очень быстро на моих глазах в какой-то мере овладел им.

Может быть, под впечатлением этих событий одно из стихотворений Мандельштама («Когда шегол в воздушной слобе...») заканчивалось строками:

И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц!

Апатия была не свойственна характеру Осипа Эмильевича, чуждо было ему и желчное раздражение, но в гнев он впадал не раз. Он мог быть озабочен, сосредоточен, самоуглублен, но даже в тех условиях умел быть и беззаботно веселым, лукавым, умел шутить.

Как-то Мандельштамы пришли к нам. Осип Эмильевич подошел к письменному столу, выдвинул ящик (там лежали особенно любимые книги) и увидел листки розовой бумаги со стихами, написанными тушью. Почерк ему показался знакомым. Осип Эмильевич без разрешения прочитал их. Сергей Борисович, уезжая, переписал для меня свои стихи, среди них было одно, посвященное мне. Не знаю, по каким признакам Осип Эмильевич об этом догадался. Называлось оно «Баллада о движении» (в разлив, ранней весной мы сидели с Сергеем Борисовичем на плоту). В стихотворении были слова «источник слез». Осип Эмильевич ничего не сказал, лукаво улыбнулся и написал эпиграмму:

Источник слез замерз, и весят пуд оковы
Обдуманых баллад Сергея Рудакова.

Бедный Сергей Борисович, наверное, и не узнал этой эпиграммы, так как погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

В этот период воронежской жизни Осип Эмильевич писал много эпиграмм, в которых доставалось мне и моим знакомым.

У меня была сослуживица по Институту гигиены и санитарии, немоложавая женщина Нора Яковлевна Эпштейн. Очень важная и томная дама. Она ярко красила губы, хорошо одевалась, работала лаборанткой, но ее муж был главный врач клинической больницы, он относился к ИТР³⁹, жили они в новом только что выстроенном доме в Итээровском переулке, что придавало Норе Яковлевне еще больше важности. Тут же в институте работала и ее сестра Елена Яковлевна, она была попроще, поскромнее, ее мужа Федю, агронома (в прошлом скрипача), очень тихого симпатичного человека, Осип Эмильевич знал еще по Киеву и хорошо к нему относился. Изредка днем, на несколько минут Мандельштамы даже заходили к нему. Вот этих Нору и Лену Осип Эмильевич увековечил в своей эпиграмме:

О, эта Лена, эта Нора,
О, эта Этна — И.Т.Р.
Эфир, Эсфирь, Элеонора —
Дух кисло-сладкий двух мегер.

Часто по вечерам от Мандельштамов я спешила к своему дяде, который болел и которого я очень любила. Так возникла шуточная надпись, приложенная к книжке «Стихотворения» издания 1928 года, подаренной мне Осипом Эмильевичем:

³⁹ ИТР — инженерно-технические работники. Эта категория людей пользовалась рядом привилегий, например, дополнительным пайком.

Эта книга украдена
Трошею в СХИ⁴⁰
И резинкою Вадиной
Для Наташи она омоложена
И ей дадена
В день посещения дядина.

Надпись была сделана на маленьком дамском конвертике с лиловым обрезом (эти конвертики лежали в коробке, стоявшей у Надежды Яковлевны на столе).

На книге была совсем другая надпись: «Милой Наташе, — не знаю, что и написать: так мне приятно, что нашлась книжка подарить, хоть и плохая. Обещаю никогда больше таких книг не писать и во всем слушаться, — при условии, что и меня будет слушаться. О. М. В. 1/III/ 37 г.»

История подаренной книги такова. Троша, соквартирант Сергея Борисовича, получил путевку в местный дом отдыха имени Максима Горького, и там в библиотеке ему попала книжка стихов Мандельштама, о котором он постоянно слышал от Рудакова. Недолго думая, Троша украл книжку и передал Осипу Эмильевичу для получения автографа. Между тем пока Осип Эмильевич собирался это сделать, Трошу направили на постоянную работу в район. О книжке все забыли. Как-то случайно она попала на глаза, Осип Эмильевич очень обрадовался: действительно, Вадиной резинкой (это был мальчик хозяйки) по возможности стер надписи и просто грязь, просмотрел все стихи, помню, одно вычеркнул, два дописал, что-то исправил. Везде поставил букву «В» (Воронеж), дату и инициалы О. М. и подарил мне. После войны я отдала ее Надежде Яковлевне. У меня остался только «Шум времени» с короткой надписью: «Милой, хорошей Наташе от автора. В. 16/V—37 г.»

Возвращаюсь к конвертикам; на них были написаны и другие эпиграммы. Писал их Осип Эмильевич весело, часто за чаем, когда я собиралась уходить.

Пришла Наташа. Где была?
Небось не ела, не пила.
И чует мать, черна как ночь:
Вином и луком пахнет дочь.

Особенно потешала Осипа Эмильевича последняя строчка, так как лук я терпеть не могла да и к вину была совершенно равнодушна. Он читал ее с особым ударением. Были и другие экспромты, тоже за вечерним чаем, на конвертиках с лиловым обрезом:

Наташа, ах, как мне неловко!
На Загоровского, на маму —
То бишь на божию коровку
Заказывает эпиграмму!

⁴⁰ СХИ — Сельскохозяйственный институт.

И еще шутка, записанная Осипом Эмильевичем на двух отдельных листках, с заголовком «Подражание новогреческому»:

Девочку в деде шадя, с объясненьями юноша медлил
И через семьдесят лет молвил старухе: люблю.

А на втором листке:

Мальчика в муже шадя, негодуя, медлила дева
И через семьдесят лет плюнула старцу в лицо.

Осип Эмильевич даже вычислил и на каждом листке написал, сколько лет было «деве» и «старцу». Шутка была связана со мной и Павлом Леонидовичем.

Была еще эпиграмма. Я всегда делала горячую завивку, Осип Эмильевич постоянно говорил, что мне лучше с гладкими волосами, но я оставалась верна своей привычке, тогда он написал эпиграмму:

Наташа спит. Зефир летает
Вкруг гофрированных волос.
Для девушки, как всякий знает,
Сон утренний источник слез...

Продолжение, к сожалению, забыла, помню только отдельные слова: «головомойку означает»... и дальше — «осушает (речь идет о волосах) какой-то мощный пылесос»⁴¹. Всё это было написано рукой Осипа Эмильевича опять-таки на конвертиках.

* * *

Часто бывали мы и в книжных магазинах. Это доставляло мне и Осипу Эмильевичу большое удовольствие. Привычка заходить почти ежедневно в книжный магазин возникла у меня давно, до знакомства с Мандельштамом. Я собирала книги, главным образом стихи, и у меня была уже порядочная библиотека. Книжки я покупала везде, где бывала: и в Москве, и в Ленинграде, и в других городах. Помню еще букинистов у Китайской стены — книги были разложены на подстилках прямо на земле или на раскладных матерчатых столиках. Чего тут только не было, и цены были нормальные, тогда книги не являлись еще предметом спекуляции. Да и на старичков букинистов было приятно и интересно посмотреть.

В Воронеже на проспекте Революции находилось четыре книжных магазина (теперь и в одном продавать нечего). Особенно мы любили заходить в два из них. Один размещался в доме рядом со строительно-монтажным техникумом (теперь там булочная), второй — на первом этаже здания кинотеатра «Пролетарий» (сей-

⁴¹ Полный текст этой эпиграммы см. на с. 307.

час там бар). Эти магазины казались нам необычными, и делали их необычными люди, работавшие в них. Первый назывался «Магазин индивидуальной книги». Доступ к книжным стеллажам был свободный, вместо прилавков стояли небольшие столики и стулья. Заведовал магазином Яков Романович Милой, чудный человек, влюбленный в книги, хорошо знавший вкусы своих покупателей. Кроме него была только одна продавщица, Мария Александровна, милая, красивая, обаятельная женщина. Магазин являлся своеобразным клубом, где встречались любители книг, делились впечатлениями по поводу прочитанного, спорили, радовались новой хорошей книге. Иногда Яков Романович даже звонил по телефону своим постоянным посетителям: приходите, есть такая-то книга. Прибегаешь, еще помучает: «У меня только одна книга, а вы пришли вдвоем»⁴².

Стоим и думаем: кто же окажется счастливым? А Яков Романович с заговорщическим видом идет за перегородку в так называемый свой кабинет и торжественно выносит вторую книгу.

Яков Романович уцелел на фронте, но совершенно потерял здоровье. Грустно и больно было на него смотреть. Он умер в первый суровый и голодный послевоенный год в растерзанном немцами Воронеже, где даже кров над головой найти было трудно.

Второй магазин — букинистический, заведовал им Яков Андреевич Чернышов, он же был и продавцом. Яков Андреевич, человек немолодой, когда-то работал у Сытина; это был прекрасный знаток книги и вообще очень хороший человек. У него можно было купить самые редкие книги. Я купила там «Снежную маску» А. Блока издания 1907 года, первое издание «Вечерних огней» Фета 1883 года, «Форель разбивает лед» М. Кузмина, «Четки» Ахматовой, «Кипарисовый ларец» Анненского 1923 года издания и многое другое. Ведь Воронеж до революции был дворянским городом, кругом было много имений с богатыми личными библиотеками, так что источник существовал. Если Яков Романович звонил своим покупателям, когда появлялась интересная книга, то Яков Андреевич, хитро улыбаясь, говорил: «Платите столько-то». Значит, сюрприз. Так были куплены мной «Камень» Мандельштама, его «Стихотворения» 1928 года, роскошный «Фауст» Гёте 1848 года издания. Осип Эмильевич книг не покупал, но особенно часто заходил в этот магазин, с большим интересом рассматривал книги и очень любил поговорить с Яковом Андреевичем. Как я могла заметить, это доставляло большое удовольствие и тому и другому. А когда возникало критическое положение с деньгами, Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна несли в магазин к Якову Андреевичу продавать свои драгоценные книги. И, конечно, не случайно книги эти всегда оказывались непроданными; получив откуда-нибудь деньги, Осип Эмильевич, к своей великой радости, выручал их.

⁴² Обычно, я приходила с Вадимом Покровским, тогда мы вместе работали в Институте гигиены и санитарии.

В конце декабря 1936 года я заболела и слегла надолго. Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич приходили каждый день. Мандельштамы старались развлечь меня, но у самого Осипа Эмильевича, я чувствовала, настроение было плохое.

Мы разговаривали, читали, иногда Осип Эмильевич грустно играл с моим котом, хотя играть с ним было мудрено. Кот был злой, дикий, и характер у него, надо сказать, был дьявольский. Он царапался, кусался, даже преследовал осмелившегося его погладить, чтобы вцепиться. Любил он, пожалуй, только меня, остальных, кто бывал у нас, кое-как терпел. Внешность его вполне соответствовала повадкам. Кот был совершенно черный, без единого пятнышка, с огромными изумрудными глазами. Смотрел он на человека всегда пристально, и в глазах был вопрос с оттенком презрения. Мне казалось, что он всё понимает, и я не удивилась бы, если бы он заговорил. Было в нем нечто зловещее, ведьмовское, таинственное. Кот очень занимал Осипа Эмильевича, и однажды, придя к нам, Мандельштам прочитал мне стихотворение:

Оттого все неудачи,
 Что я вижу пред собой
 Ростовщичий глаз кошачий —
 Внук он зелени стоячей
 И купец воды морской.

Там, где огненными шами
 Угощается Кашей,
 С говорящими камнями
 Он на счастье ждет гостей,
 Камни трогает клешами,
 Щиплет золото гвоздей.

У него в покоех спящих
 Кот живет не для игры:
 У того в зрачках горящих
 Клад зажмуренной горы —
 И в зрачках тех леденящих,
 Умоляющих, просящих —
 Шароватых искр пиры...

Видя настроение Осипа Эмильевича, я не восприняла это стихотворение как шуточное, было в нем какое-то тоскливое предчувствие беды, беспокойство.

В письме Н. С. Тихонову от 31 декабря 1936 года Мандельштам сам дает оценку «Кашееву коту»:

В этой вещи я очень скромными средствами, при помощи буквы «ша» и еще кое-чего, сделал материально кусок золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался.

Как любой язык чтит борьбу с ним поэта, и каким холодом платит он за равнодушие и ничтожное ему подчинение! Стишок мой в числе других когда-нибудь напечатают, и он будет принадлежать народу советской страны, перед которым я в бесконечном долгу.⁴³

В январе 1937 года Осип Эмильевич чувствовал себя особенно тревожно, он задыхался... И все-таки в эти январские дни им было написано много замечательных стихотворений. Как узнавала я в них нашу зиму, морозную, солнечную, яркую:

В лицо морозу я гляжу один —
Он — никуда, я — ниоткуда —
И всё уютится, плоится без морщин
Равнины дышащее чудо.

А солнце шуруется в крахмальной нишете —
Его прищур спокоен и утешен.
Десятизначные леса — почти что те...
И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен.

16 января 1937

Но тревога нарастала, и уже в следующем стихотворении Мандельштам пишет:

О, этот медленный, одышливый простор!
Я им пресыщен до отказа —
И отдышавшийся распахнут кругозор —
Повязку бы на оба глаза!

И всё разрешается замечательным и страшным стихотворением:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и скрепок...

Если Осипа Эмильевича не особенно угнетало отсутствие средств к существованию, то та изоляция, в которой он оказался в Воронеже, при его деятельной, активной натуре порой для него была непереносима, он метался, не находил себе места. Вот в один из таких острых приступов тоски Осип Эмильевич и написал это трагическое стихотворение.

Как-то утром пришли Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, и Мандельштам прочитал его, меня оно потрясло. Как ужасно чувство бессилия! Вот, на твоих глазах задыхается человек, ему не хватает воздуха, а ты только смотришь и страдаешь за него

⁴³ «Глагол», 1983, № 1.

и вместе с ним, не имея права подать даже виду. В этом стихотворении я узнавала внешние приметы моего города. Мандельштамы иногда шли к нам не по проспекту Революции, а низом, по Поднабережной, и там на стыке нескольких улиц — Мясной Горы, Дубницкой и Семинарской Горы — действительно стояла водокачка (маленький кирпичный домик с одним окошком и дверью), был и деревянный короб для стока воды, и всё равно люди расплескивали ее, кругом всё обледенело.

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб...

Всё это правда. Да, да, и «переулков лающих чулки, и улиц перекошенных чуланы» — Суконовки (Левая и Правая, узкие, кривые), Венецкая, Мало-Чернавская... как много их в этом узле! Запутаешься, закружат... Как не замечала раньше!

* * *

В эти дни я как-то пришла к Мандельштамам. Мой приход не вызвал обычного оживления. Не помню кто, Надежда Яковлевна или Осип Эмильевич, сказал: «Мы решили объявить голодовку». Мне стало страшно. Возможно, видя мое отчаяние, Осип Эмильевич начал читать стихи. Сначала свои, потом Данте. И через полчаса уже не существовало ничего в мире, кроме всецельной гармонии стихов. Кажется, никогда не было так хорошо! Я запомнила это на всю жизнь, очевидно, по резкому контрасту двух противоположных чувств.

Только такой чародей, как Осип Эмильевич, умел увести в другой мир. Нет ни ссылки, ни Воронежа, ни этой убогой комнаты с низким потолком, ни судьбы отдельного человека.

Необъятный мир чувства, мысли, божественной, всецельной музыки слов захватывал тебя целиком, и кроме этого ничего не существовало. Читал стихи Осип Эмильевич, как я уже говорила, неповторимо, у него был очень красивый голос, грудной, волнующий, с поразительным богатством интонаций и удивительным чувством ритма. Читал он часто с какой-то нарастающей интонацией. И, кажется, это непереносимо: невозможно выдержать этого подъема, взлета, ты задыхаешься, у тебя перехватывает дыхание, и вдруг на самом предельном подъеме голос разливается широкой, свободной волной.

Трудно представить человека, который умел бы так уходить от своей судьбы, становясь духовно свободным. Эта свобода духа поднимала его над всеми обстоятельствами жизни, и это чувство передавалось другим.

Голодовка не была объявлена, и больше никогда на эту тему разговора не возникало. Может, меня пожалели, не знаю, я, кажется, этого не пережила бы.

И, несмотря ни на что, было хорошо! Я обрадовалась, узнав, что не только я так чувствовала. Когда через сорок лет вышла книга Осипа Эмильевича «Разговор о Данте», Надежда Яковлевна, подписывая ее мне, назвала зиму 1936/37 года страшной и счастливой⁴⁴. Анна Андреевна Ахматова, которая навестила поэта в изгнании в феврале 1936 года⁴⁵, так передала свое впечатление от его жизни в известном стихотворении «Воронеж», посвященном Осипу Эмильевичу:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

А ведь она побывала здесь тогда, когда еще существовали какие-то связи с писательскими организациями, когда была какая-то работа или видимость ее — в театре, радиоцентре, даже командировки в совхоз.

Осип Эмильевич, рассказывая мне о приезде Анны Андреевны, смеясь, говорил: «Анна Андреевна обиделась, что я не умер». Он, оказывается, дал ей телеграмму, что при смерти.

И она приехала, осталась верна старой дружбе, не побоялась приехать, несмотря на свое тоже неблагоприятное положение⁴⁶.

Позднее, уже в период моей дружбы с Мандельштамами, всё было обрублено — ни людей, ни связей, ни работы.

«Наше благополучие кончилось осенью 1936 года, когда мы вернулись из Задонска. Радиокомитет упразднили, централизовав все передачи, не оказалось работы и в театре, газетная работа тоже отпала. Рухнуло всё сразу», — писала Надежда Яковлевна.

Мандельштамы оказались в полной изоляции.

В апреле 1937 года Осип Эмильевич писал Корнею Ивановичу Чуковскому: «Я поставлен в положение собаки, пса... Я — тень. Меня нет. У меня есть одно только право — умереть. Меня и жену толкают на самоубийство... Нового приговора к ссылке я не выполню. Не могу».

Такое настроение, очевидно, усугублялось приближением конца высылки и полным неведением будущего, а также выпадами против поэта в местной печати.

⁴⁴ На книге «Разговор о Данте» (М., Искусство, 1967) Н. Я. Мандельштам написала: «Наташе Штемпель, другу, той, которая была единственным светом и радостью в страшную и счастливую зиму 36/37 года в Воронеже — эту первую за сорок лет книгу. Надежда Мандельштам. 31 июля 67г.»

⁴⁵ А. А. Ахматова была в Воронеже с 5 по 11 февраля.

⁴⁶ С. Б. Рудаков в письме жене от 5.02.1936г. так описывал приезд: «О<сипа> оставили дома (и ходить ему утомительно, и, главное — он «тяжело» болен, судя по телеграмме, вчерашне посланной, — неловко же ожить), а мы с Н<адин> поехали на вокзал. Перрон. Толпа. Ан<на> Ан<дреевна> — в старом, старом пальто и сама старая. Вид кошмарный. Сажу их на извозчика, сам трамваем. Приезжаем почти одновременно. Вхожу: она еще не разделась. О<сип> полупомешался от переживаний. Она снимает шляпу и преобразается. <...> Когда она оживлена, лицо прекрасно и лишено возраста. Чудные волосы. Очень похудела, что дает стройность (?)» (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подготовка текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. Спб.: Акад. проект, 1997. С. 136–137).

В апреле в областной газете «Коммуна» появилась статья, направленная против Мандельштама⁴⁷. Несколько позднее, в том же 1937 году, в первом номере альманаха «Литературный Воронеж», выпад против Мандельштама был еще более резким⁴⁸. В обзорной статье «Воронежские писатели за 20 лет» Н. Романовский и М. Булавин писали: «Пользовавшиеся поддержкой врагов народа, прибывшие в 1934 году в Воронеж троцкисты Стефен, Айч, Мандельштам, Калецкий пытались создать сильное оцепление писательского коллектива, внося дух маразма и аполитичности. Попытка эта была разбита. Эта группа была разоблачена и отсечена, несмотря на явно либеральное отношение к ней работников Обкома (Генкин и др.), которые предлагали "перевоспитывать" эту банду»⁴⁹.

Там же местный поэт Григорий Рыжманов⁵⁰ опубликовал памфлет на Мандельштама⁵¹:

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Пышной поступью поэта,
Недоступный, словно жрец,

⁴⁷ *Статья воронежской писательницы О. К. Кретовой «За литературу, созвучную эпохе!» (Коммуна. 1937. 23 апр. С.3). Мандельштам в ней упоминается в ряду «троцкистов и других классово-враждебных людей». В примечаниях к «Альбому» Наталья Евгеньевна писала: «К опубликованию статьи <...> О. К. Кретову вынудили следующие обстоятельства. Был арестован ее муж (редактор одной из районных газет). На руках у Кретовой остался маленький ребенок. М. Булавин и М. Подобедов обратились к В. Ставскому с вопросом: как быть с Кретовой? И он предложил считать ее мужа лишь отцом ребенка. Это и спасло Кретову. Интересно отметить, что первая строфа стихотворения Мандельштама «Рождение улыбки»:*

*Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи, и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье...*

написана в связи с сыном Кретовой, которого поэт неоднократно видел. Она всюду водила сына за собой».

⁴⁸ *Альманах вышел в конце 1937 г., после отъезда Мандельштамов из Воронежа, и, по всей видимости, выпад, содержащийся в нем, поэту остались неизвестны.*

⁴⁹ *Названные вместе с Мандельштамом три человека — его знакомые из числа высланных в Воронеж интеллигентов. М. Я. Булавин рассказывал В. Н. Гыдову в феврале 1982 г. о возмущившем его и коллег случае в перерыве какого-то собрания в писательской организации, когда Мандельштам и его знакомые Калецкий, Айч, Стефен заговорили между собой по-немецки: «Я подошел к ним и сказал: "Прекратите говорить по-немецки..." Разговор по-немецки посеял дух неприязни... Генкин — член обкома. Видимо, духовный вождь "Подъема", как Хомейни. Айч — циркач, снайпер, выступал со стрельбой в цель. Они — Калецкий, Айч, Стефен, Мандельштам кружковались, их объединяла общая беда».*

⁵⁰ *Рыжманов Григорий Никандрович (1907–1985), воронежский поэт. В 1928 г. окончил педагогический техникум в городе Богучаре, в 1931 г. — Воронежский университет. До войны работал литсотрудником в воронежских газетах, журнале «Подъем», в Центрально-Черноземном книжном издательстве. На фронте был журналистом. С Мандельштамом встречался несколько раз, но эпизодически. Запомнил лишь, что однажды подсел к поэту, сидевшему на скамейке у редакции «Коммуны», — «поговорили по-товарищески, вежливо», но в конце разговора Рыжманов, невольно оговорившись, произнес фамилию поэта искаженно — Мандельштамп, и как ему показалось, Мандельштама задела эта обмолвка. Причины написания стихотворения «Лицом к лицу» Рыжманов вспомнить не мог: «Были же и другие репрессированы, но о них же я не писал. Может, дух соперничества, демон зависти... Внешнего вида было недостаточно: ходит, ни на кого не смотрит. Может, он как-то оценил мои стихи...» (Записано В. Н. Гыдовым в августе 1981 г.).*

⁵¹ Эти материалы собраны Василием Гыдовым.

Он проходит без привета
И... без отклика сердец.

Подняв голову надменно,
Свысока глядит на люд, —
Не его проходит смена,
Не его стихи поют.

Буржуазен, он не признан,
Нелюдимый, он — чужак,
И побед социализма
Не воспеть ему никак.

И глядит он вдохновенно:
Неземной — пророк на вид.
Но какую в сердце тленном
К нам он ненависть таит!

И когда увижу мэтра
Замолчавших вражьих лир,
Напрягаюсь, как от ветра,
Четче, глубже вижу мир.

Презирай, гляди надменно —
Не согнусь под взглядом я,
Не тебе иду на смену,
И не ты мой судия!

Декабрь 1936

В ответ на всё это Мандельштам написал письмо в секретариат Союза советских писателей⁵²:

Уважаемый тов. Ставский!

Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания воронежского областного отделения Союза.

Вопреки утверждениям Обл<астного> Отд<еления> Союза моя воронежская деятельность *никогда* не была разоблачена Обл<астным> Отд<елением>, но лишь голословно опорочена **задним числом**.

Называя три фамилии (Стефен, Айч, Мандельштам), автор статьи от имени Союза предоставляет читателю и заинтересованным организациям самим разобраться: кто из трех троцкист. *Три* человека не дифференцированы, но названы: «троцкисты и другие классово-враждебные элементы».

Я считаю такой метод разоблачения недопустимым».

⁵² Письмо, приводимое Натальей Евгеньевной, написано 30 апреля 1937г. и является ответом лишь на статью О. К. Кретовой в областной газете «Коммуна». Альманах «Литературный Воронеж» с выпадами против поэта был сдан в печать 22 октября 1937г., когда Мандельштама в Воронеже уже не было.

Я сказала Осипу Эмильевичу, что выхожу замуж. На другой день Осип Эмильевич прочитал мне стихотворение «Наташа», свадебное стихотворение. Собственно говоря, оно не имело названия. Мы его назвали «Наташа» условно, начиналось оно так:

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась,—
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась...⁵³

Был и первый вариант, который мне нравился больше, но Осип Эмильевич изменил его, «потому что он автобиографичен». Так он сказал мне. К сожалению, я его совсем не помню.

Осип Эмильевич просил меня привести и показать Бориса. Борис почему-то оттягивал эту встречу, хотя очень любил стихи, был страстным поклонником Пастернака. Наконец, я обещала Осипу Эмильевичу вечером прийти с Борисом. Борис заупрямился, ему понадобилось непременно идти в кино. После споров решили этот вопрос компромиссно: отправиться к Мандельштамам из кино. Был одиннадцатый час, когда мы подошли к окну комнаты Осипа Эмильевича. Свет был погашен, и Осип Эмильевич стоял у открытой форточки, ожидая нас. Я окликнула его, он сейчас же вышел. «Так вот вы какой!» — произнес он, внимательно разглядывая Бориса. Мы вышли на проспект, почему-то мужчины решили выпить вина (ни тот, ни другой к нему пристрастия не имели) и начали водить меня по погребкам. Их на проспекте было много. Не успевали мы туда спуститься, как я бежала назад: нет стульев, неудобно, мрачно. Тогда они повели меня в погребок, где были столы и стулья. Это была какая-то преисподняя. Темно от табачного дыма, дышать нечем, и в этом табачном тумане пьяные физиономии. Наконец сообразили пойти в лучший воронежский ресторан «Бристоль»⁵⁴. Отдельных кабинетов не существовало, а в общем зале были отгорожены желтым шелком кабины. Одну из них мы заняли. Создавалась иллюзия, что мы одни. Ели испанские апельсины. Осип Эмильевич много читал стихов, был очень оживлен. Борису он сказал, что завидует Пастернаку, что у него такие почитатели. Мы проводили Осипа Эмильевича домой. Я шла впереди, они сзади, увлеченно о чем-то разговаривая⁵⁵. Я вспоминаю этот эпизод, чтобы рассказать, как возникло сти-

⁵³ В письме жене от 2 мая 1937 г. Мандельштам говорит об этом стихотворении: «Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру и постулировать характер будущего мужа. Но, что я ее уговариваю выйти замуж, это вполне реально». Наталья Евгеньевна по поводу последнего утверждения сказала В. Н. Гыдову (июнь 1984 г.): «Да ничего он не уговаривал!» На вопрос: это он для жены писал? — ответила, засмеявшись: «Да, для Надежды Яковлевны».

⁵⁴ Ныне ресторан «Москва».

⁵⁵ В письме жене от 4 мая 1937 г. Мандельштам писал: «Вчера ночью я сбежал от мамы, как испанка от старой дуэньи. В 12 ч. в окно постучали Наташа и ее Борис. Мама спала. Я тайком выкрался, и пошли в Бристоль. Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку Бордо. Я принёс маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: я не маленькая». Она не заметила,

хотворение «К пустой земле невольно припадая...». Но этому предшествовал еще один разговор.

Незадолго до нашего «путешествия» по кабачкам я зашла к Осипу Эмильевичу и сказала, что мне по делу надо побывать у Туси, моей приятельницы и сослуживицы⁵⁶. Осип Эмильевич пошел со мной. На обратном пути он меня спросил: «Туся не видит одним глазом?»

Я ответила, что не знаю, что никогда на эту тему с ней не говорила, очевидно, не видит. «Да, — сказал Осип Эмильевич, — люди, имеющие физический недостаток, не любят об этом говорить». Я возразила, сказав, что не замечала этого и легко говорю о своей хромоте. «Что вы, у вас прекрасная походка, я не представляю вас иначе!» — горячо воскликнул Осип Эмильевич.

На другой день после ночной прогулки я зашла из техникума к Мандельштаму. Надежда Яковлевна была в Москве. Осип Эмильевич сидел на кровати в своей обычной позе, поджав под себя ноги по-турецки и опираясь локтем на спинку. Я села на кушетку. Он был серьезен и сосредоточен. «Я написал вчера стихи», — сказал он. И прочитал их. Я молчала. «Что это?» Я не поняла вопроса и продолжала молчать. «Это любовная лирика, — ответил он за меня. — Это лучшее, что я написал». И протянул мне листок.

1

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

2

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.

что я уходил. Этот эпизод Наталья Евгеньевна прокомментировала В. Н. Гыдову так (июнь 1984 г.): «Свиную котлету Мандельштам есть отказался. "Я голоден", — сказал Борис».

⁵⁶ «Туся — моего примерно возраста, дочь учителя гимназии, который был в дружбе с Сологубом. Дома были "Аполлон", "Весы" и др. Работала со мной в институте машинисткой, одно время у меня лаборанткой. Потом корректором в "Коммуне"» (из письма Н. Е. Штемпель П. М. Нерлеру от 3 ноября 1987 г.

И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье...
Что было поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, — только обещанье.

4 мая 1937

И я сразу вспомнила нашу прогулку втроем холодной майской ночью, разговор с Осипом Эмильевичем о Тусе и моей хромоте.

Стихи были написаны тушью на суперобложке к Баратынскому. Осип Эмильевич продолжал: «Надюша знает, что я написал эти стихи, но ей я читать их не буду. Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом». И после небольшой паузы добавил: «Поцелуйте меня». Я подошла к нему и прикоснулась губами к его лбу — он сидел как изваяние. Почему-то было очень грустно. Упоминание о смерти, а я должна пережить?! Неужели это прощальные стихи? На другой день мы зашли в Петровский сквер. Осип Эмильевич был весел, я сказала, что не могу разобрать во вчерашнем стихотворении ни единого слова. Он написал мне тут же эти стихи по памяти разборчиво карандашом на листке из ученической тетради⁵⁷.

...Возвратившись из Москвы, Надежда Яковлевна прочитала мне другое стихотворение: «На меня нацелилась груша да черемуха...» — и, улыбаясь, сказала: «Это о нас с вами, Наташа»⁵⁸.

⁵⁷ Когда я приехала в Москву в марте 1975 года и прочла Надежде Яковлевне эту рукопись, она сказала: «Наташа, вы о своих стихах не всё сказали, неполно, это не прощальные стихи. Ося возлагал на вас большие надежды». И она повторила строчки: «Сопровождать воскресших и впервые/Приветствовать умерших — их призвание...».

В своих воспоминаниях Надежда Яковлевна так писала об этом стихотворении: «Прекрасные стихи Наташе Штемпель стоят особняком во всей любовной лирике Мандельштама. Любовь всегда связана с мыслью о смерти, но в стихах Наташе высокое и просветленное чувство будущей жизни. Он просит Наташу оплакать его мертвым и приветствовать воскресшего».

В тот же день, 6 мая, судя по письму жене от 7 мая 1937 г., поэт ездил к Наталье Евгеньевне домой: «Последние дни я почти свободно выхожу один, изумляя воронежцев своей одинокой фигурой. Вчера раскачался даже к Наташе. Только в трамвае № 3 чуть-чуть испугался <...> Она работает сейчас по 10 часов и почти не заходит». Наталья Евгеньевна рассказывала В.Н. Гыдову (июнь 1986 г.), что незадолго до отъезда из Воронежа, уже после написания стихотворения-завещания, Осип Эмильевич был у нее дома, на улице Каляева, и когда она пошла его проводить, по дороге на трамвайную остановку, он сказал, что любит ее. «Мы с вами будем жить, где вы захотите, хотите в Москве, хотите — на Юге...» Наталья Евгеньевна заплакала и сказала: «Как жалко, что всё было так хорошо и теперь всё рухнуло...» Он стал ее успокаивать, сказал что-то тривиальное, вроде, он не стоит и одной слезинки ее. Обещал, что всё будет по-прежнему. Для Натальи Евгеньевны признание поэта казалось невозможным. В ее сознании Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич были неразделимы: «Я не могла себе представить одного без другого, скорее, могла представить ее без него, но не его без нее. Мне с ними двумя было хорошо. После этого случая Осип Эмильевич как-то так сумел себя повести, что я забыла обо всем. И никогда сама с собой это не вспоминала. И вообще никому, кажется, не рассказывала».

⁵⁸ Наталья Евгеньевна очень неохотно, с большим внутренним сопротивлением касалась вопросов, связанных с ее значением в судьбе Мандельштама. Принципиально не желая выделяться, занимать какое-то

Завешания поэта я не выполнила. Уже после войны, когда Надежда Яковлевна приехала ко мне в Воронеж, я отдала ей оба экземпляра стихотворения. Вообще я отдала всё, что у меня было: блокноты со стихами, стихи на отдельных листках и полосках ватмана, эпиграммы на конвертиках, фотографии, книжку стихотворений 1928 года, правленную Осипом Эмильевичем, а главное — все письма (подлинники, копий тогда с них не было) Осипа Эмильевича Надежде Яковлевне. Она передала их мне на хранение после смерти Осипа Эмильевича, когда мы встретились с ней в Москве точно не помню где: у ее брата Евгения Яковлевича или у Шуры, брата Осипа Эмильевича. Письма были в железном сундучке от чая. В эту же встречу Надежда Яковлевна подарила мне одну из любимых книг Осипа Эмильевича — томик Клейста. Это было старое издание: готический шрифт, желтоватая бумага, кожаный корешок. Своей рукой Надежда Яковлевна написала: «Из библиотеки Осипа Мандельштама». (Книга пропала в занятом немцами Воронеже⁵⁹.)

Я очень привязалась к Мандельштамам. Для меня Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич были совершенно неразделимы. Я не могла их представить отдельно и кого из них любила больше — не знаю.

Редко, наверное, в жизни встречаются такие браки, такое понимание, такая духовная близость. Надежда Яковлевна была вровень своему мужу по уму, образованности, огромной душевной силе. Я никогда не слышала от нее жалоб, не видела ее раздраженной или удрученной. Она всегда была равна, внешне спокойна. Она безусловно являлась моральной опорой для Осипа Эмильевича. На ней держалась жизнь. Тяжелая, трагическая его судьба стала и ее судьбой. Этот крест она сама взяла на себя и несла его так, что казалось, иначе и не могло быть. А могло быть иначе, ведь ее никто не высылал, она поехала за мужем добровольно, и добровольно разделила с ним его участь. До сих пор вижу ее большие ясные серо-голубые глаза, улыбку, которой она всегда встречала меня, ровный, спокойный тон. Женская говорливость не была ей свойственна, скорее она была молчалива. Мне всегда

особое положение, она устранялась от самооценок, стараясь приглушить или вообще опустить в своих воспоминаниях благодарные и высокие оценки в свой адрес. Так, Наталья Евгеньевна нигде не пишет о том, как восприняла Надежда Яковлевна ее воспоминания. В.Н. Гыдову она говорила (июнь 1986 г.), что не хочет писать о том, как прочитала в первый и последний раз Надежде Яковлевне свои воспоминания: «Надежда Яковлевна начинала слушать с прохладцей, потом была просто поглощена. Не пропустила ни одного слова, переспрашивала: "Ну-ка, ну-ка, какая я была?..." В конце сказала: "Ося у вас получился живой. У меня этого нет..." И больше никогда не заводила речь об этих воспоминаниях». Наталья Евгеньевна тоже молчала, по ее словам, боялась, что Надежда Яковлевна у нее их попросит и еще передаст куда-нибудь за рубеж.

⁵⁹ Подробнее о судьбе и составе сохраненного Натальей Евгеньевной мандельштамовского архива см. в примечаниях к «Альбому» на с. 182.

казалось, что Осип Эмильевич без нее не мог бы существовать. Поэтому так стало страшно, когда его оторвали от нее и сослали за Владивосток в пересылочный лагерь, где он и умер⁶⁰.

* * *

Не раз я присутствовала при таинстве создания стихов. Осип Эмильевич обычно сидел на кровати в своей характерной позе и что-то невнятно бормотал, пока это бормотанье не превращалось в членораздельную речь. Он не писал и не записывал свои стихи, а если и записывал, то в виде редчайшего исключения. Лучше всего об этом сказал он сам: «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса». Да, действительно он создавал стихи на слух, он работал «с голоса», а потом диктовал их Надежде Яковлевне. «Стихи, записанные Надей, — говорил Осип Эмильевич, — могут идти в порядке рукописи». Внимательно прочитав записанное стихотворение (почему-то всегда стоя, наклонившись над столом), он ставил букву «В» (Воронеж) и дату. К дате Мандельштам относился очень шепетильно, но совершенно был безразличен к знакам препинания, и тот, кто писал под его диктовку, ставил их по своему усмотрению. Помню, одно время стихи записывались на узкие листочки, нарезанные из ватмана, они не раз переписывались тонким, мелким и очень разборчивым почерком Надежды Яковлевны. Многие из этих листов потом попадали ко мне, как и конвертики с эпиграммами. Незадолго до отъезда из Воронежа Осип Эмильевич попросил Надежду Яковлевну переписать для меня все стихи. Получилось три толстых голубых блокнота. На первом из них печатными буквами было написано «Наташина книга». Осип Эмильевич отдал их мне, также поставив под каждым стихотворением дату и букву «В». Он ничего не сказал, вручая мне это сокровище. Что он думал — не знаю. Я тогда ничего не думала, просто была счастлива. Я так привыкла к его стихам, он уезжал, мне трудно было бы жить без них, а их ведь ни у кого больше не было, да и не знал их почти никто.

⁶⁰ У Н. Я. Мандельштам сохранилось письмо, написанное мужу в лагерь 22 октября 1938 г., им она заканчивает свою «Вторую книгу»: «Вот письмо, которое не дошло до своего адресата. <...> Я написала его в октябре 38 года, а в январе узнала, что Мандельштам умер. <...>

Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память. Осюша — наша детская с тобой жизнь — какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу? Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорошо хлеб, когда он достался чудом и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счастливая нищета и стихи. <...> Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка — тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой милый слепой поводырь... Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и всё безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье — и как мы всегда знали, что именно это счастье. <...> Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю? Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу, я плачу. Это я — Надя. Где ты? Прощай. Надя». (Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1999. С. 626–628).

Подарил он мне и свою воронежскую фотографию. Накануне отъезда по его желанию мы все пошли в пятиминутную фотографию на рынке. Как и следовало ожидать, карточка получилась ужасная. К великому сожалению, Осип Эмильевич отказался идти в хорошую фотографию, сказав, что не хочет меня подводить. Подводить? Почему именно теперь пришло ему это в голову? Ведь встречались почти каждый день, а вот теперь, когда его освободили, у него возникло такое опасение. Каким же непрочным было ощущение этой «свободы»!

Был и еще один подарок, фарфоровая обезьянка, на обратной стороне Осип Эмильевич написал: «Наташа, Ося». Я забыла обезьянку, покидая занимаемый немцами Воронеж. Ведь всё было оставлено, мы уходили налегке, в последние минуты. Но если бы я вспомнила, обязательно взяла бы ее, как взяла стихи, листочки, книжку, фотографии и письма, которые, как я уже говорила, отдала мне Надежда Яковлевна после гибели Осипа Эмильевича. Тут я уже понимала, что нужно сохранить всё во что бы то ни стало.

И мне удалось это сделать: я не расставалась с небольшим свертком ни в товарных поездах, ни на станциях, ни в деревне, куда мы попали на некоторое время; короче говоря, он был всегда со мной во всех мытарствах, пока мы не оказались в Куйбышеве, в эвакуации.

Для большей гарантии, чтобы сохранить всё, что было создано Осипом Эмильевичем, Надежда Яковлевна еще до знакомства со мной стала запоминать наизусть написанные им стихи.

* * *

Я часто думаю, как повезло Воронежу. Вот и еще одно имя навсегда соединилось с этим городом, с этой землей, которая подарила нам в прошлом веке Кольцова и Никитина. Теперь, в XX веке, с ней связано имя Осипа Мандельштама. Здесь поэт обрел новую силу, хоть и писал:

Я около Кольцова
Как сокол закольцован —
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
Сосновый синий бор,
Как вестник без указа
Распахнут кругозор...

И в другом небольшом стихотворении, где шутка смешалась с трагическими нотами:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,

Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Город не стал для поэта ни «вороном», ни «ножом», он вернул его. Но вернул для новых страданий и гибели.

Может быть, здесь впервые Осип Манделъштам почувствовал всю силу земли, несущую жизнь, и приветствовал эту землю:

Ну здравствуй, чернозем: будь мужествен, глаза ст...
Черноречивое молчание в работе.

Стихотворение «Чернозем»⁶¹ было написано под впечатлением распаханых опытных полей СХИ, где Осип Эмильевич нередко гулял ранней весной.

Вплотную к полям подходил Ботанический сад, а напротив была Архиерейская роща. Там в 1879 году собрался съезд «Земли и воли», на котором присутствовали Плеханов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Желябов и другие. Не отсюда ли в стихах Манделъштама «комочки влажные моей земли и воли»?

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа,
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то...

«Чернозем» — точное описание местности, где поэт был «закольцован». И, возможно, один из лучших в русской поэзии гимнов земле.

Мне очень нравилось это стихотворение, и Осип Эмильевич переписал мне его разборчиво тушью на листе хорошей бумаги.

Непосредственно навеяно городом, написано под свежим впечатлением от него — многое.

Приехав в Воронеж, Манделъштамы поселились в Привокзальном поселке. Эти места связаны и с Андреем Платоновым. Одноэтажные дома с палисадниками, сады, огороды, немощеные улицы, заросшие травой, бурьяном. По улицам бродят куры, и за забором нередко раздаётся лай собаки. Трудно представить, что стоит только перейти деревянный мостик через железнодорожную линию — очутишься на проспекте Революции, главной улице города, и что город совсем не маленький.

⁶¹ Факсимиле этого стихотворения приведено в книге: О. М а н д е л ь ш т а м. Стихотворения. М.-Л., 1973. Почти одновременно с «Черноземом», наблюдая воронежскую весну, буйный разлив, когда река выходит из берегов, затопляет весь луг и вода переливается даже через дамбу, а иногда и врывается в город, Осип Эмильевич пишет еще одно небольшое стихотворение, которое перекликается с первым (оба стихотворения датированы апрелем), — «Я должен жить, хотя я дважды умер...». В стихотворении чувствуется большая симпатия поэта к городу, где оказался он не по своей воле.

Очевидно, под впечатлением своего нового жилья Осип Эмильевич писал:

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далёко убегает гать.

Поэт, конечно, имеет в виду Придаченскую гать, являющуюся продолжением Чернавского моста и соединяющую город с Придачей, тогда еще пригородом. Гать шла через заливной луг.

Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.

И богато искривилась половица —
Этой палубы гробовая доска.
У чужих людей мне плохо спится,
И своя-то жизнь мне не близка.

Посмею сказать, что Осип Эмильевич полюбил эту землю. В первый год своей жизни в Воронеже он имел возможность побывать в различных районных центрах Черноземья, некоторых совхозах⁶². Был даже в декабре 1935 года в тамбовском санатории, откуда писал Надежде Яковлевне: «Здесь <...> зимний рай, красота неописанная <...>. Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильные синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслаждение. Очень настоящие места».

Эта область в темноводье:
Хляби хлеба, гроз ведро —
Не дворянское угодье —
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок,
Он на Африку похож,
Дайте свет — прозрачных лунок
На фанере не сочтешь.⁶³

⁶² В сентябре—ноябре 1934 г. вместе с группой воронежских писателей и журналистов поэт ездил в командировку в Воробьевский район на открытие там первого советского театра, ознакомился с жизнью одного из совхозов района.

⁶³ Реалиями для строчек «Дайте свет — прозрачных лунок на фанере не сочтешь» послужила карта Воронежской области, сделанная на фанере. Населенные пункты на ней были обозначены лунками с горящими лампочками. Карта висела на телефонном переговорном пункте, где Мандельштамы часто бывали.

Анна, Россошь и Гремячье —
Я твержу их имена.
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.

Я кружил в полях совхозных —
Полон воздуха был рот —
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны — реки обычной
Белый-белый бел-покров.

.....

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола...
Это мачеха Кольцова?
Шутишь: родина шегла!..⁶⁴

Это стихотворение было написано под впечатлением командировок в Воробьевский район, куда Осип Эмильевич ездил с группой воронежских писателей и журналистов.

И отсюда совершенно изумительные стихи о шегле. Я помню, с какой любовью писал их Осип Эмильевич, как радовался им:

Мой шегол, я голову закину,
Поглядим на мир вдвоем.
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаешь ли, до чего, шегол, ты,
До чего ты шеголовит!

О шегле было не одно стихотворение, были и варианты. «"Шеглиный" цикл, — пишет Надежда Яковлевна, — развился на обостренной жажде жизни, на ее утверждении, но предчувствие беды пробивалось в нем с первых минут». Осип Эмильевич видел шеглов не только на воле, но и у Вади, хозяйского мальчика, были шеглы. Надежда Яковлевна вспоминает, как работал Осип Эмильевич

⁶⁴ Как установил А.Г. Мец, это стихотворение, которое ранее считалось самостоятельным произведением, является на самом деле черновым текстом, из которого были выделены стихи «Ночь. Дорога. Сон первичный...» и «Где я? Что со мной дурного?..».

над этим циклом, и передает его слова: «Щегла запрятали в клетку, не выпустили в лесную Саламанку... А меня нельзя удержать на месте».

Мне кажется, никогда Мандельштам не сливался душой так тесно с природой, никогда не писал таких задушевных стихов, какие писал в Воронеже:

Вехи дальние обоза
Сквозь стекло особняка,
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес — еловый? —
Не еловый, а лиловый —
И какая там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка.

В Воронеже поэт полюбил русскую зиму, многоснежную, ясную, морозную. До воронежского периода в его стихах почти не было зимних пейзажей. Здесь мне хочется вспомнить еще одно зимнее стихотворение, написанное под впечатлением чудесных картин природы в тамбовском санатории:

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел...

Благодаря «Воронежским тетрадам» Осип Эмильевич навсегда прописан в старом русском городе. Жена поэта писала: «Воронеж был чудом, и чудо нас туда привело».

В полушуточном стихотворении Мандельштам писал:

— Это какая улица?
— Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова!
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного,

И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Это стихотворение связано с реальным адресом одной из квартир поэта в бывшей Троицкой слободе на улице Линейной.

Чтобы попасть к Мандельштамам, надо было войти в ворота двухэтажного дома, пересечь двор и спуститься по дорожке вниз, в до сих пор существующую «яму». У стихотворения буквальная топография. А название улицы дало повод для поэтической самохарактеристики поэта.

На этой квартире Осипа Эмильевича с Надеждой Яковлевной навещали В. Н. Яхонтов и М. В. Юдина.

Думаю, настанет время, когда в Воронеже действительно будет улица Мандельштама. Жаль, что мы привыкли чтить только мертвых, и то через десятки лет.

<Воронеж, 1974—1975, 1983, 1986—1987>

**Осип Эмильевич Мандельштам
в Воронеже**

(июнь 1934 г. — май 1937 г.)

Фотоальбом

Составители: Н.Е. Штемпель, В.Л. Гордин

Автор текста: Н.Е. Штемпель

**Воронеж
1985**

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ
МАНДЕЛЬШТАМ
В ВОРОНЕЖЕ

(ИЮНЬ 1934 Г. - МАЙ 1937 Г.)

ФОТОАЛЬБОМ

*Составители: Н.Е.Штампель, В.А.Гордиин
Автор текста: Н.Е.Штампель*

ВОРОНЕЖ
1985

И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га!

Май-июнь 35 г.

В.

"ВОРОНЕЖ БЫЛ ЧУДОМ, И ЧУДО НАС
ТУДА ПРИВЕЛО?"

Н.Я.Мандельштам

"Провинция мы не знали, — пишет жена поэта, — зна-
комили у нас не было нигде, кроме двенадцати запре-
щенных городов, да еще окраин, которые тоже находи-
лись под запретом."

Вдруг Осип Мандельштам вспоминает, что поэт из
Ташкентского университета хвалил Воронеж, откуда
сам родом. Отец Леонова работал там тюремным вра-
чом.

"Кто его знает, может, еще понадобится тюремный врач", —
сказал Осип Мандельштам.
Мы остановились на Воронеже."

В июне 1934 года Осип Мандельштам и его жена
Надежда Яковлевна приехали в Воронеж. Поэт по-
лучил "минус 12", и они выбрали этот город.

"ВОРОНЕЖ БЫЛ ЧУДОМ, И ЧУДО НАС ТУДА ПРИВЕЛО"*.

Н.Я.Мандельштам

В июне 1934 года Осип Эмильевич и его жена Надежда Яковлевна приехали в Воронеж. Поэт получил "минус 12", и они выбрали этот город.*

"Провинция мы не знали, — пишет жена поэта, — знакомых у нас не было нигде, кроме двенадцати запрещенных городов да еще окраин, которые тоже находились под запретом."

Вдруг О. М. вспомнил, что биолог Леонов из Ташкентского университета хвалил Воронеж, откуда был родом. Отец Леонова работал там тюремным врачом.

"Кто его знает, может, еще понадобится тюремный врач", — сказал О. М., и мы остановились на Воронеже".

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как «Слово о полку», струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га!

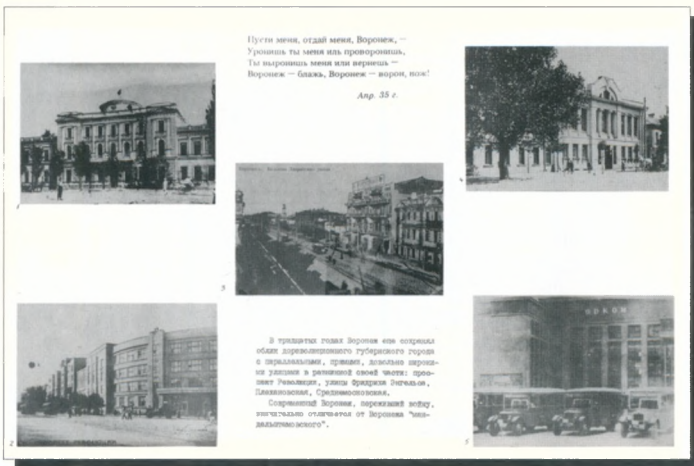
Май 1935 г. В.

*Н.Я. Мандельштам считала Воронеж чудом по сравнению с Чердыньню, где Мандельштамы находились до этого. Воронеж они выбрали сами (он не входил в число 12 запрещенных городов). Хороший климат, щедрая земля, близость Москвы, университет, прекрасная фундаментальная библиотека, симфонический оркестр — всё это устраивало Мандельштамов.

Карта Воронежа

Пусти меня, отдай меня, Воронеж, —
 Уронишь ты меня или проворонишь,
 Ты выронишь меня или вернешь —
 Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож!

Апр. 35 г.

В преддверии года Воронеж как столица
 области дирекционного губернского города
 с архитектурой, признан, до настоящего времени
 удачно в развитии своей черты: про-
 швет Рязанский, улицы Фридриха Шлегеля,
 Давыдовская, Среднемоховская,
 Современная Воронежа, порождают видны,
 изначально отличаясь от Воронежа "на-
 дальнего востока".

Пусти меня, отдай меня, Воронеж,
 Уронишь ты меня, или проворонишь,
 Ты выронишь меня или вернешь —
 Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Апрель 35 г.

Дворец пионеров

Управление Юго-восточной железной дороги

Проспект Революции

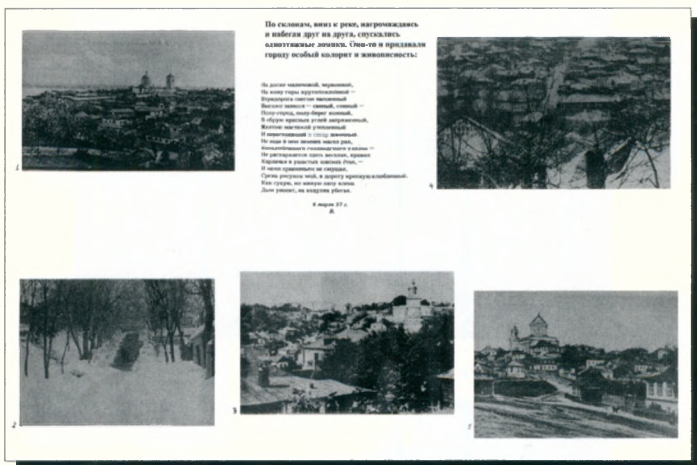
Главпочтамт

Обком ВКП(б) и Облисполком

В тридцатых годах Воронеж еще сохранял облик дореволюционного губернского города с параллельными, прямыми, довольно широкими улицами в равнинной своей части: проспект Революции, улица Фридриха Энгельса, Плехановская, Среднемосковская.

Современный Воронеж, переживший войну, значительно отличается от Воронежа "мандельштамовского".

По склонам вниз к реке, нагромождаясь и набегая друг на друга, спускались одноэтажные домики. Они-то и придавали городу особый колорит и живописность:

На доске малиновой, червонной,
 На кону горы крутопоклонной –
 Втридорога снегом напоенный
 Высоко занесся – санный, сонный –
 Полугород, полуберега конный,
 В сбрую красных углей запряженный,
 Желтою мастикой утепленный
 И перегоревший в сахар жженный.
 Не ищи в нем зимних масел рая,
 Конькобежного фламандского уклона,
 Не раскаркается здесь веселая, кривая,
 Карличья в ушастых шапках стая, –
 И меня сравнением не смущая,
 Срежь рисунок мой, в дорогу крепкую влюбленный,
 Как сухую, но живую лапу клена
 Дым уносим, на ходулях убегая...

6 марта 37 г. В.

Вид на Троицкую слободу.
Терновая церковь и кладбище

Лестница к Петроскому скверу с
Манежной улицы (современный снимок)

Большая Чернавская улица. Справа
Онуфринская церковь. Здание
наверху - бывшая семинария

Вид на слободу Чижовка
(современный снимок)

Вид города

Неповторимость силуэта Воронежа складывалась и башни, и звонницы, и купола церквей и монастырей, расположенных на правом холмистом берегу.

Почти с любой точки правобережья открывался безбрежный простор. Он начинался заливающим лугом в низкой части поймы реки и уходил за голубые дали Усманского бора на северо-востоке.

Неповторимость силуэта Воронежа создавали и башни, и звонницы, и купола церквей и монастырей, расположенных на правом холмистом берегу.

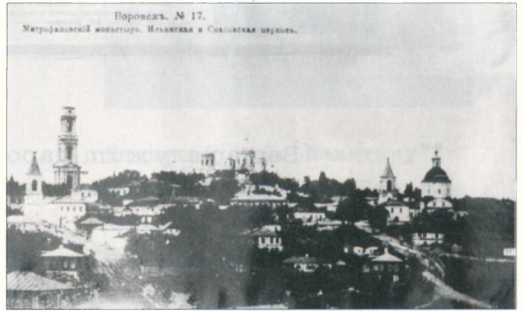
Почти с любой точки правобережья открывался безбрежный простор. Он начинался заливающим лугом в низкой части поймы реки и уходил за голубые дали Усманского бора на северо-востоке.

Собор Святого Владимира

Митрофаниевский монастырь (теперь на этом месте главный корпус университета)

Митрофаниевский монастырь, Ильинская и Спасовская церкви

Алексеевский монастырь (современный снимок)

Берег реки Воронеж.
Церковь Взыскания погибших

Ветер служит даром на заводах,
И далеко убегаем гать.

История и культура старого Воронежа выражена не только в архитектуре, но и в памятниках тем, кто является всеобщей нашей гордостью и славой.

Судьба города навсегда связана с именами Петра I,
А.В. Кольцова, И.С. Никитина.

Петровский сквер и памятник Петру I* (во время войны уничтожен фашистами)

Река Воронеж. Чернавский мост (во время войны был взорван)

* Памятник Петру I (бронза) работы Д.И.Гримма и В.Г.Шварца, открыт в 1866 г.

Памятник А.В.Кольцову*
(современный снимок)

Памятник И.С. Никитину**
(современный снимок)

Петровский спуск

Хлебная площадь (рынок)

* Памятник А.В.Кольцову (итальянский мрамор) работы А.Трискорни, открыт в 1868 г.

** Памятник И.С.Никитину (бронза) работы И.А.Шуклина и Я.И.Филотея, открыт в 1911 г.

Проспект Революции (бывшая
Большая Дворянская). На переднем
плane здание Первого Дома
Советов. Здание сохранилось
(пр. Революции, 46)

О. Э. Мандельштам. 1919 (?)

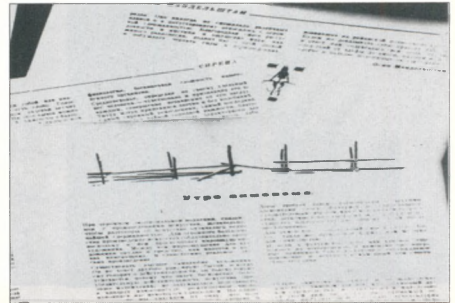

В. И. Нарбут

Главная редакция журнала помещалась в здании Первого Дома Советов на третьем этаже; на первом - находился клуб журналистов "Железное перо".

В 4-5 номерах журнала "Сирена" за 1919 год Нарбут опубликовал статью Мандельштама "Утро акмеизма".

После отъезда Нарбута из Воронежа "Сирена" прекратила свое существование, но знакомство и добрые отношения между поэтами продолжались.

Статья О. Мандельштама
"Утро акмеизма"

1
29.05 год. Первая воронежская весна.
Осип Мандельштам от усталости потерял ориентацию в пространстве.

Перезуемки, перекурки, все в поле,
Все в колхозе знаменитом, все покуда и пример,
Все расплывающееся, все облетевшее,
Копилки влажные земной влаги и влаги...

Чернозем
Перезуемки, перекурки, все в поле,
Под в колхозе знаменитом, все покуда и пример,
Все расплывающееся, все облетевшее,
Копилки влажные земной влаги и влаги...

2
Описание "Чернозем" написано под впечатлением прогулки поэта в районе советских земель США. Впервые оно появилось в журнале "Искусство", в номере с мая Американская роль. Там в 1939 году появился стих "Ветры и воды" на историческом материале: Бальмонт, Федя Лермонтов, Вера Ветрова, Николай и др. Не отсюда ли в стихах Мандельштама "Искусство" влажные земной влаги и влаги?

3
Ну, характерный, чернозем! Будь мужествен,
глазаст...

4
Земля оживляется и "Чернозем" превращается над всем существованием, и теперь звучит многообразие торжества влаги:

И должен жить, котик и дождик умер,
А город от воды ополонился,
Как он горит, как вечно, как ослепает,
Как на лезве прилетел майский комет,
Как степь молчит в аргентинском простороте,
А небо, небо — твой Буеносайрес!

Апр. 35 г.
В.

1935 год. Первая воронежская весна.

Осип Мандельштам не утратил остроты восприятия пробуждающейся жизни.

Стихотворение "Чернозем" — точное географическое указание на местность, где поэт был "заколючен".

И, возможно, один из лучших в русской поэзии гимнов земле:

О. Э. Мандельштам.
Воронеж, 1935 г.

Чернозем
1
Перезуемки, перекурки, все в поле,
Под в колхозе знаменитом, все покуда и пример,
Все расплывающееся, все облетевшее,
Копилки влажные земной влаги и влаги...

2
В дни ранней пашоты зерна до снега,
И безурочная в ней думается работа
Тщательная расплывающей тальки
Знает безурочное в окружении себя что-то

3
И все-таки земля — проруда и обу,
Не уползай ее, как в ночи ей на бугах,
Глиняный флюидом напечатывает шаг,
Кварцетом изречения загадывают друг...

4
Как на лезве прилетел майский комет,
Как степь молчит в аргентинском простороте,
Их драбтвот чернозем! Будь мужествен,
глазаст...
интерпретация мандельштам в работе
апрель 35 г.
В.

Автограф стихотворения
О. Мандельштама "Чернозем"

Переуважена, перечерна, вся в коле,
Вся в холках маленьких, вся воздух и
призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

Стихотворение «Чернозем» написано под впечатлением прогулок поэта в районе опытных полей СХИ. Вплотную к ним подходил Ботанический сад, а напротив была Архиерейская роща.

Там в 1879 году собрался съезд «Земли и воли», на котором присутствовали Плеханов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Желябов и др.

Не отсюда ли в стихах Мандельштама «комочки влажные моей земли и воли»?

Я очень любила это стихотворение, и Осип Эмильевич переписал мне его разборчиво, тушью, на глянцево́й бумаге.

Так появился автограф, опубликованный в сборнике О.Мандельштама "Стихотворения" (Л., "Советский писатель", 1973).

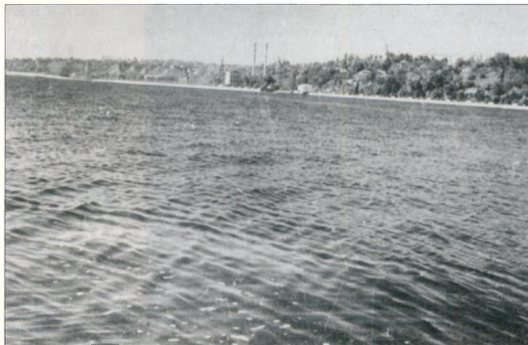
Ну здравствуй, чернозем: будь мужествен,
глазаст...
Черноречивое молчание в работе.

Чернозем. Опытные поля
Сельскохозяйственного
института (СХИ)
(современный снимок)

Почти одновременно с
"Черноземом" написано еще одно
стихотворение, в котором звучит
непобедимое торжество жизни:

Я должен жить,
хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел,
как скуласт,
Как на лемех приятен
жирный пласт,
Как степь лежим
в апрельском провороте...
А небо, небо —
твой Буонарроти!

Вид на город с Воронежского водо-
охранилища (современный снимок)

Апрель 35 г. В.

В Воронеж Осип Эмильевич Мандельштам приехал со своей неизменной спутницей, женой и другом, Надеждой Яковлевной.

Она была умна, образованна, обладала огромной душевной силой. На ней держалась жизнь.

Трагическая судьба поэта пала и на судьбы. И этот крест она сама взяла на себя и несла его так, что, казалось, иначе не могло быть.

Я никогда не слышала от нее жалоб. Она всегда была равна, внешне спокойна.

И так хорошо представляю ее большие серо-голубые глаза, улыбку, с которой она всегда встречала меня.

Если не верю ты, еще ты не веришь,
Гонимы с мучениками-поэтами
Ты, но свободными вольными душами
И мечом, и колющим, и ясным.

И расколотой блаженности, и мучительности
Души свободной и упрямой
Возмущенности дна и чина ты
И социологической тьмы безумной.

Самые-самые твои, даже если ты это
Пугает лод и ветер южный.

И было ты, это был поворотный
И твой выключатель времени!

Янв. 1937 г.
Я.

"После, вероятно шло!"

Что писали это тебе сказать! Но утробы прилеплет или लेकर надежда! Так дошло утро, встал жид, и пожелай ничто и целые темноты — ослепе, утробе или завету, колыхающему, интеллигенту, халкологическому устроению по твоему хитрости, уменю, воронью дроблю.

И скажут всем, это тебе пишет, ты жид Виссари, и Тим, и мажорские Янви. И тебе похотеть мне, и ты жиды несли, и жиды всему тебе, радости, Ах, Натомма!

(Из письма О.С. Вознесенского, 20 апреля, 1937).

В Воронеж Осип Эмильевич Мандельштам приехал со своей неизменной спутницей, женой и другом, Надеждой Яковлевной.

Она была умна, образованна, обладала огромной душевной силой. На ней держалась жизнь.

Трагическая судьба поэта стала и ее судьбой. И этот крест она сама взяла на себя и несла его так, что, казалось, иначе не могло быть.

Я никогда не слышала от нее жалоб. Она всегда была равна, внешне спокойна.

И так хорошо представляю ее большие серо-голубые глаза, улыбку, с которой она всегда встречала меня.

Н.Я. Мандельштам.
20-е гг.

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И малой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в богатой нищете
Живи споен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как меня его,
Пугает лай и ветер косит,
И жалок тот, кто сам полу живой,
У меня милостыню просит.

Январь 1937 г. В.

Надик, дитенок мой!

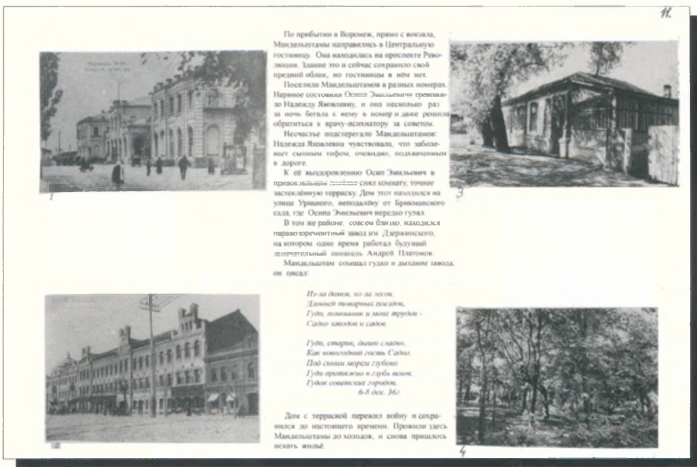
Что письмо это тебе скажет?
Его утром принесут или вечером
найдешь? Так доброго утра, ангел
мой, и покойной ночи, и целую
тебя сонную, уставшую или вымытую,
свеженькую, деловитую, вдохновенно
убегающую по таким хитрым, умным,
хорошим делам.

Я завидую всем, кто тебя
видит. Ты моя Москва и Рим и
маленький Давид. Я тебя наизусть
знаю, и ты всегда новая, и всегда
слышу тебя, радость. Ау? Надинька!"

(Из письма О.Э.Мандельштама
от 28 апреля 1937 г.)

Н.Я.Мандельштам.
1947 г.

По прибытии в Воронеж, прямо с вокзала, Мандельштамы направились в Центральную гостиницу. Она находилась на проспекте Революции. Здание это в сейчас сохранило свой прежний облик, но гостиницы в нем уже нет.

Поселили Мандельштамов в разных номерах. Нервное состояние Осипа Эмилевича тревожило Надежду Яковлевну, и она несколько раз за ночь бегала к нему в номер и даже обращалась к врачу-психологу за советом.

Несчастье постигнет Мандельштамов: Надежда Яковлевна почувствовала, что заболела сыпным тифом, очевидно подхваченным в дороге.

К. Ю. выдворенному Осипу Эмилевичу в провинциальном городке сыну команди, точное записочному переводу. Дом этот находился на улице Уржумского, неподалеку от Бирманского сада, где Осипа Эмилевича вернули гуляк.

В том же районе, совсем близко, находилась парикоремный завод им. Давыдовского, на котором часто время работала будущая ассистентка повариха, Алевтина Цыганова.

Мандельштамы сохранили гуляк и домашнее хозяйство, но...

*Но на дворе, не аз лесом,
Домашний мирок мой дом,
Гуляк, похороны и милая старуха -
Сайбо заводок и садок.*

*Гуляк, старуха, дымок садык,
Как мандельштамов Сайбо,
Помоги мне жить в дороге,
Гуляк, похороны и милая старуха,
6.8.1918. М.*

Дом с террасой пережила войну и сохранился до настоящего времени. Провалилась Мандельштамы до мещиков, и снова пришлось начать жить.

По прибытии в Воронеж, прямо с вокзала, Мандельштамы отправились в гостиницу "Центральная". Она находилась на главной улице - проспекте Революции. Здание это и сейчас сохранило свой прежний облик, но гостиницы в нем уже нет.

Вокзал Юго-восточной железной дороги

Поселили их в разных номерах. Нервное состояние Осипа Эмилевича тревожило Надежду Яковлевну, и она несколько раз за ночь бегала к нему в номер и даже обратилась к врачу за советом. Но он ее успокоил, сказав, что состояние Осипа Эмилевича постепенно улучшится.

Но несчастье подстерегало Мандельштамов: Надежда Яковлевна заболела сыпным тифом, очевидно подхваченным в дороге.

Гостиница
"Центральная"
(здание сохранилось,
пр. Революции, 44)

К ее выздоровлению Осип Эмильевич в привокзальном поселке снял у старика-повара комнату, точнее застекленную терраску. Дом этот находился на улице Урицкого, неподалеку от Брикманского сада, где Осип Эмильевич нередко гулял. В том же районе, совсем близко, находился Паровозоремонтный завод им. Дзержинского, на котором одно время работал будущий писатель Андрей Платонов. Мандельштам слышал гудки и дыхание завода, он писал:

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов,
Гуди за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов.

Гуди, старик, дыши сладко,
Как новгородский гость Садко
Под синим морем глубоко –
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов.

6–8 декабря 1936

Во время войны дом сгорел. На его месте построен новый. Прожили Мандельштамы здесь до холодов, и снова пришлось искать жильё.

Привокзальный поселок.
Улица Урицкого, 18
(современный снимок)

Брикманский сад
(современный снимок)

Тогда неожиданно жил в доме престарелых в районе Лодовая Заводская, куда он часто был посылан, таксистом и там в парке там реки, утратить его личность и адрес. Они жили в районе Савинскому Сергеевскому, знаменитому научному профессору в Воронежском институте.

Знаменитому Надежда Яковлевна имела нем законный Осип Эмилевич был очень полюбил, его очень уважал и "Трижды", особенно в моменты заключения, особенно он был уважался советскими коммунистами и особенно Мандельштам и другие писатели была окруженными. Кроме того, она знала, что надолго попадет в больницу, и Осип Эмилевич останется один в чужом, незнакомом городе.

Мандельштам сам точно и объективно охарактеризовал врачу свое состояние и отметил, что в комнате его раздражает шум и особенно запертые двери, хотя они и заперты изнутри. Не случайно в стихах поэта есть строчки, утверждающие право "дышать и открывать двери".

Сергей Семенович сказал, что знаком с такими "комплексами", они часто бывают у побывавших в тюрьме и ссылках, но обычно такое состояние бесследно проходит. Сергеевский успокоил Надежду Яковлевну и решительно заявил, что нет никакой необходимости класть Осипа Эмилевича в клинику, так как следов травматического психоза уже нет.

Тогда неожиданным образом Надежда Яковлевна уже на похоронной похоронке в гостинице на Золотой знаменитому доктору, его похоронили, но оказалось, что Осип Эмилевич был похоронен в другом месте.

Кроме для Осипа Эмилевича был жалко и прилагали пришло в нем по желанию, чтобы оставил надежду на Мандельштам что-нибудь одно между собой и оставил клинику.

Кроме в Осип Эмилевича, по словам Надежда Яковлевна, рассказав друзьям.

Надежда Яковлевна жила в этом в известном доме на ул. Фрунзе Воронеж, ТЭ. За этот период пережил несколько ее Осипа Эмилевича Третьего кризиса.

Там Мандельштам познакомился с другим поэтом, знаменитым в Ленинград, известном известном известным. У Надежда Яковлевна установилась с ним дружеские отношения, которые продолжались и после ее высылки. Мандельштам не раз к нему обращался.

В этом доме в 30-е годы находилось помещение Центрального района, в которую по мере надобности могли обратиться Мандельштам.

С.С.Сергиевский

Через несколько дней после приезда в Воронеж Надежда Яковлевна, скрыв от мужа свое состояние (температура у нее с каждым днем росла), уговорила его обратиться к врачу. Они пошли к Сергею Семеновичу Сергеевскому, заведующему кафедрой психиатрии в Воронежском медицинском институте.

Беспокойство Надежды Яковлевны имело все основания: Осип Эмилевич был очень возбужден, его мучили галлюцинации и "голоса", особенно в момент засыпания. Волнение ее еще усиливалось неотвязным воспоминанием о попытке Мандельштама в Чардыни покончить жизнь самоубийством. Кроме того, она знала, что надолго попадет в больницу, и Осип Эмилевич останется один в чужом, незнакомом городе.

Мандельштам сам точно и объективно охарактеризовал врачу свое состояние и отметил, что в гостинице его раздражает шум и особенно запертые двери, хотя они и заперты изнутри. Не случайно в стихах поэта есть строчки, утверждающие право "дышать и открывать двери".

Сергей Семенович сказал, что знаком с такими "комплексами", они часто бывают у побывавших в тюрьме и ссылках, но обычно такое состояние бесследно проходит. Сергеевский успокоил Надежду Яковлевну и решительно заявил, что нет никакой необходимости класть Осипа Эмилевича в клинику, так как следов травматического психоза уже нет.

Психиатрическая
клиника

После выздоровления Надежды Яковлевны Мандельштам уже по собственной инициативе обратился к приехавшему из Москвы знаменитому психиатру, его интересовало, не являлась ли его болезнь следствием органического дефекта. Врач дал Осипу Эмильевичу белый халат и предложил пройти с ним по палатам, потом спросил, находит ли Мандельштам что-нибудь общее между собой и пациентами клиники.

Врач и Осип Эмильевич, по словам Надежды Яковлевны, расстались друзьями.

Надежда Яковлевна лежала в тифу в инфекционной клинике на ул. Фридриха Энгельса, 72. По старой памяти воронежцы называли ее больницей Красного креста. Там Надежда Яковлевна познакомилась с крупным специалистом, высланным из Ленинграда, Леонидом Ивановичем Богомоловым. У Надежды Яковлевны установились с ним добрые отношения, которые сохранились и после ее выздоровления. Мандельштамы не раз к нему обращались.

Больница сестер милосердия
Красного Креста

В этом здании
в 30-х годах находилась
поликлиника Центрального
района, в которую
по мере надобности
обращались Мандельштамы

Осенью 1934 г. Мандельштамы сняли комнату у агронома Е. П. Вдовина в доме №4 по 2-ой Линеинной /ныне пер. Швейников/. Чуть раньше, в мае, когда сын агронома Аким Иванович Давыдов был арестован, он был арестован по дороге вниз, в "яму".

И жму на выдохе огорода,
Земля-копейка мне бы была глотать.
Ветер служит даром на выдохе,
И должно улететь гать.

Чернокопачам ночь стелится накурно
И немыслимой землей осыпана.
За стеной обжитой комнаты
Завыл-бродяга в ружьею осыпана.

И богато истерзанность столетия —
Этой наукой гребенная доска.
Этот часею мной моя ласка осыпана
И осыпана жемчужно злато на бокала.

Апр. 35 г.
И

В 1935 г. в Печорском доме детей Виктора Маргерита "Вавилон" в переводе Надежды Яковлевны (под ее девичьей фамилией — Н. Хазина).

Это класик уродит?
Уродил Мандельштамца,
Чем не даламся чертотам? —
Как же не выдерутсятам,
Классик поэт, а не чертотам.

Мало и яма была ласкочеютею,
Прямо она не была ласкочеютею,
И ласкочеютею она уродила,
Наше чертотам, она яма —
Так и чертотам на ямачеютею
Уродил Мандельштамца.

Апр. 35 г.
И

На этой квартире Мандельштамы жили после гостризации в Воронеже: А. П. Кюи и Е. П. Вдовина.

Осенью 1934 г. Мандельштамы сняли комнату у агронома Е. П. Вдовина в доме 46 по 2-й Линеинной (ныне пер. Швейников). Чтобы попасть к ним, надо было пересечь двор нынешнего дома № 4, принадлежавшего брату композитора Ц. А. Кюи, и спуститься по дорожке вниз, в "яму".

Дом № 4 по пер. Швейников (бывшей 2-й Линеинной)*

В 1935 г. В Гослитиздате вышел роман Виктора Маргерита "Вавилон" в переводе Надежды Яковлевны (под ее девичьей фамилией — Н. Хазина).

Сын Е. П. Вдовина вспоминает, что, получив гонорар, Мандельштамы купили детям (их было три мальчика) большой деревянный конструктор, потом позвали их в свою комнату, где на столе лежала целая гора шоколадок. Ими Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна угощали ребят в течение двух недель.

* Адрес второй воронежской квартиры Мандельштамов по ул. Вторая Линеинная, 4 (теперь пер. Швейников, 46) уточнен по архивным материалам П. М. Нерлером. О. Э. Мандельштам указал его в договоре на перевод повести Г. Мопассана «Иветта».

– Это какая улица?
– Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова!
Как ее не вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

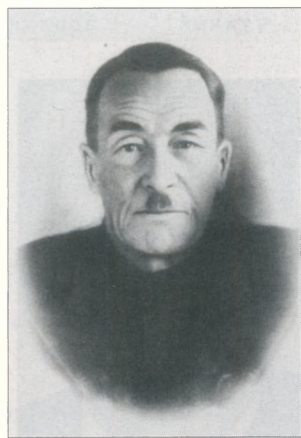
Мало в нем было линейного.
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Апрель 35 г. В.

Дорожка к дому №46
по пер. Швейников,
принадлежавшего
агроному Вдовину

Дом № 46 по пер. Швейников

Агроном Е.П.Вдовин

Об Осипе Эмильевиче Сергей Борисович говорил восторженно.

Близко и горько: "Еще не Александрович!" "Ну, чудный!" - воскликнул Рудаков.

Длины свидания у Осипа Эмильевича, Сергей Борисович был один: только с Рудаковым. Вспоминались разговоры и письма и вконец гудели вконец свои стихи.

В неопределенно озабоченном, полновесном восторге не подумавшись, много надежда тогда-то на освобождение. Сергей же Борисович погиб на фронте в 1943 году.

На месте этого дома по улице Дзержинского в настоящее время возвышается дом, в котором сейчас живет Сергей Рудаков.

Вместе, где жил Сергей Борисович, находилась и полуподвальная квартира и помещался он с симпатичным парнем, пекарем Трошей.

Вместе, правда, работы не было. Только один раз мне удалось передать Сергею Борисовичу предложенную мне областной библиотекой работу по составлению выставки и отдалось по моему желанию.

Но восторги на мое предложение, Сергей Борисович мне изложил в дружеской манере, много читая, много стихи, в газетке - в газетке с Александровичем.

А стихи Рудакова Осип Эмильевич отнеслось, очевидно, неслыханно восторженно. В разговорном на "Балладах" и длиннейшем, где было написано "честный шаг", Александровичем.

Источники этой заметки и много других можно найти в книге "Осип Эмильевич. Жизнь Сергея Рудакова".

Одним из немногих постоянных посетителей Мандельштамов с апреля 1935 года по июль 1936 был молодой литературовед Сергей Борисович Рудаков, высланный из Ленинграда.

Для Осипа Эмильевича Сергей Борисович был интересным собеседником и превосходным слушателем новых стихов поэта.

Об Осипе Эмильевиче Сергей Борисович говорил восторженно. Как-то я спросила: "Какой же Мандельштам?" - "Ну чудный!" - воскликнул он.

С.Б.Рудаков
(снимок Колли)

Рудаков бывал у Мандельштамов почти ежедневно, одно время он даже обедал у них. Мандельштам читал ему новые стихи, вдвоем они работали над полным собранием произведений Осипа Эмильевича. Подготовительные материалы к этой книге пропали уже после войны. Сам Сергей Борисович погиб на фронте в 1943 г.

Комната, где жил Сергей Борисович, находилась в полуподвальном этаже, и снимал он ее с симпатичным парнем, пекарем Трошей.

Жилось трудно, работы не было. Только один раз мне удалось передать Сергею Борисовичу предложенную мне областной библиотекой работу по составлению выставки к столетию со дня гибели Пушкина.

С.Б.Рудаков в саду Штемпелей
(снимок М.Ярцевой)

На месте этого дома
по улице Достоевского
стоял полтораэтажный
дом, в котором снимал
комнату С.Б.Рудаков

Но несмотря на все трудности, Сергей Борисович жил напряженной духовной жизнью, много читал, писал стихи, а главное — общался с Мандельштамом.

К стихам Рудакова Осип Эмилевич относился несколько иронически. В эпиграмме на "Балладу о движении", где было выражение "источник слез", Мандельштам написал:

Источник слез замерз, и весят пуд оковы
Обдуманых баллад Сергея Рудакова.

Городок Воронеж, где росла и жил отец А.С. Леонов.

Когда у Мандельштамов появился их старый знакомый, "виновник" выбора ими Воронежа, Николай Дмитриевич Леонов, отец описательной и изобразительной поэзии. Он был специалист по биологии растений, по вопросам высшего растительного строения, опыления, семян, плодов, плодоносия. Кроме того, его интересовали философия, поэтика, литература, а еще особенно искусство музыки. Он был не только музыкантом, но и композителем.

Соблазна университетской карьеры, ставшей для Леонова, Леона не было. Он остался в Воронеже. Леона Дмитриевича, по словам его друга Бориса Кузина, по сути признавал Мандельштам как поэт и писатель. Леона Дмитриевича так похвалял не один из современников. Леона Дмитриевича так похвалял не один из современников. Леона Дмитриевича так похвалял не один из современников.

В конце мая 1937 года в Воронеж приехал молодой сотрудник Академии наук Николай Дмитриевич Леонов. Он познакомился с Леонами в Воронежском университете. Леонов был тогда в Воронеже в отпуске от работы в Ленинградском университете.

Обычно Леонов часто бывал в Воронеже. Там много работали биологи, гуманисты, свои интересы Леонов разделял с Леонами и Леонидом. Леонов был специалистом по вопросам высшего растительного строения, опыления, семян, плодов, плодоносия.

Леона Дмитриевича так похвалял не один из современников. Леона Дмитриевича так похвалял не один из современников. Леона Дмитриевича так похвалял не один из современников.

Иногда у Мандельштамов появлялся их старый знакомый, "виновник" выбора ими Воронежа, Николай Дмитриевич Леонов. Это был очень своеобразный и незаурядный человек.

Н.Д. Леонов. 30-е годы

Специалист по физиологии растений, он занимался многими разделами ботаники, зоологии, химии, геологии, палеонтологии. Кроме того, его интересовали философия, история, лингвистика и все области искусства, кроме музыки, которую он не воспринимал. Знал он и многие языки мира.

Обладая удивительной памятью, страстно любя поэзию, Леонов помнил наизусть огромное количество стихов. Любил он и стихи Мандельштама.

Очень необычной была и внешность Николая Дмитриевича. По словам его друга Бориса Кузина*, он очень нравился женщинам.

*Борис Сергеевич Кузин — биолог. В конце 20-х гг. Н.Д. Леонов подарил ему сборник стихотворений «Tristia». Как вспоминает Борис Сергеевич, он не то что полюбил Мандельштама, а тяжело заболел им. Позднее, в начале 30-х гг., в Армении, Кузин познакомился с автором «Tristia» и стал другом Мандельштамов.

Городская больница №6.
Красноармейская, 19, где
работал и жил отец Н.Д.Леонова
(современный снимок)

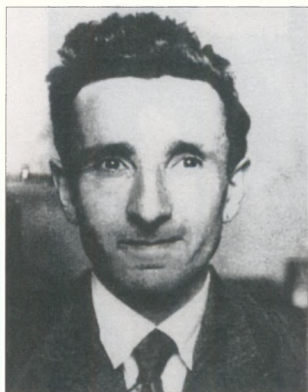
Н.Д.Леонов,
ранняя фотография

Надежда Яковлевна так вспоминает об одном из посещений Николая Дмитриевича:

"...Когда Анна Андреевна гостила в Воронеже, у нас у всех случился приступ отчаянного страха. Произошло это вечером... Мы сидели при коптилке - свет выключили, как это часто бывало в провинции. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошел без всякого предупреждения Леонов с каким-то спутником. Пугаться не было никаких оснований: мы знали, что у Леонова в Воронеже живет отец*, и он часто к нему приезжает. Сам Леонов - анахорет или российский дервиг, домашний философ, всегда немного под хмельком - был абсолютно свой человек".

Спутником Николая Дмитриевича был его родной брат Дмитрий Дмитриевич Леонов.

**Отец Николая Дмитриевича и Дмитрия Дмитриевича Леоновых до революции был земским врачом. В 30-е годы он работал врачом в Воронежской тюрьме. В тексте о Н.Д.Леонове использованы воспоминания Бориса Кузина «Об О.Э. Мандельштаме».*

Я.Я.Рогинский.
30-е годы

В конце мая 1935 года в Воронеж приехал хороший знакомый Мандельштамов антрополог Яков Яковлевич Рогинский*. Он согласился прочитать в Воронежском университете небольшой курс лекций и провести несколько семинаров.

Яков Яковлевич часто бывал у Мандельштама. Они вместе посещали концерты, гуляли. Осип Эмильевич нередко заходил к Рогинскому в общежитие.

Яков Яковлевич так вспоминает о воронежских встречах с Осипом Эмильевичем:

"Однажды появился Мандельштам и сходу стал читать только что написанные стихи. Такая экспансивность вообще была характерна для Осипа Эмильевича.

Поразительны суждения Мандельштама историко-философского порядка. Мне довелось слышать, как он буквально одной фразой охарактеризовал XVIII век во Франции:

- Всё время впечатление, что ты ходишь по высохшему водоему: всё, что было в глубине, оказалось на поверхности.

А сопоставляя Ламарка и Дарвина, он высказал поразительное по верности и глубине суждение:

- Ламарк приказывал природе, а Дарвин изучал и слушался.

Удивительно оно еще и потому, что глубоко связано с биографиями обоих ученых: Ламарк вырос в военной семье и в молодости бежал на войну, а Дарвин по происхождению был связан традицией позитивного буржуазного мышления. Наверное, отсюда и идет: "Он сказал: довольно полнозвучья..." ("Ламарк").

**Я.Я. Рогинский, антрополог, профессор МГУ, приехал в Воронеж по приглашению профессора Б.М. Козо-Полянского.*

Я читал Добролюбова, ценил и его стихи. Однажды прочел Мандельштаму наизусть "Пускай умру, печали мало..." О.Э. отрезал: "Стихи плохие..." Он был беспощаден к тому, что не было совершенным искусством".

Впервые раз на гастроли в Воронеж приехал знаменитый актер в честь Владимир Вахтангов, Мандельштам и Виктор Яхонтов друг друга с 1926 года. В статье о Владимир Осип Эмильевич писал: "Яхонтов - молодой актер, он учился у Вахтангова, Вахтангова, Станиславского и где-то он учился, это "гадкий утенок". С ним он видел, понимает Вахтангов очень как в театре театр одного актера, человек-театр".

Вахтангов не считал Осипа Эмильевича своим учителем в "смотреть на него абсолютными глазами". "Вахтангов увлекался мыслями Мандельштама, его стихами, знаниями, его художественной культурой. Но больше всего он доверялся его поэтическому слуху". (Н. Крымова "В. Вахтангов").

В семье известного Владимир Вахтангов Виктор называл "Осипа Мандельштама, Осипа и особенно этот чудесный его спектакль (он писал все сам!), не прощаясь в нем и нечеткой тематикой, тут и него абсолютное творение Вахтангов, Грима (да, очень прекрасное. Очень грубо), но сразу же становится очевидна грубость и неадекватность этому с художественной областью спектакля..."

(Воспоминания, март, 1978 г.)

В Воронеже Осип Эмильевич не проговорил ни одного слова Вахтангов, Мандельштам-актер Осипа и Вахтангов, в финале спектакля Дворянского собрания.

Какими, в свойственной манере, Владимир Вахтангов пришел к Осипу Эмильевичу и выслушал от него, что-то такое, что у Мандельштама был свой, исключительный интеллект "Три" и так далее, а так далее.

Воспоминания на память о нем, Вахтангов пришел дойти до этого момента объяснения и т.д.

В этот момент Мандельштам Вахтангов, Осип Эмильевич и "гадкий утенок" Вахтангов человек-актер.

Несколько раз на гастроли в Воронеж приезжал знаменитый актер и отец Владимир Яхонтов.

В.Н. Яхонтов. 20-е годы

Мандельштам и Яхонтов знали друг друга с 1926 года. В статье о Яхонтове Осип Эмильевич писал: "Яхонтов - молодой актер, он учился у Мейерхольда, Вахтангова, Станиславского и нигде не привился. Это "гадкий утенок". Он сам по себе. Работает Яхонтов почти как фокусник: театр одного актера, человек-театр".

Яхонтов же считал Осипа Эмильевича своим учителем и "смотрел на него влюбленными глазами". "Яхонтов увлекся мыслями Мандельштама, его стихами, знаниями, его художественной культурой. Но более всего он доверился его поэтическому слуху" (Н. Крымова).

Воронежская филармония (бывшее Дворянское Собрание)

Гостиница "Бристоль" (теперь "Центральная"), пр. Революции, 43 (современный снимок)

В.Н.Яхонтов.
1944 г.

В этой гостинице, приезжая на гастроли в Воронеж, останавливался Яхонтов. Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна нередко днем заходили к нему.

В своем дневнике Владимир Николаевич Яхонтов записал: "Снова Мандельштам. Снова я потрясен этой мудростью его стихов (он читал мне новые), их зрелостью с явной печатью гениальности. Тут у него появляется горькое веселие, ирония (нет, нечто несравненно более глубокое), как будто он пытается вздохнуть глубоко и наполнить легкие пылью и испарениями обильно политых тротуаров..." (Москва, июль, 1931 г.).

В Воронеже Осип Эмильевич не пропускал ни одного концерта Яхонтова. Концерты обычно бывали в филармонии, в бывшем здании Дворянского Собрания.

Однажды, в свободный вечер, Владимир Николаевич пришел к Осипу Эмильевичу и засиделся до утра. Кто-то донес, что у Мандельштамов всю ночь находился подозрительный "тип" и раздавалась стрельба.

Несмотря на нелепость доноса, Яхонтову пришлось давать по этому поводу объяснения в НКВД.

В.Н.Яхонтов. 1944 г.

И.Г.Эренбург среди воронежских писателей. Воронеж, 1934 г.

И.Г.Эренбург. 1935 г.(?)

"Эренбург приезжал в Воронеж весной 1936 года, — пишет жена поэта. — Возможно, что Мандельштам надиктовал ему несколько стихотворений, среди них и "Мигрень" — оно тогда еще не попало в полную опалу. Запись сохранилась у Эренбурга а Париже или в Москве у его дочери".

По словам Надежды Яковлевны, Эренбург высоко оценил стихи Мандельштама: "Есть только стихи: "Осы" и всё, что Ося написал", — сказал он.

Интересно такое свидетельство Ильи Григорьевича: "Он (Мандельштам) хорошо знал французскую, немецкую поэзию, понимал страны, где пробыл недолго.

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости,

Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых.

В легком декабре твой воздух стриженный
Индевеет денежный, обиженный...

Я много лет прожил во Франции, — пишет Эренбург, —
лучше, точнее этого не скажешь...

Размышления о прекрасной "детскости" итальянской фонетики поражали итальянцев, которым я переводил строки из "Разговора о Данте".

Однако самой большой страстью Осипа Эмильевича были русский язык и русская поэзия".

Дальше, говоря о стихах Мандельштама, о разнообразии их тематики, Илья Григорьевич пишет: "Я помню множество его строк, твержу их, как заклинания и, оглядываясь назад, радуюсь, что жил с ним рядом".

В середине апреля 1935 года Мандельштамам снова пришлось искать квартиру. Они поселились в комнате, которая находилась в двухэтажном доме на углу проспекта Революции и улицы 25-го Октября, неподалеку от редакции газеты "Коммуна"*. Внизу была булочная, а наверху квартиры гостиничного типа. Сейчас на этом месте шестистажное здание.

Проспект Революции. Слева угловой двухэтажный дом, где Мандельштамы снимали комнату.

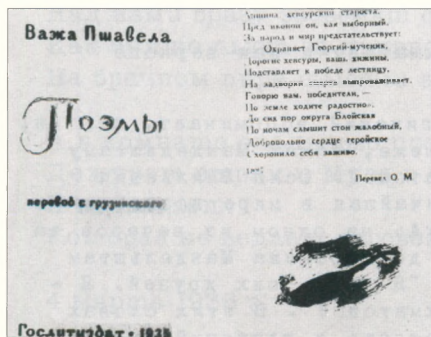
Хозяин, сотрудник НКВД, появлением жильцов был недоволен. Жена сдала комнату в его отсутствие. Осип Эмильевич прозвал хозяина "мышьебоек", так как, поймав мышь, он входил в комнату к Мандельштамам, держа ее за хвост, и говорил: "Разрешите поджарить?" (у Надежды Яковлевны была электроплитка). Его, конечно, выпроваживали. Он уходил, ворча что-то неодобрительное в адрес интеллигенции.

* Местонахождение третьей воронежской квартиры Мандельштамов подтверждено профессором А.А. Русановой и Д.Д. Леоновым, посещавшими поэта на этой квартире.

Современное здание на месте двухэтажного дома, в котором Мандельштамы снимали комнату (пр. Революции, 37, современный снимок)

А однажды, когда Надежда Яковлевна уезжала в Москву, хозяин выписал Мандельштамов и выбросил из комнаты их вещи. Осип Эмильевич жил несколько дней у сотрудников "Подъема", а раз даже ночевал на столе в редакции "Коммуны". Только после жалобы прокурору Мандельштамы вселились обратно. На этой квартире они прожили до февраля 1936 года.

В 1935 году Гослитиздат опубликовал "Поэмы" Важа Пшавела (перевод с грузинского).

Одна из поэм была переведена Мандельштамом. Подписана она инициалами "О.М."

В этот период жизни в Воронеже Осип Эмильевич общался с местными писателями.

Воронежское отделение Союза писателей находилось на втором этаже редакции газеты "Коммуна".

В областном журнале "Подъем" за 1935 год были опубликованы пять рецензий Мандельштама.

Редакция газеты "Коммуна" (пр. Революции, 39)

Обложки журнала "Подъем"

... на эту квартиру в феврале 1936 года и Мандельштам...
 ... Анна Андреевна Ахматова...
 ... Осип Эмильевич очень любил Ахматову и как верного друга...

... Анна Андреевна Ахматова...
 ... Осип Эмильевич очень любил Ахматову и как верного друга...

... Ветеран...
 ... Осип Эмильевич...
 ... Анна Андреевна Ахматова...

Дружба двух талантливых поэтов, Анна Андреевна Ахматова и Осип Эмильевич Мандельштам, не утратила своего значения до наших дней и сейчас.

... Осип Мандельштам...
 ... Анна Андреевна Ахматова...

На эту квартиру* в феврале 1936 года к Мандельштамам приезжала Анна Андреевна Ахматова.

Осип Эмильевич очень любил Ахматову и как верного друга, и как большого поэта.

А. А. Ахматова

Я. Я. Рогинский вспоминает, что он, будучи в Воронеже, задал Мандельштаму вопрос об Ахматовой. Осип Эмильевич ответил: "Величайшая в мире поэтесса после Сафо". <А> на одном из вечеров за несколько лет до Воронежа Мандельштам резко сказал: "Я друг моих друзей. Я - современник Ахматовой". В этих словах был вызов, смелость и глубокий смысл.

Анна Андреевна не побоялась навестить опального поэта и, оценивая его воронежские стихи, писала:

"Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах Мандельштама именно в Воронеже, когда он был совсем несвободен:

И в голосе моем после удущья
 Звучит земля - последнее оружие..."

В Воронеже Осип Эмильевич сказал Ахматовой:

Поэзия - это власть... раз за нее убивают, значит, ей воздадут должный почет и уважение, значит, ее боятся, значит, она власть...

* Н. Е. Штемпель имеет в виду ранее упомянутую комнату в доме на углу пр. Революции и ул. 25-го Октября.

Встрече с поэтом Анна Ахматова
посвятила стихотворение «Воронеж».

ВОРОНЕЖ

О.М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталим я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским – вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мушный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильнее,
Как будто пьют за ликование наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

4 марта 1936 г.

Дружба двух больших поэтов, длившаяся всю их жизнь,
осталась нетленной. И после смерти Осипа Мандельштама Ахматова
не утратила духовной связи с ним.

Осипу Мандельштаму

О, как присто дыхание звездки,
Мне когда-то приснившейся там –
Там, где кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам;
Там, где наши проносятся тени,
Над Невой, над Невой, над Невой;
Там, где плещет Нева о ступени, –
Это пропуск в бессмертные твои.

1957 г.

Памятник Петру I
в Воронеже

1

Деятельность Воронежского театра была отмечена постановкой репертуара — одним из лучших областных театров за это переиод в число государственных республиканского значения.

Воронежский театр одним из первых открыл гастрольные поездки периферийных театров в Москву.

В труппу входили и первоклассные актеры и артистки высшего, и даже одаренная молодежь.

В начале 20-х годов из Москвы в Воронеж приехал новый директор театра Сергей Оскарлович Вольф. Он возглавлял постановку драматического театра более двадцати лет, в общем до конца своей жизни.

Сергей Оскарлович был человеком образованным, к тому же знал литературу и искусство, драматургию. Он был театральным деятелем, с глубокими и принципиальными взглядами на искусство.

Большое место в общей работе Воронежского театра отводилось литературной части. Вольф добился в театре должности завлита.

С октября 1935 по август 1936 года в качестве литконсультанта в театре работал Мандельштам. Вольф не побоялся взять его на работу. Сергей Оскарлович относился к Осипу Эмильевичу с уважением и доброжелательностью.

3

Сезоны из Москвы Вольф привозил вместе с В. В. Давыдовским. Многие режиссеры из Архангельска для них тоже туровые, как по-прежнему, но с ними авторитетно, это был творческий диалог, но очень узкий. Зато у них было отличное художественное представление. Во многом этим Вольф и Давыдовский поставили советскому театру высокие стандарты.

Но стандарты были неустойчивыми, они не могли быть такими, если бы не было культуры и искусства. Их объединила любовь к театру и гордость уважением друг к другу.

С глубоким уважением к Мандельштаму относился тоже очень хорошим отношением. Их часто можно было видеть в коридорах и фойе театра с молодыми посетителями.

2

Деятельность Воронежского театра была отмечена важнейшим результатом — одним из первых областных театров он был переведен в число государственных республиканского значения.

Воронежский театр одним из первых открыл гастрольные поездки периферийных театров в Москву.

В труппу входили и первоклассные актеры с известными именами, и ярко одаренная молодежь.

В начале 30-х годов из Москвы приехал в Воронеж новый директор театра Сергей Оскарлович Вольф. Он возглавлял воронежский драматический театр более двадцати лет, в общем, до конца своей жизни.

Сергей Оскарлович был человеком образованным, хорошо знал литературу и, конечно, драматургию. Он был театральным деятелем с глубокими и принципиальными взглядами на искусство.

Большое место в общей работе Воронежского театра отводилось литературной части. Вольф добился в театре должности завлита.

С октября 1935 года по август 1936 года в качестве литконсультанта в театре работал Мандельштам. Вольф не побоялся взять его на работу. Сергей Оскарлович относился к Осипу Эмильевичу сочувственно и доброжелательно.

С. О. Вольф.
30-е годы

Большой советский театр
в 30-е годы (здание
перестроено,
пр. Революции, 55)

Однажды из Москвы Вольф приехал вместе с В.М. Энгелькроном. Молодой режиссер из Архангельска был для такой труппы, как воронежская, не очень авторитетен. Это был творческий риск, но опыт удался. Энгелькрон стал отличным художественным руководителем. На многие годы Вольф и Энгелькрон составили плодотворный ансамбль единомышленников. По характерам своим неуступчивые, строго принципиальные, они постоянно вели споры, но не было случая, чтобы они не приходили к согласию. Их объединяли любовь к театру и глубокое уважение друг к другу.

В.М.Энгелькрон,
середина 30-х годов

С главным режиссером Энгелькроном у Мандельштама сложились также очень хорошие отношения. Их часто можно было видеть в коридорах и фойе театра оживленно беседующими.

В репертуаре сезона 1935-36 годов были пьесы Чехова "Вишневый сад" и Гольдони "Слуга двух господ".

Осип Эмильевич смотрел обе пьесы и в неопубликованной статье высказал свое отношение к тому и другому драматургу, сделав острые замечания о постановке "Вишневого сада" на сцене Воронежского театра.

А. Чехов. "Вишневый сад", постановка В.М.Энгелькрона. 40-е гг., состав актеров тот же, что и в 30-х гг.

Под впечатлением чеховских пьес Мандельштам писал:

Чехов. Действующие лица "Дяди Вани"... Чтобы понять внутренние отношения этих действующих лиц, как системы, нужно чеховский список назвустъ выучить, зазубрить. Какая невыразительная и тускляя головоломка. Почему они все вместе? Кто кому тайный советник?..

Мне, например, легче понять воронкообразный чертеж дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферической астрономией, чем эту мелко-паспортную галиматью... Никакого действия в его драмах нет, а есть только соседство с вытекающими из него неприятностями...

По воспоминаниям Надежды Яковлевны, с актерами у Осипа Эмильевича установились дружеские отношения. Они нередко забегали к Мандельштаму домой пошутить, посмеяться.

Совсем иное утверждают известные актеры, знавшие Осипа Эмильевича по совместной работе в театре.

Вот свидетельство народного артиста РСФСР

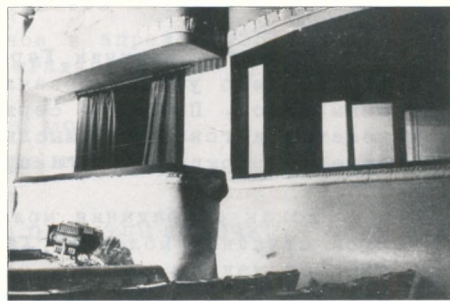
П.И.Вишнякова: "Я приехал в Большой Советский театр (так в то время назывался Воронежский театр) осенью 1935 года. Вскоре к нам пришел новый заведующий литературной частью – поэт Осип Мандельштам, как мы потом узнали.

Это был очень тихий и скромный человек, он молча смотрел спектакли и репетиции. Наверняка у него было свое мнение о спектаклях и, возможно, он высказывал его директору театра С.О.Вольфу или главрежу В.М.Энгелькرونу, но никогда труппе. Также никогда он не читал и своих стихов нам, актерам. Надо сказать, что и сами актеры к нему не очень-то "прислонялись" – время было суровое. В своем темном костюмчике, со своими неизвестными нам мыслями, Мандельштам был для нас несколько даже загадочным человеком. Почему он держался так замкнуто? Казалось, что он не хотел расплескать свой внутренний мир. Но, может быть, он просто чувствовал себя чужим в театральной среде?"

Об этом же говорил мне и заслуженный артист РСФСР В.И.Шкурский.

Фойе Воронежского академического театра драмы им. А.В.Кольцова (современный снимок)*

Ложа, из которой О.Э.Мандельштам обычно смотрел спектакли (современный снимок)

*Воронежский академический театр драмы им. А.В. Кольцова менял после войны свой наружный вид, внутри он оставался таким же, каким был в 30-е гг.

Для воронежского радио Мандельштамом были сделаны несколько передач: «Молодость Гёте», «Гулливер» (передача для детей), радиокomпозиция о Торквато Тассо и Блоке, вступительные слова к концертам и к опере Глюка «Орфей и Эвридика».

За время работы над радиокomпозицией «Молодость Гёте» в конце 1935 года Мандельштам написал несколько сценариев, хотя чаще всего отрывки, где говорится о Гёте и о слове

Мандельштам писал радио. В Воронеже, Москве и Новом, на их радиостанциях и воронежской и московской радиостанциях. Для радиостанции, выключенной в апреле 1935 года, которую первоначально называли «Радио-театр».

Рисунки новых технических средств. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио. Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Мандельштам писал радио.

Для воронежского радио Мандельштамом были сделаны несколько передач: «Молодость Гёте», «Гулливер» (передача для детей), радиокomпозиция о Торквато Тассо и Блоке, вступительные слова к концертам и к опере Глюка «Орфей и Эвридика».

В «Молодости Гёте» Мандельштам высказывает свои мысли о творчестве, о роли и назначении поэта. Это отмечает и Надежда Яковлевна: «Я заметила, что он (Мандельштам) подбирает <те> эпизоды из жизни Гёте, которые считает характерными для становления каждого поэта...»

Говоря о влиянии Гердера на Гёте, Осип Эмильевич писал: «Гёте от него узнал: поэзия никогда не является частным, личным делом. Поэзия – серьезная работа. Гердер слабо улыбается и говорит: «Мысль и слово, чувство и выражение неотделимы друг от друга при расторжении, как два близнеца».

Роман «Страдания молодого Вертера» Мандельштам называет книгой отчаяния молодого Гёте. Он говорит, что «такие вещи создаются как бы оттого, что люди вскакивают среди ночи в стыде и страхе перед тем, что ничего не сделано и богохульно много прожито. Творческая бессонница, разбуженность отчаяния сидящего ночью в слезах на своей постели, именно так, как изобразил Гёте в «Мейстере»...

Радиоцентр. Мясная гора, ныне Театральная улица (современные снимки)

Конницей бессонниц движется искусство народов, и там, где она протопала, там быть поэзии или войне».

Работа над «Молодостью Гёте» продолжалась больше двух месяцев – с конца апреля до конца июня 1935 года.

Во время работы над радиокomпозицией «Молодость Гёте», в июне 1935 года, Мандельштам создает небольшое стихотворение, всего четыре строчки, где звучит глубокое раздумье о Гёте и о себе:

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гете манившее лоно –
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

Июнь, 35 г. В.

И позднее, приходя к нам, Осип Эмильевич брал из шкафа превосходно изданного гётевского «Фауста», внимательно листал его и восторгался иллюстрациями Делакруа.

Осип Эмильевич любил радио. В Воронеже, тоскуя о Москве, он не расставался с наушниками и постоянно включал радиоточку.

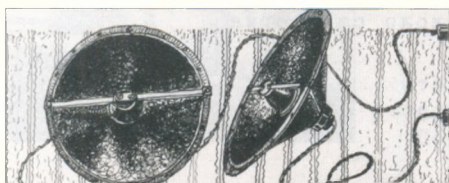
Вот стихотворение, написанное в апреле 1935 года, которое первоначально называлось «Радиоточка»:

Наушники, наушнички мои,
Попомню я воронежские ночки:
Недопитого голоса Аи
И в полночь с Красной площади гудочки...

Ну как метро? Молчи, в себе таи,
Не спрашивай, как набухают почки...
И вы, часов кремлевские бои –
Язык пространства, сжатого до точки.

Апрель 35 г. В.

Надежда Яковлевна вспоминала, что Осип Эмильевич радовался, слыша из репродукторов свои передачи.

Репродукторы 30-х годов
(рисунок М.В.Перфильевой)

В декабре 1935 года Александром научен кутяку в Троицкий санаторий. Случилось это после "обычного старинного столбняка" на улице, - как писал Осип Эмилевич жене. - Меня подхватил заслуженный комик и доставил в театр. Вольф при мне звал Генкину: "У нас работает такой-то: его здоровье внушает мне лично серьезные опасения... мы должны и т.д." В декабре и т.д. / за чашкой и или /.

4

2

5

1

Где из санатория Сине (замысловатый театр):

"Он пошел на отряды по моему совету и начался директор и устроился. Который был в 1935, и театр Сине пошел. Голосом и после него начался. Третьяковская школа. В театре был директор, Л. С. Голос. Не пошел. Заведомо был в свой театр. В театре были театры: Голос и Голос. Также и на мое имя. Третьяковская школа. Особый-особый и на-де-театральной школе. Мне ввел куда-то на армяне /это была восточная - и пришел в театры, начинались театры Голосовой, устроились в это имя и армяне театры и театры и театры."

В декабре 1935 года Мандельштам получил путевку в тамбовский санаторий. Случилось это после "обычного старинного столбняка" на улице", - как писал Осип Эмилевич жене. - Меня подхватил заслуженный комик и доставил в театр. Вольф при мне звонит Генкину: "У нас работает такой-то: его здоровье внушает мне лично серьезные опасения... мы должны и т.д."

(Из письма жене)

Церковь около санатория

Дуб-патриарх на территории санатория

Уже из санатория Осип Эмильевич пишет жене: "За полчаса до отъезда ко мне приехала машина с заместителем директора и управляющим. Машину они взяли в Н.К.В.Д., и шофер был военный. Усадили в вагон. Несли чемодан. Трогательная забота. В вагоне было скверно, т.е. гадко. Без плацкарт. Проводник взял в свое купе. В Мичуринске телеграмма тебе и сразу пересадка. Тамбов в 2 часа ночи. Трескучий мороз. Сказочно спокойный, с виду губернский город. Меня везут куда-то бесконечно на дровнях (это здесь извозчики) — и привозят в палаццо, напоминающее особняк Ксецинской, увеличенный в 10 раз и охраняемый стариком с ружьем и в тулупе".

Старый корпус санатория (бывший особняк купца Асеева).
(Современные снимки)

1 Эта групповая фотография предположительно сделана в Тамбовском санатории. С кем снят Осип Эмильевич, пока установить не удалось.

2 В окне и мне Николаевым дышит:
"... Далеко вилки рай, красоты невообразимы. Желти
на лавочке березы шны. Они взирали или галтели
позвоны, низ Восток, переживает в естественном свете.
Важность и гармоничной прозой или достигают
глубокие впечатления, отчая настоящего юности"...

3 Вскоре сдвинувшегося пейзажа вновь под
запечатленил извая тамбовского санатория:

4 В "Вехах дальних обоза" ... запечатлено
пейзаж из окна тамбовского санатория:

Веха дальнего обоза
С легкой стужей пробуждена,
От солнца и от ветра
Светлой и светлой река,
И какой там лес — еловый? —
И какой, а какой? —
И какой там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка...

26 дек. 36 г.

В

Как голубые камушки,
Плывут белой пеной —
И люблю их голубые
Потерянный дитя.

Хорошо оно известно,
Как вранье горючий дым —
Пускай вечно безотчетливо кружит
Далеко в море пробит.

Но сколько моего непрочитано —
Выступил ступеньками —
Получивший от вас ироничный
Улыб, Сказалась без сна...

29-30 дек. 36 г.

В

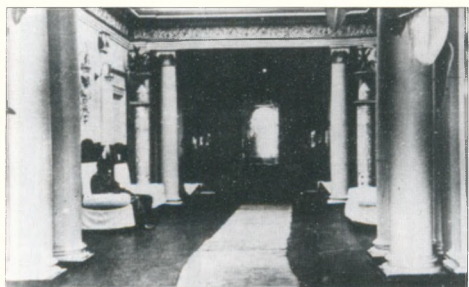
В "Вехах дальних обоза..." запечатлен пейзаж из окна тамбовского санатория:

Вехи дальние обоза
Сквозь стекло особняка,
От тепла и от мороза
Вблизи кажется река.
И какой там лес — еловый? —
Не еловый, а лиловый —
И какая там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка.

26 декабря 36 г. В.

Эта групповая фотография предположительно сделана в Тамбовском санатории. С кем снят Осип Эмильевич, пока установить не удалось.

Мраморная лестница в старом корпусе санатория

В письме жене Мандельштам писал: "Здесь... зимний рай, красота неопишанная... Живем на высоком берегу Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильные синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслаждение. Очень настоящие места".

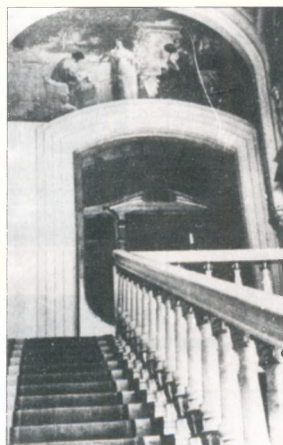
Второе стихотворение написано тоже под впечатлением видов из тамбовского санатория:

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильнее всего непрочно —
Выпуклых голубизна —
Полукругалый лед височный
Речек, бающих без сна.

29–30 декабря 36 г. В.

Колонный зал старого корпуса санатория

Река Цна в Тамбове
(современный снимок)

Каждого 7, 13, 19, 25 вечера,
8, 24 апреля концерты большого
симфонического оркестра
Воронежского Радиокомитета
под управлением А. В. ДЕМЕНТЬЕВА

СОСТАВ СОЛНСТОВ
гастролирующих на зимний сезон

Дирижеры У. П. Р.—Гаук А. В., Анжос Н. П., Гавбург, Лео
Дирижеры СССР—Дряченкоков—Ленюк, Г.
Ждановичев (Москва).

Иностранцы
дирижеры—Брейман Паул (Вена), Жиряков, Жю-
лиан (Бухарест), Варваровски Давид, Фурьер
Виктор (Италия).

Иностранцы дирижеры,
работавшие в СССР—Себастьян Георг, Фраг Оскар,
Секвар Ежен.

Постоянный дирижер
оркестра—А. В. Деметьев

Солнсты вокальные
Ленинградского и
Московского уа—Нечая (тенор), Воронская (гол. сопр.),
Златогорова (мец. сопр.), Лубекин (бар).

Солнсты У. П. Р.—Рождественские

Местные соли Радио-
комитета—Бартош Седзико (драм. сопр.), Царькина
Юлия (мец. сопр.), Жучин (бар), Шаверин
(тенор) и др. **Большая солистка**—Галозова,
Галина.

Солнсты инструмен-
тальные—Козьмо-Воскресенский (Польша)—Фроль, Ждановичев—
виолончельщик (Ленинград), Лисовский—виолончельщик (Москва), Волков—
скрипка (Москва), Раевский—скрипка
(Тбилиси).

Дорогие Сан-Франциско из многих периферийных городов России в последние годы.

Кроме того, сюда постоянно приезжали на гастроли известные композиторы, дирижеры, инструменталисты: Прокофьев, Гавбург, Гинзбург, Столяров, Мария Юдина, Эрденко, Галина Барина и др.

2

3

4

Воронежская область была всего в Воронеже, там был ступеньки прихода на, между этими ступеньками в Дене Эрденко Армен /23/ или в первом этаже был расположен училище. В последние годы симфонический оркестр был организован при институте "Юртех".

4

Воронеж был одним из немногих периферийных городов России с собственным симфоническим оркестром.

Каждого 7, 13, 19, 25 вечера,
8, 24 апреля концерты большого
симфонического оркестра
Воронежского Радиокомитета
под управлением А. В. ДЕМЕНТЬЕВА

СОСТАВ СОЛНСТОВ
гастролирующих на зимний сезон

Дирижеры У. П. Р.—Гаук А. В., Анжос Н. П., Гавбург, Лео
Дирижеры СССР—Дряченкоков—Ленюк, Г.
Ждановичев (Москва).

Иностранцы
дирижеры—Брейман Паул (Вена), Жиряков, Жю-
лиан (Бухарест), Варваровски Давид, Фурьер
Виктор (Италия).

Иностранцы дирижеры,
работавшие в СССР—Себастьян Георг, Фраг Оскар,
Секвар Ежен.

Постоянный дирижер
оркестра—А. В. Деметьев

Солнсты вокальные
Ленинградского и
Московского уа—Нечая (тенор), Воронская (гол. сопр.),
Златогорова (мец. сопр.), Лубекин (бар).

Солнсты У. П. Р.—Рождественские

Местные соли Радио-
комитета—Бартош Седзико (драм. сопр.), Царькина
Юлия (мец. сопр.), Жучин (бар), Шаверин
(тенор) и др. **Большая солистка**—Галозова,
Галина.

Солнсты инструмен-
тальные—Козьмо-Воскресенский (Польша)—Фроль, Ждановичев—
виолончельщик (Ленинград), Лисовский—виолончельщик (Москва), Волков—
скрипка (Москва), Раевский—скрипка
(Тбилиси).

Кроме того, сюда постоянно приезжали на гастроли известные композиторы, дирижеры, инструменталисты: Прокофьев, Гаук, Лео Гинзбург, Столяров, Григорий Гинзбург, Мария Юдина, Эрденко, Галина Барина и другие.

Музыкальное училище,
в центре (пр. Революции, 41)

Дом Красной Армии (ДКА),
бывшая женская Мариинская
гимназия (пр. Революции, 32)

Концерты давались чаще всего в филармонии, там
был огромный превосходный зал. Нередко сольные концерты
проводились в Доме Красной Армии (ДКА) или в скромном уютном
здании музыкального училища. Постоянным местом симфонических
концертов был зрительный зал кинотеатра "Спартак".

Кинотеатр "Спартак", в центре
(пл. Ленина, 13)

Воронежская филармония,
бывшее Дворянское Собрание
(ул. Чайковского,
здание не сохранилось)

Музыку Мандельштам любил самозабвенно. И старался не пропускать ни симфонических, ни сольных концертов.

Дирижер и пианист Лео Гинзбург, приезжая в Воронеж на гастроли, навещал Осипа Эмильевича.

Лео Гинзбург.
Поздний снимок

Известная пианистка Мария Юдина, по свидетельству Надежды Яковлевны, специально добивалась концертов в Воронеже, чтобы повидаться с Мандельштамом.

В свободное от концертов время Юдина много играла Осипу Эмильевичу в пустом зале Дома Красной Армии.

По воспоминаниям К.П.Вдовина (сына хозяина квартиры по 2-й Лине́йной, 4), Мария Вениаминовна пришла к Мандельштамам, и Осип Эмильевич попросил ее сыграть, но пианино было так расстроено, что она отказалась.

М.В.Юдина.
Середина 30-х годов

Кадр из кинофильма
"Огни большого города"
(1931 г.)

Чарли Чаплин

С большим интересом в кинотеатре "Комсомолец" мы смотрели картину Чаплина "Огни большого города".

Мандельштам очень любил и высоко ценил Чаплина и созданные им кинофильмы.

Так появилось стихотворение "Я молю, как жалости и милости...":

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости, —

Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых...

В легком декабре твой воздух стриженный
Индевеет денежный, обиженный...

Но фиалка и в тюрьме — с ума сойти в безбрежности! —
Свищет песенка — насмешница, небрежница,

Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская — кривая.

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли —

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей.

Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,
Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша, —

Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,
И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз раздражи.

3 марта 1937 г.

Кадры из кинофильма «Чапаев» (1934 г.)

Большое впечатление на Осипа Эмильевича произвела одна из первых озвученных картин "Чапаев" – "От сырой простыни говорящая":

От сырой простыни говорящая, –
Знать, нашелся на рыб звукопас –
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас...

Начихав на кривые убыточку,
С папироской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточку –
На равнины зияющий пах...

Было слышно гудение низкое
Самолетов, сгоревших дотла,
Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла...

Измеряй меня, край, перекраивай, –
Чуден жар прикрепленной земли! –
Захлебнулась винтовка Чапаева:
Помоги, развяжи, раздели...

Июнь, 1935 г.

Я кружил в полях совхозных,
Полон воздуха был рот –
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны – реки обычной
Белый, белый, бел-покров.
Трудодень земли знакомой
Я запомнил навсегда:
Воробьевского райкома
Не забуду никогда!

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола...
Это мачеха Кольцова?
Шутишь, родина щегла!
Только города немого
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор...
В аще воздуха степного
Переключка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.*

23–29 декабря 36 г.

* См. примеч. 64 на с. 58.

Карта Воронежской области

Реалиями для строчек: "Дайте свет – прозрачных лунок на фанере не сочтешь" послужила карта Воронежской области, сделанная на фанере. Населенные пункты на ней были обозначены лунками с горящими лампочками.

Карта висела на телефонном переговорном пункте, где Мандельштамы часто бывали.

Летом 1936 года после тяжелого сердечного приступа Осип Эмилевич избегал выходить из дому один, без Надежды Яковлевны. Иногда и её присутствие не помогало. Гиперчувствительная рука инстинктивно тянулась к воротнику рубашки, ему хотелось расстегнуть, разорвать её, он задыхался. Он был тяжело болен.

Надежда Яковлевна писала: "Осипу, когда — как Осипу — тяжело, оказывается в ту же минуту и на руке многих его стихов, была связана с темой дыхания: "дважды сложил крест", "отрадный простор"...

О, этот медленный одышливый простор —
И им пресыщен до отказа —
И одышливою распахнут кругозор —
Повезку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес и преса сломный нрав
На берега зубчатых Камы,
И б удергал ее застывшей рукой,
Ее круги, нрав и ямы...

И б с ней сработался на век, на миг один —
Стремлени ослеплый завистник —
И б слушал под корой текущих древесин
Ход кольчанья волоконистый.

16 мая 37 г.

В

Летом 1936 года после тяжелого сердечного приступа Осип Эмилевич избегал выходить из дому один, без Надежды Яковлевны. Иногда и ее присутствие не помогало. У него начиналось удушье, рука инстинктивно тянулась к воротнику рубашки, ему хотелось расстегнуть, разорвать ее, он задыхался. Он был тяжело болен.

О. Э. Мандельштам.
1936 г. Воронеж

Надежда Яковлевна писала: «Одышка, мучившая О.М., сказалась в ту зиму и на ритме многих его стихов. Она была связана с темой дыхания: «равнины дышащее чудо», «одышливый простор»...

О, этот медленный, одышливый простор!
Я им пресыщен до отказа –
И отдышавшийся распахнут кругозор –
Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы...

Я б с ней сработался – на век, на миг один –
Стремнин осадистых завистник,
Я б слушал под корой текучих древесин
Ход кольцеванья волокнистый.

16 января 37 г. В.

В конце июня 1936 года Мандельштамы сняли дачу в Задонске, тихом городке с живописными окрестностями, расположенном на западе берегу Дона в 86 км. от Воронежа.

До революции Задонск был славен своим монастырем и старцем Тихоном Задонским.

Дачу достало семье только потому, что Александр, старший брат Левый Валентинович принадлежал к дворянам. "Мы не считаемся с ними" - писал Евгений Евдокимов.

До строительства в Задонске дачи, Е.Б. Тарасовая Валерия Владимировна много лет жила в Задонске, занимаясь прическами. Много делала, работала по дому, ведь была разбросана семья.

Девятиклассник, Евгений, она привнесла чудные афоризмы, поэмы, как мы помним не в два дня приехав на дачу, только вечером, и расшаркалась сестра Дана и многу поющего леса.

2

3

В конце июня 1936 года Мандельштамы сняли дачу в Задонске, тихом городке с живописными окрестностями, расположенном в 86 километрах от Воронежа.

До революции Задонск был славен своим монастырем и старцем Тихоном Задонским.

Задонск, улица Карла Маркса, 8.
Здесь Мандельштамы снимали дачу
(фотография 1936 года)*

* Довоенная фотография дома 8 (теперь 10) по ул. Карла Маркса в Задонске, где Мандельштамы снимали дачу. Адрес найден П.М. Нерлером. Фотография предоставлена хозяйкой дома Клавдией Федоровной Тарасовой.

Дачу удалось снять только потому, что Ахматова, Пастернак и Е.Я.Хазин (брат Надежды Яковлевны) прислали деньги. "Мы почувствовали себя богачами", - писала Надежда Яковлевна.

По свидетельству хозяйки дачи, К.Ф.Тарасовой, Надежда Яковлевна часто загорала в вишнике, завесившись простынями. Много рисовала, делала эскизы, везде была разбросана бумага.

Действительно, из Задонска она привезла чудные акварели. Помню, как мы разложили их в два ряда прямо на полу, вдоль комнаты, и радовались синеве Дона и золоту осеннего леса.

Задонск, ул. Карла Маркса, 10
(по старой нумерации 8,
дом перестроен, современный снимок)

Старая улица Задонска
(современный снимок)

Действующая церковь в Задонске. Надпись: "Так же дружно
всю нашу жизнь, и здесь и там о нем не забыть".
Вот так и прожил он свою короткую жизнь, добывая его
жизнь "Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вот так и прожил он свою
жизнь, добывая его жизнь
"Задонск".

Вспоминая Задонск, Надежда Яковлевна писала: "Так мы прожили около шести недель... радуясь и ни о чем не думая".

Действующая церковь
в Задонске

Монастырь Тихона Задонского

Окрестности Задонска.
(Современные снимки)

Река Дон

Вот стихотворение об этом счастливом времени,
домашнее его название "Задонск":

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.

Вы, именьные вершины –
Дерев косматых именьны –
Честь Рюисдалевых картин,
И на почин – лишь куст один
В янтарь и мясо красных алин!

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.

Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво.
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея...

А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко, и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа, –

Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели.

15–27 декабря 36 г. В.

Шкловский, Виктор Борисович и его жена Василиса Георгиевна, сыграли большую роль в жизни Манделъштамов.

Трудно даже представить во времена, с которыми мы встречаемся, как часто Шкловский и Василиса Манделъштам, то охотнее и добровольно помогали и помогали Манделъштаму.

Василиса жена Виктора Шкловского и сама была 20-х годов, и уже тогда между ними установились дружеские отношения, которые не прерывались до конца жизни Осипа Манделъштама.

В отношении поэта, жизни Манделъштама, Василиса Манделъштам всегда сочувствовала поэту, Шкловский и жена, и делал это легко, весело, как будто и быть иначе не могло.

В своем очерке "Шуба", опубликованном в 1922 году в ростовской газете "Советский юг" Манделъштам так характеризовал молодого Шкловского: "Виктор Борисович Шкловский - задорнейший и талантливейший критик нового Петербурга, пришедший на смену Чужковскому, настоящий литературный броневик, весь буйное пламя, острое филологическое остроумие и литературного темперамента - на десятерых".

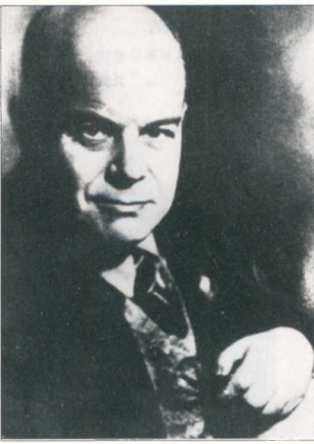
В своем очерке "Шуба", опубликованном в 1922 году в ростовской газете "Советский юг" Манделъштам так характеризовал молодого Шкловского.

В Москве даже жена Манделъштама Василиса Манделъштам вспоминает, что она, переехав в Воронеж, писала, чтобы не мешать Шкловскому, писать у себя дома.

И не только жена Виктора Шкловского и Василиса Манделъштам, но и другие друзья Шкловского и Манделъштама, как например, Сергей Бродягин и другие.

В то же время, что филологическая реальность творила сама эта атмосфера.

В.Б.Шкловский. 30-е годы

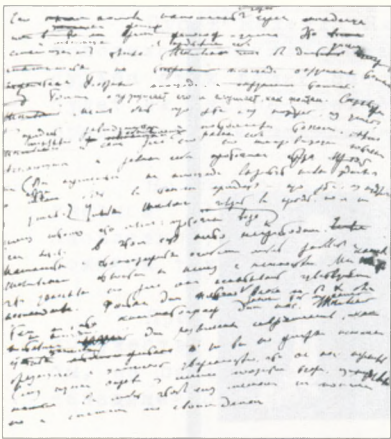
Шкловские, Виктор Борисович и его жена Василиса Георгиевна, сыграли большую роль в жизни Манделъштамов.

Трудно даже представить то радушие, с которым всегда встречали они Осипа Эмилевича и Надежду Яковлевну, то сочувствие и готовность помочь в любых обстоятельствах.

Манделъштам знал Виктора Борисовича с самого начала 20-х годов, и уже тогда между ними установились дружеские отношения, которые не прерывались до конца жизни Осипа Эмилевича.

В воронежский период жизни Манделъштама Шкловский постоянно помогал ссыльному поэту. Помогал и потом, и делал это легко, весело, как будто и быть иначе не могло.

В своем очерке "Шуба", опубликованном в 1922 году в ростовской газете "Советский юг", Манделъштам так характеризовал молодого Шкловского: "...Виктор Борисович Шкловский - задорнейший и талантливейший критик нового Петербурга, пришедший на смену Чужковскому, настоящий литературный броневик, весь буйное пламя, острое филологическое остроумие и литературного темперамента - на десятерых".

Сохранился автограф
Мандельштама примерно этого же
времени, где Осип Эмилевич тоже
писал о Шкловском:

"Его голова напоминает
мудрый череп младенца или
философа. Это смеющаяся и
мыслящая тыква. Я представляю
себе Шкловского диктующим на
Театральной площади. Толпа
окружает его и слушает, как
фонтан. Мысль бьет изо рта,
из ноздрей, из ушей, придает
равнодушным и постоянным током,
непрерывно обновляющаяся и
равная себе. Всё переменится:
на площади вырастут новые
здания, но струя будет всё

Автограф
О.Э.Мандельштама

так же прыгать — изо рта, из ноздрей, из ушей. Если хотите, в этом есть нечто непристойное. Машинистки и стенографистки особенно любят заботиться о Шкловском, относятся к нему с нежностью. Мне кажется, что записывая его речь, они испытывают чувственное наслаждение. Фонтан для V века по Р.Х. был тем же, что кинематограф для нас. Замысел тот же самый. Шкловский поставлен на площади для развлечения современников, но вся его фигура исполнена брызжущей и цинической уверенностью, что он нас переживет. Ему нужна оправа из легкого пористого туфа. Он любит, чтобы ему мешали, не понимали его и спешили по своим делам". Улыбка Шкловского говорит: всё пройдет, но я не иссякну, потому что мысль проточная — вода".

В Москве двери дома Шкловских для Мандельштамов всегда были открыты.

Надежда Яковлевна вспоминает, что они, вернувшись из Воронежа, решили, чтобы не подводить Шкловских, бывать у них реже. И, не слушая уговоров Виктора Борисовича и Василисы Георгиевны, несколько дней не приходили к ним.

«Чувство бесприютности и одиночества, — вспоминает жена поэта, — обострилось в геометрической прогрессии. Как-то, сидя у Бруни, О.М. не выдержал и позвонил Шкловским. «Приезжайте скорее, — сказал Виктор. — Василиса тоскует, места себе не находит..» Через четверть часа мы позвонили, и Василиса встретила нас с радостью и слезами. И тогда я поняла, что единственная реальность на свете — голубые глаза этой женщины».

В.Б. Шкловский с женой
Василисой Георгиевной

В редакции СССР Эмильевич впервые увидел Блюкштейна, что он так много знает о литературе, что даже знает, что такое литературный перевод и как он переводится, что для него переводчик — это человек, который переводит с одного языка на другой, а не тот, кто переводит с одного языка на другой.

Эмильевич написал Пастернаку записку в ответ:

«Мне очень приятно, что вы так много знаете о литературе, что даже знаете, что такое литературный перевод и как он переводится, что для него переводчик — это человек, который переводит с одного языка на другой, а не тот, кто переводит с одного языка на другой.»

«Сотрудник отдела» Максимилиан в Ленинград, по-моему, очень талантливый.

«Вот вы сами Максимилиан»

«Мне очень приятно, что вы так много знаете о литературе, что даже знаете, что такое литературный перевод и как он переводится, что для него переводчик — это человек, который переводит с одного языка на другой, а не тот, кто переводит с одного языка на другой.»

Пастернак и Максимилиан в Ленинград, по-моему, очень талантливый.

«Вот вы сами Максимилиан»

«Мне очень приятно, что вы так много знаете о литературе, что даже знаете, что такое литературный перевод и как он переводится, что для него переводчик — это человек, который переводит с одного языка на другой, а не тот, кто переводит с одного языка на другой.»

В одну из поездок в Москву Надежда Яковлевна показала Пастернаку вторую "Воронежскую тетрадь" Мандельштама. Стихи понравились Борису Леонидовичу. Он подробно говорил о них Надежде Яковлевне и написал записку:

В одну из поездок в Москву Надежда Яковлевна показала Пастернаку вторую "Воронежскую тетрадь" Мандельштама. Стихи понравились Борису Леонидовичу. Он подробно говорил о них Надежде Яковлевне и написал записку:

Дорогой Осип Эмильевич!

Ваша новая книга замечательна. Горячо Вас с ней поздравляю. Мы с Надеждой Яковлевной отметили и выделили то, что меня больше всего поразило. Она расскажет Вам о принципе разбора. Я рад за Вас и страшно Вам завидую.

В самых счастливых вещах (а их немало) внутренняя мелодия предельно материализована в словаре и метафорике и редкой чистоты и благородства.

"Где я, что со мной дурного..." в этом смысле головокружительно по подлинности и выражению.

Б.Л.Пастернак.
1936 г.

Пусть Надежда Яковлевна расскажет Вам всё, что говорилось нами о теме и традиции. Пусть временная судьба этих вещей Вас не смущает. Тем поразительнее будет их скорое торжество. Как это будет, никто предсказать не может...

Но говорить только хочется об "Осах", "Ягненке гневном" и других Ваших перлах, и на словах (с Надеждой Яковлевной) это вышло лучше и проще, на бумаге же ложится таким Саводником, что лучше бросить.

Предворонежская история Мандельштама говорит о мужестве и смелости Бориса Леонидовича, казалось бы, на первый взгляд, удивительно мягкого, по-детски незащищенного человека.

Надежда Яковлевна так пишет о нем:

"Все дела об арестах были, разумеется, "неприкасаемыми", хлопотать полагалось лишь членам семьи... Если кто-нибудь посторонний ввязывался в хлопоты, это было не правилом, а исключением, и ему нужно за это воздать должное. А в дело О.М. вмешиваться, конечно, не стоило — ведь в своих стихах он посягнул на слишком грозное лицо. Поэтому я ценю, что в хлопоты 34 года пожелал впутаться и Пастернак и пришел к нам с Анной Андреевной и спросил, куда ему обратиться".

И позднее, в связи с трагическими событиями 38 года, Надежда Яковлевна вспоминает:

"Единственным человеком, посетившим меня, был Пастернак. Он прибежал ко мне, узнав о смерти Осипа Мандельштама. Кроме него, никто не решался зайти..."*

* После известия о смерти О.Э.Мандельштама на другое утро, кроме Б.Л.Пастернака, к Надежде Яковлевне пришли Э.Г.Герштейн и Е.А.Хазин. В эти тяжелые дни Надежда Яковлевна жила у Н.И.Харджиева.

Б.Л.Пастернак.
1936 г.

В марте 1936 года Исааковичы сняли комнату в большом каменном доме на углу улиц Ф.Энгельса и Вороневского переулка. Первого мая в эту квартиру (Ф.Энгельса, 13, кв. 39) навестить Осипа Эмильевича приехала друг Мандельштамов, ныне известный литературовед, Эмма Григорьевна Герштейн.

В 1980 году в 12 номере журнала "Вопросы литературы" Э.Г. Герштейн опубликовала пять рецензий О.Мандельштама, опубликованных в 1935 году в воронежском журнале "Подъем" и подписанных инициалами поэта "О.М." и "М."

Осипа и эту же квартиру уезжал брат Евгений Викентийевич Викентийевич Кален. Тогда же познакомились с ним и я, Евгений, Мария, и другие мои, новые знакомые, мы все обаятели.

Евгений, талантливый литературовед, человек сдержанный и мягко образованный. Его работы о Л.Н.Толстом ("Балкан", "Анна Каренина") и Достоевском я читала с огромным интересом.

Владислав Викентьевич очень любил брать, они были каменщиками-ремесленниками, и другие мои знакомые относились к нему с уважением.

Владислав Викентьевич пишет, что не знал Осипа, и после приезда Осипа Мандельштама от меня Евгения Викентьевич был знаком со мной.

В марте 1936 года Мандельштамы сняли комнату в большом каменном доме на углу улицы Ф. Энгельса и Итэеровского переулка.

Первого мая в квартиру (Ф.Энгельса, 13, кв. 39) навестить Осипа Эмильевича приезжала друг Мандельштамов, ныне известный литературовед, Эмма Григорьевна Герштейн.

Э.Г.Герштейн
(40-е годы)

В 1980 году в 12 номере журнала "Вопросы литературы" Э.Г.Герштейн опубликовала пять рецензий О.Мандельштама, напечатанных в 1935 году в воронежском журнале "Подъем" и подписанных инициалами поэта "О.М." и "М."

Дом на Энгельса, 13

Е.Я.Хазин
(30-е годы)

Осенью в эту же квартиру приехал брат Надежды Яковлевны Евгений Яковлевич Хазин. Тогда же познакомилась с ним и я.

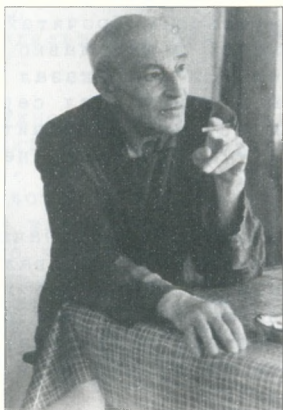
Красивый, тонкий, с высоким лбом, живыми глазами, он был обаятелен.

Журналист, талантливый литературовед, человек думающий и широко образованный.

Его работы о Л.Н.Толстом ("Казачи", "Анна Каренина") и Достоевском я читала с огромным интересом.

Надежда Яковлевна очень любила брата, они были единомышленниками, и духовная близость определяла их полное взаимопонимание.

Надежда Яковлевна пишет, что во всех сложных, а порой трагических обстоятельствах её жизни Евгений Яковлевич был всегда её помощником.

Е.Я.Хазин
(60-е годы)

Воронежский
авиационный техникум
им. В.П.Чкалова
(пр. Революции, 8)

Это Мандельштама как-то сразу же успокоило, мне показалось, что он даже пожалел о такой вспышке гнева. Вмешалась и Надежда Яковлевна: "Ося, не смей обижать Наташу".

Вскоре я стала видаться с Мандельштамами почти каждый день.

Вот таким запечатлелся Осип Эмильевич в моей памяти. Лицо нервное, выражение часто самоуглубленное, а иногда по-мальчишески лукавое. Голова несколько закинута назад. Среднего роста, очень прямой, почти с военной выправкой. В руке неизменная палка, на которую он никогда не опирался, она просто висела на руке и почему-то шла ему.

Не новый и редко глаженный костюм на нем был элегантен.

Вид независимый и непринужденный.

Мандельштам, безусловно, останавливал на себе внимание.

Трудно представить человека, который бы так умел уходить от своей судьбы, становясь духовно свободным. Эта свобода духа поднимала его над всеми обстоятельствами жизни: не было ни ссылки, ни Воронежа, ни убогой комнаты с низким потолком, ни судьбы отдельного человека.

Необъятный мир чувства, мысли, божественной всемогущей музыки слов захватывал целиком и, кроме него, ничего не существовало.

Был первый год моей педагогической работы. Я преподавала литературу и русский язык в авиационном техникуме.

Нередко Осип Эмильевич заходил за мной, и мы шли к ним или гуляли.

Однажды во время диктанта учащиеся спросили меня, как пишется "в полдень". Я ответила: "Вместе", имея в виду существительное "полдень".

Все тридцать человек написали "полдень" слитно с предлогом "в".

В смятении, чуть не плача, прямо из техникума я пришла к Мандельштамам. Осип Эмильевич рассмеялся, взял карандаш и написал две эпиграммы:

- Наташа, как писать: «балда»?
- Когда идут на бал, - то: «да»!
- А «в полдень»? - Если день - то вместе,
А если ночь, то не скажу, по чести...

Если бы проведаль Бог,
Что Наташа педагог,
Он сказал бы: ради Бога,
Уберите педагога!

Подъезд 5 дома 13 по
улице Фридриха Энгельса
(современный снимок)

Брат Виктор вспоминает: "Осип Эмильевич выглядел значительно старше своих лет. Он был довольно сумрачным, точнее, самоуглубленным. По-моему, Мандельштам мало обращал внимания на всё окружавшее его, был выше всех житейских бурь и невзгод.

И совершенно преображался, когда читал стихи. У него был красивый голос, волнующие интонации, казалось, слушаешь музыку.

Запомнилась мне горделивая и стройная его походка. Как сейчас вижу его, идущего к нам с высоко поднятой головой".

В.Е.Штемпель. 30-е годы

Эскиз дома 2I по улице Каляева*

* Графическое воссоздание фасада дома 2I по ул. Каляева по моему описанию выполнено архитектором-реставратором М.В. Перфильевой.

Мама относилась к Мандельштамам с большим сочувствием и симпатией.

Ей всегда хотелось их накормить, угостить, но это было не так просто. Осип Эмильевич к еде, как и к вещам, был равнодушен. Бегаёт вокруг стола со стаканом чая, читает стихи и спрашивает маму: "Вам нравится, Мария Ивановна?"

В.Е.Штемпель и
Н.Е.Штемпель

Н.Е.Штемпель.
Воронеж, 1935 г.

Надежда Яковлевна так вспоминала маму: "Скромница, умница, веселая и легкая Марья Ивановна — единственный человек в Воронеже, открывший нам свой дом".

Осень 1936 года я привела к Осипу Эмилевичу своего учителя и друга Павла Леонидовича Загоровского, профессора и проректора Воронежского педагогического института.

В Воронеже Павел Леонидович был по-настоящему популярным. По специальности Загоровский — психолог, но он окончил и филологический факультет Московского университета. Там был человеком удивительно образованным, свободно вникал в любые поэмы, мог наизусть читать почти "Сказки", собою вставил на "Чужой" Ахматовой, знал и язык Талей. Цветаеву, кумиром его был Пастернак. Любил Мандельштама.

Павел Леонидович стоял во главе литературного общества "Чернозем", за что много потрудился и моим друзьям. Павел Леонидович не только любил и слышал поэту, и стал читать у него лекции. Прозой, у Осипа Эмилевича был самый лучший вкус.

Поблизости Павла Леонидовича Бродяцкий, который тоже интересовался литературой и даже стихи, отказался идти к Осипу Эмилевичу. Не был и Андрей "Ленинград" — тоже отказался. "Да, да, да". Павел Леонидович любил Бродяцкого и Мандельштама. Надежда Бродяцкая и Осип Эмилевич тоже любили и Загоровского, своим делом, тем же важным делом своим.

Загоровский был по натуре очень мягкий и скромный воспитанный человек, отнюдь не потому что он был знаменитым "Черноземным" профессором.

Помню, он, как все интеллигент, был и на Советском Союзе. На Советском Союзе, он много. По нему он больше всего. Помню, как он говорил.

Иногда вспоминаю и Загоровского, и не в уме!

Осень 1936 года я привела к Осипу Эмилевичу своего учителя и друга Павла Леонидовича Загоровского, профессора и проректора Воронежского педагогического института.

В Воронеже Павел Леонидович пользовался огромной популярностью.

П. Л. Загоровский. 30-е годы

По специальности Загоровский — психолог, но он окончил и филологический факультет Московского университета. Это был человек энциклопедически образованный. Но особенно он любил поэзию, мог наизусть читать всего "Онегина", целые страницы из "Чужих" Ахматовой, знал и любил Блока, Цветаеву, кумиром его был Пастернак. Любил Загоровский и стихи Мандельштама.

Павел Леонидович стоял во главе литературного общества "Чернозем", он был душой поэтической молодежи города.

Павел Леонидович не боялся прийти к реальному поэту и стал бывать у Мандельштамов систематически. Наконец, у Осипа Эмилевича появился равный ему собеседник.

Заочный сектор пединститута
(пр. Революции, здание
не сохранилось)

Профессор Борис Моисеевич Бернадинер, который тоже интересовался литературой и любил стихи, отказался идти к Осипу Эмилевичу. На мой вопрос: "Бойтесь?" — прямо ответил: "Да, боюсь".

Павел Леонидович помогал Мандельштамам и материально. Надежда Яковлевна и Осип Эмилевич тоже заходили к Загоровскому, обычно днем, так им казалось менее заметно.

Загоровский был по натуре очень мягким и безусловно воспитанным человеком, очевидно, поэтому Мандельштам называл его "бархатным" профессором.

И однажды написал на него эпиграмму:

Наташа, ах, как мне неловко,
Что я не Генрих Гейне.
На Загоровского, на маму,
То бишь на божью коровку,
Заказывает эпиграмму.

("Божья коровка" относится к
Загоровскому, а не к маме).

Бывшее здание Воронежского
педагогического института,
теперь третий корпус ВГУ
(пр. Революции, 24).
Современный снимок

В здании по сей день
А.С. Пушкин и членовый кабинет
Фундаментальной библиотеки Со-
ветского университета.

Свою знаменитую библиотеку, что из университета Дорнгольца "Северь за-
лет", посылалого на войну, организатором работы выбрали строки:
"То есть в мире труд, который возмужает..."
Библиотечная работа велась в условиях войны, когда директор библио-
теки общему населению предоставлял в пользование и литературу и журналы на-
стоящие.

Здание читального зала
Фундаментальной библиотеки

В Воронеже были выделены комнаты для хранения книг.
Они служили и позже разрешено пользоваться Фундаментальной библиотечной библиотекой университета. Он даже более ей, говоря, что
в ней есть книги, которые не всегда найдешь в столичных библиотеках.

В воронежской жизни Мандельштамов большое место занимали книги. Осип Эмильевич получил разрешение пользоваться фундаментальной библиотекой Воронежского университета. Он очень ценил ее, говорил, что в ней есть книги, которые не всегда найдешь в столичных библиотеках.

Воронежский государственный университет, бывший Михайловский кадетский корпус (здание уничтожено во время войны)

Уголок читального зала фундаментальной библиотеки университета

К столетию со дня гибели А.С.Пушкина в читальном зале библиотеки была организована выставка.

Осип Эмильевич обнаружил, что из стихотворения Лермонтова "Смерть поэта", написанного на плакате, организаторами выставки выброшены строки: "Но есть и Божий суд, наперсники разврата!.."

Мандельштам устроил настоящий скандал за такое бесцеремонное отношение к произведению поэта и успокоился только тогда, когда директор библиотеки пообещала восстановить стихотворение в соответствии с авторским текстом.

Самый красивый домик (был в здании кинотеатра). По проспекту Революции на пять лет. Сейчас: улица Кавказская (раньше в это не шла).

Таки магазин - букинистический. Он находился на первом этаже старого здания кинотеатра "Пролетарий" (сейчас там бар). Заведовал им Яков Андреевич Чернышов, большой знаток книг. Сюда же часто заходил Осип. Сами заходили часто бывали в этот магазин, кому бы не захотел, но с Осипом читатель не походил на и другие посетители в Великом Андреевиче, а только почитали, читали и полагали с великим, Мандельштам же не продавал, а это магазин свои собственные книги. Сюда же приходил Александр Александрович. Это, конечно, не сами Осипы. И эти книги студия могла приобрести книги, Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, и только выдать, их накупить.

Другой книжный магазин находился там на проспекте Революции в здании, где теперь магазин "Дом", рядом со строительно-инженерным техникумом, совсем оживающей.

Он находился в здании международного комитета, принадлежал им Яков Франкович Волков, очень оживающий человек, менеджер в магазине.

Доступ в магазин отключили при освобождении, продавая не само, оставил отключен и отрыв. Магазины имелись в нескольких местах, где внутренняя отделка была, делалась нечетливой и простыми, разбиралась в журнале новой книги.

Осип Эмильевич любил бывать в книжных магазинах. На проспекте Революции их было пять.

Особенно часто Мандельштам заходил в два из них.

Один магазин - букинистический. Он находился на первом этаже старого здания кинотеатра "Пролетарий" (сейчас там бар). Заведовал им Яков Андреевич Чернышов, большой знаток книг. Здесь можно было найти редкие издания.

Осип Эмильевич часто заходил в этот магазин, книг он не покупал, но с большим интересом рассматривал их и любил поговорить с Яковом Андреевичем. А когда возникало критическое положение с деньгами, Мандельштам несли продавать в этот магазин свои драгоценные книги. Книги всегда оказывались непроданными. Это, конечно, не было случайностью. И как только откуда-нибудь появлялись деньги, Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна, к великой радости, их выкупали.

Кинотеатр "Пролетарий" (пр. Революции, 56). Современный снимок

Проспект Революции

Второй книжный магазин помещался тоже на проспекте Революции в здании, где теперь магазин "Хлеб", рядом со строительно-монтажным техникумом, бывшей семинарией.

Он назывался магазином индивидуальной книги, заведовал им Яков Романович Милой, очень симпатичный человек, влюбленный в свое дело.

Доступ к книжным стеллажам был свободный, прилавков не было, стояли столики и стулья.

Магазин являлся своеобразным клубом, где встречались любители книг, делились впечатлениями о прочитанном, радовались хорошей новой книге.

Магазин "Хлеб" (пр. Революции).
Современный снимок

Нередко мы бывали в Музее изобразительных искусств. Находился он тогда на проспекте Революции в бывшем доме губернатора.

В Путевом дворце в 30-х годах помещался Краеведческий музей, туда мы заходили реже.

Воронежский музей располагает уникальной коллекцией чернофигурных и краснофигурных античных ваз, амфор, киликов и других сосудов, созданных и расписанных в VIII-V веках до нашей эры древнегреческими скульпторами и вазописцами.

Они попали в Воронеж из Музея изящных искусств при бывшем Императорском Юрьевском университете.

Музей изобразительных искусств (бывший дом губернатора)

Путевой дворец. В 30-х годах в нем размещался Краеведческий музей

Витрина с древнегреческими
чернофигурными и
краснофигурными сосудами.

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном – и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

21 марта 37 г.В.

Килик из Капуи

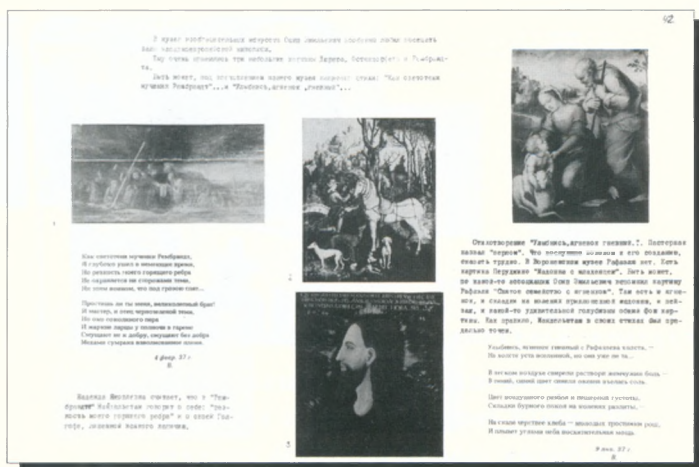
Амфора
краснофигурная

Мандельштам всегда любовался этими превосходными
подлинными творениями греческих художников.

Очевидно, они и послужили поводом к созданию цикла
стихотворений: "Длинной жажды должник виноватый...",
"Гончарами велик остров синий...", "Флейты греческой
мята и йота...".

Третье стихотворение связано также с арестом
талантливого музыканта Карла Карловича Шваба,
преподавателя музыкального училища по классу фортепьяно
и флейтиста симфонического оркестра.

Осип Эмильевич бывал у Карла Карловича, и Шваб
часто специально для него играл на флейте.

В Музее изобразительных искусств Осип Эмильевич особенно любил посещать залы западноевропейской живописи.

Ему очень нравились три небольшие картины Дюрера, Остендорфера и Рембрандта.

Быть может, под впечатлением нашего музея написаны стихи: «Как светотени мученик Рембрандта».. и «Улыбнись ягненок, гневный...»:

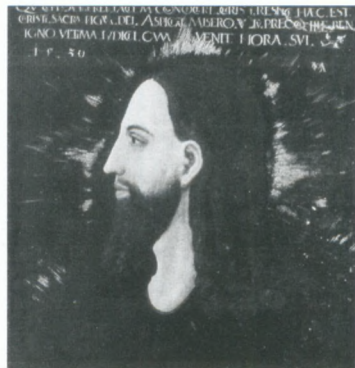
Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами темы,
Ни этим воином, что под грозою спял.

Простишь ли ты меня, великодушный брат,
И мастер, и отец черно-зеленой темы, —
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Межами сумрака взволнованное племя.

4 февраля 37 г. В.

Якобс Виллемс де Вет Старший. «Шествие на Голгофу»
(до 80-го года приписывалась Рембрандту)

Михаэль Остендорфер.
«Христос»

Венская копия картины Дюрера «Видение святого Губерта»
(до 80-го года считалась подлинником)

Надежда Яковлевна считает, что в «Рембрандте» Мандельштам говорит о себе: «резкость моего горящего ребра» и о своей Голгофе, лишенной всякого величия.

Стихотворение «Улыбнись, ягненок гневный...» Пастернак назвал «перлом».

Что послужило поводом к его созданию сказать трудно. В воронежском музее Рафаэля нет. Есть картина Перуджино «Мадонна с младенцем».

Утверждение Н.И.Харджиева, что стихотворение связано с «Сикстинской мадонной» вряд ли имеет основание, скорее речь идет о картине Рафаэля «Святое семейство с ягненком». Там есть и ягненок, и складки на коленях приклоненной мадонны, и пейзаж, и какой-то удивительной голубизны общий фон картины. Как правило, Мандельштам в своих стихах был предельно точен.

Рафаэль Санти.
«Святое семейство с ягненком»

Улыбнись, ягненок зневный, с Рафаэлева холста!
На холсте уста вселенной, но она уже не та...

В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль –
В синий-синий цвет синели океана вьелась соль.

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
Складки бурного покоя на коленях разлиты.

На скале, черствее хлеба, – молодых тростинки рощ,
И плывет углами неба восхитительная мощь.

9 января 37 г. В.

Пятая и последняя квартира Мандельштамов в Воронеже была на улице 27 февраля.
Только на этом месте предназначено для отслуживших службу партии.
Известно, квартира была скромная, добрая женщина, театральная портниха. Она жила со старушкой-матерью и сынишкой-матерью и сынишкой Вадиком, учеником второго класса.
Именно об этой квартире Осип Эмилевич писал: "... и дом мой без крыльца..."

Домик портнихи был необыкновенно живописно расположен: в центре, на возвышении, видна долина с полями и огородами, а по долинам, в долине, в долине, в долине и отбрасывала вид на партерную часть.

Через выемку от дороги, в три минуты ходьбы, на первом этаже уютного здания находилась многоэтажная театральная студия, что для Мандельштамов было очень важно.
Передо мной на протяжении всей жизни стояла Мандельштам.

Валентина Валентиновна жила на этом крыльце, куда из квартиры от земли, до улицы вступать не было.

Валентина была талантливая. Осип часто приходил на крыльце к ней, чтобы поговорить. По улице Мандельштамов ходил часто, и в доме и Валентина Валентиновна, рассказывала об этом в Мемуарах, Осип Эмилевич писал: "В доме Мандельштамовых стояла, которую Мандельштам трясся два от четырех до шести. И вблизи Пухов по-прежнему сидит. И вблизи Мандельштам..."

"В поручке на него, который, по-моему, и вблизи Мандельштам, что и был это Мандельштам" - вспоминает Валентина Валентиновна.

Пятая и последняя квартира Мандельштамов в Воронеже была на улице 27-го февраля.

Теперь на этом месте трехэтажный дом сотрудников обкома партии.

Хозяйка квартиры была скромная, добрая женщина, театральная портниха. Она жила со старушкой-матерью и сынишкой Вадиком, учеником второго класса.

Именно об этой квартире Осип Эмилевич писал: "... И дом мой без крыльца..."

В похожем доме Мандельштамы снимали комнату у театральной портнихи

Маленький каменный домик не имел никаких удобств, окна на полметра от земли, до крыши рукой достать можно.

Улица 27 февраля
(теперь ул. Пятницкого)

Комната была темноватая. Одно окно выходило на площадку перед домом, другое — во двор. По утрам Мандельштама изводил петух. В письме к Надежде Яковлевне, уехавшей по делам в Москву, Осип Эмильевич писал: "Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 — до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегает. И вербочки зеленые".

Площадка около домика портнихи.
Дождь

Домик портнихи был необыкновенно живописно расположен: в тупике, на верху горы, перед домом — площадка с огромным тополем, а за домом, вниз к реке, шла улица и открывался вид на заречную даль.

Дом по улице Пятницкого, 52,
на месте домика портнихи

"У портнихи мы жили тихо, спокойно, по-человечески и совсем забыли, что у нас нет жилплощади", - вспоминает Надежда Яковлевна.

Здание бывшей междугородней
телефонной станции
(ул. Пятницкого, 77)

Через площадку от домика, в трех минутах ходьбы, на первом этаже углового здания находилась междугородная телефонная станция, что для Мандельштамов было очень важно.

Нередко втроем мы просиживали там часами в ожидании Москвы.

1. Углубленными были отпущены от прежних жилищ: Чеховские: две кровати, столик, кожаный стул, старая, слепая лампа электрическая.

2. В углу гробовая железная кровать, в середине комнаты — железная кровать, старинный кожаный стул, в углу электрическая лампа, на стене картина Билета, Николаев. Вдоль стены и кровати.

3. На стене — картина Николаев. В углу железная кровать, в центре комнаты — стол, электрическая лампа, в углу — картина Билета, Николаев. Вдоль стены — картина Николаев.

4. Стол был электрический, покрыт на нем лежали и книги, и бумага, и различные предметы (на столе — картина Николаев), и железная кровать. На стене — картина Николаев, и железная кровать. В углу — картина Николаев, и железная кровать. Вдоль стены — картина Николаев, и железная кровать.

5. Вдоль и в углу — картина Николаев. Вдоль — картина Николаев, и железная кровать. Вдоль — картина Николаев, и железная кровать. Вдоль — картина Николаев, и железная кровать.

5. Вдоль — картина Николаев, и железная кровать. Вдоль — картина Николаев, и железная кровать. Вдоль — картина Николаев, и железная кровать.

Убранство комнаты мало отличалось от прежних жилищ Мандельштамов: две кровати, стол, нелепый шкаф, старая обитая дерматином кушетка.

Интерьер комнаты Мандельштамов. Рисунки М.А.Масакова

В шкафу хранились немногие книги, с которыми Осип Эмильевич не расставался: старинное издание его любимой "Божественной комедии" Данте на итальянском языке, в кожаном переплете с застёжками, сонеты Петрарки, на немецком языке Клейст, Новалис. Альбомы живописи и архитектуры.

Во время отъезда Надежды Яковлевны в Москву как-то приезжала ее мать Вера Яковлевна, очень остроумная старушка, окончившая в свое время медицинский факультет в Швейцарии.

Просил ее приехать сам Осип Эмильевич:

Дорогая Вера Яковлевна!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: приезжайте, поживите со мной. Дайте возможность Наденьке спокойно съездить по неотложным делам... Почему я вас об этом прошу? Сейчас объясню.

Как только уезжает Надя, у меня начинается мучительное нервно-физическое заболевание. Оно сводится к следующему: ...у меня развилось астматическое состояние. Дыхание всегда затруднено. Но при Наде это протекает мирно. Стоит ей уехать — я начинаю буквально задыхаться. Субъективно это невыносимо: ощущение конца. Каждая минута тянется вечностью...

Побыть со мной придется минимум две недели. Бытовые условия будут хорошие. Уютнейшая комната. Славная хозяйка. Лестницы нет. Всё близко. Телефон рядом. Центр. Весна в Воронеже чудесная. Мы даже за город с вами поедем.

В письме к дочери уже из Воронежа Вера Яковлевна писала:

Дорогая Наденька! Особенных событий за день не было. Мы гуляем, делаем покупки — у нас вооруженный нейтралитет. В хозяйственных взглядах мы не сходимся. А Ося уверен, что он такой же хороший хозяйственник, как поэт. Он любит всё более дорогое, я тоже, но я заглядываю в кошелек и даю обет воздержания... Он не сдастся, но бывает покорен, когда увидит дно кошелька.

Апрель, 1937 год.

Стол был единственный, поэтому на нем лежали и книги, и бумага, и дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна), и кое-какая посуда.

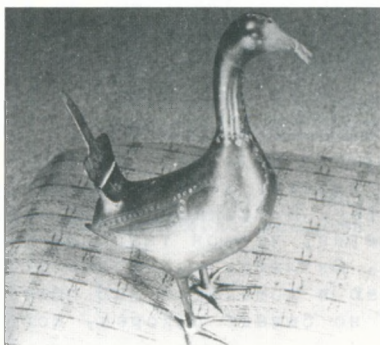
О.Э.Мандельштам и В.Я.Хазина
на площадке около домика портнихи.
Воронеж, 1937 год

На край шкафа примостилась иранская бронзовая птица. Очевидно, хищная и, безусловно, музейная.

Птица и дымковские игрушки были единственным украшением воронежских жилищ Мандельштамов.

Эта птица оказалась и в последней московской квартире Надежды Яковлевны на Большой Черемушкинской и так же стояла в шкафу.

"Я очень дорожу ею, — как-то сказала мне Надежда Яковлевна. — Это осталась единственная вещь, которую держал в руках Ося".

Иранская бронзовая птица

Иногда мальчик Вадику даже отдал,
 в клетках у него перелетел и летучий скворец
 на лето в 1977.
 Иногда вместе с Вадиком Осип Эмилевич
 участвовал в птичьей торговле, иногда,
 доставался мальчику,
 "У мальчиков особое отношение к птицам, —
 говорил Осип Эмилевич, — иногда до вы-
 жидки-лифта летают в руках или на па-
 рте."

Летом бывали в степи, особенно летом,
 и нем было заведено не сажать стенограммы,
 лаванды и герани,
 Надежда Яковлевна вспоминает, как Мандельштам
 работал восточнее над этим делом, и передает
 его слова:

"Тысяч деревьев в саду, но вырывают и
 делают Саламанку... А меня нельзя зате-
 вать на месте."

Мой садик, и главное название:
 Павлинок на опушке сада,
 Золотой альп, голубчик, альп, голубчик,
 Ты же не жести и краски поешь?

Качество воздуха, перья — чернотелые,
 Намею олова в перьях альп —
 Слышали ли, до чего цвета ты,
 До чего ты выцветает?

Что же в воздухе у него и малыши —
 Черн и красен, жести и бел?
 И альп старости или альп старости — альп?
 Не посперши, разведи...

10-27 Ам. М. а.
 В

"Золотой альп, — пишет Надежда Яковлевна, — работал на восточном
 краю сада, но не удержался, но предостережен был пролившем в нем
 и перья, жести."

Хозяйский мальчик Вадику любил птиц. В клетках у него наряду с другими птицами были и щеглы.

Иногда вместе с Вадиком Осип Эмилевич участвовал в птичьей торговле. Птицы, конечно, доставались мальчику.

"У мальчиков особое отношение к птицам, — говорил Осип Эмилевич Надежде Яковлевне. — Видела ли ты когда-нибудь девочку с голубями или на торговле?"

Птицы попали в стихи, особенно щегол. О нем было написано не одно стихотворение, появлялись и варианты.

Надежда Яковлевна вспоминает, как Мандельштам работал над этим циклом, и передает его слова: "Щегла запрятали в клетку, не выпустили в лесную Саламанку... А меня нельзя удержать на месте".

Лес в окрестностях Воронежа

Щегол в клетке

Мой щегол, я голову закину,
Поглядим на мир вдвоем.
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит —
Сознаешь ли, до чего, щегол, ты,
До чего ты щеголовит!

Что за воздух у него в надлобье:
Черн и красен, желт и бел!
В обе стороны он в оба смотрит, в обе —
Не посмотрит — улетел!

9-27 декабря 36 г. В.

"Щеглиный" цикл, — пишет Надежда Яковлевна, —
развился на обостренной жажде жизни, на ее утверждении,
но предчувствие беды пробивалось в нем с первых минут".

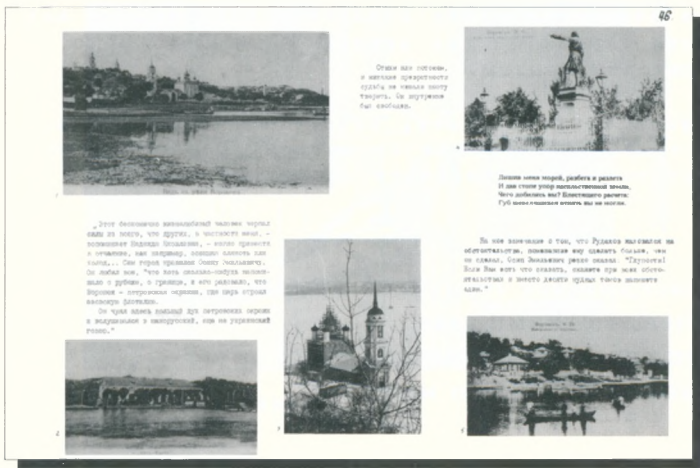
Не случайно в высказываниях Осипа Эмилевича
и в стихотворении "Когда щегол в воздушной сдобе..."
появляется лесная Саламанка:

И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц!

Поэта очень волновали испанские события, он жил ими и на моих глазах за три месяца в какой-то мере овладел испанским языком.

В другом стихотворении, точнее варианте, Осип Эмилевич отождествляет себя со щеглом. Особенно это видно в первоначальном варианте последней строфы:

И распрыгался черничной дробью,
Мечет ягодками глаз.
Я откликнусь своему подобию:
Жить щеглу – вот мой указ!

Одны вы любили,
и шепот пражаровности
судьба не чинила поуту
тварца. Он вступил
Гай вольный.

Любите имен людей, доброты и радости
И как стоите упер доломостенной земли,
Чтобы доброты вол Волонского держали,
Губ вольнолюбивы ищете вы не посты.

"Этот бесконечно жизнелюбивый человек черпал силы из всего, что вокруг, в частности меня, — вспоминает Надежда Яковлевна, — много времени и внимания, как например, осенью слепоте для меня... Сам город украинский Осипу Эмилевичу, до войны мне, что хотя издавна-порой находились в рубле, в границе, и что давало, что Воронеж в петровской окраине, где царь строил азовскую флотилию."

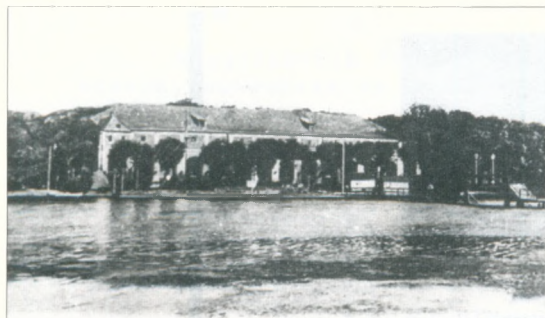
Он чужд явился покуда для петровских окресток
в жарком и восточном, или на украинском
языке."

По нем вспоминаю о том, что Рудавко выжили на
обстоятельствах, пожелавших ему сделать больше, чем
он сам. Сын Эмилевича решил остаться. "Эмилевич"
Вам был кто что сказать, пожелать при себе, чтобы
идеями и знанием делить с вами такую же
жизнь."

"Этот бесконечно жизнелюбивый человек черпал силы из всего, что других, в частности меня, — вспоминает Надежда Яковлевна, — могло только привести в отчаяние, как, например, осенняя слякоть или холод... Сам город нравился Осипу Эмилевичу. Он любил всё, "что хоть сколько-нибудь напоминало о рубеже, о границе, и его радовало, что Воронеж — петровская окраина, где царь строил азовскую флотилию. Он чувял здесь вольный дух передовых окраин и вслушивался в южнорусский, еще не украинский говор".

Вид на город с реки Воронеж

Петровский Яхт-клуб

Успенская церковь, XVII век
(современный снимок)

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Май 35 г.в.

На мое замечание о том, что Рудаков жаловался на обстоятельства, помешавшие ему сделать больше, чем он сделал, Осип Эмильевич резко сказал: "Глупости! Если Вам есть что сказать, скажите при всех обстоятельствах и вместо десяти нудных томов напишете один".

Памятник Петру I

Набережная реки Воронеж

Зимнему циклу стихов предшествовало стихотворение о "Кашеевом коте", прообразом которого явился мой кот.

Он был совершенно черным, без единого пятнышка, с огромными изумрудными глазами.

Смотрел он на людей всегда пристально, с оттенком презрения.

Было в нем что-то злое, ведьмовское, таинственное.

Многократно бывал у нас в гости, там он и спал, и играл со мной.

Дал позже название "Кашеевый кот" своему роману "Мастер и Маргарита".

Тот же кот был прообразом персонажа "Кашеева кота".

Стекло или зеркало,
Что и вижу перед собой
Потрясенный глаз мой —
Вот он, мой кот, мой кот!

Ты, где по ночам спишь
Улицы Кашей,
С сонливостью сонливой
Он на светлые идет голубой,
—
Кашеев кот, мой кот!

У него в глазах сияние
Без имени не дано мне —
У него в глазах сияние
Без имени не дано мне —
И в глазах твоих сияние,
Таинственное, ведьмовское
Мрачное и злое.

29-30 окт. 88.
Ф.

В начале и в конце стихотворения от И. Булгакова (И. Булгаков, 1938, "Мастер и Маргарита")

"В этот вечер я очень странно встретил при свете лампы "К" и был как-то доволен /востановился/ своим котом."

Был у меня на чужой стороне, лезть бы ему стал поплавать,
Был лезть и даже чуть поплавать с ним пошел и даже поплавать пошел на реке, реке и восточнее ему поплавать.

Стекло или зеркало, что и вижу перед собой потрясенный глаз мой — вот он, мой кот, мой кот!

Зимнему циклу стихов предшествовало стихотворение о "Кашеевом коте", прообразом которого явился мой кот.

Он был совершенно черный, без единого пятнышка, с огромными изумрудными глазами.

Смотрел он на людей всегда пристально, с оттенком презрения.

"Кашеев кот"
(рисунки А.Т.Фоменко*)

Кот был злой, дикий, царапался, кусался, даже преследовал осмелившегося его погладить, чтобы вцепиться.

Было в нем что-то злое, ведьмовское, таинственное.

* А.Т. Фоменко — доктор физико-математических наук, профессор МГУ. Рисунок сделан на его персональной выставке в Воронежском университете; является иллюстрацией к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Мандельштамы бывали у нас ежедневно, так как я болела, приходили на целый день.

Кот очень занимал Мандельштама. Осип Эмилевич даже пытался с ним играть.

Так появилось стихотворение о "Кашеевом коте":

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий –
Внук от зелени стоячей
И купец воды морской.

Там, где огненными щами
Угощается Кашей,
С говорящими камнями
Он на счастье ждет гостей,
Камни трогает клещами,
Щиплет золото звездой.

У него в покоях спящих
Кот живет не для царя:
У того в зрачках горящих
Клад зажмуренной горы –
И в зрачках тех леденящих,
Умоляющих, просящих –
Шароватых искр пурпы...

29–30 декабря 36 г. В.

В письме Н.С.Тихонову от 31 декабря 1936 года Мандельштам сам дает оценку "Кашееву коту": "В этой вещи я очень скромными средствами, при помощи буквы "ца" и еще кое-чего, сделал материально кусок золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался, учился у него и смело с ним боролся.

Как любой язык чтит борьбу с ним поэта, и каким холодом платит он за равнодушие и ничтожное ему подчинение! Стишок мой в числе других когда-нибудь напечатают, и он будет принадлежать народу советской страны, перед которым я в бесконечном долгу".

Декабрь 1936 – январь 1937
 Знатоком леса и не сугробам, ослепительным зимним
 солнцем, искрящимся всеми цветами радуги в крахмальной
 белизне снегов, блуждал поэт.

Люблю морозное дыханье
 И пара зимнего признанье:
 Я – это я, явь – это явь...
 И мальчик, красный, как фонарик,
 Своих салазочек государик,
 И заправила, мчится вплавь...

И я – в размолвке с миром, с волей –
 Заразе саночек мирволю –
 В серебристых скобках, в бахромах –
 И век бы падал векши легче
 И легче векши к мягкой речке –
 Полнеба в валенках в ногах...
 24 янв. 37 г.

В

В январе 1937 года оставшие Симан
 Эмилевича была совсем трезвоним, но
 чтоб не мешало ему изобретать рожество.

В лесу морозы и явья явь.
 Ты – парад, а – явья явь...
 И лес густой, пологий без морозов
 Голубой дождевой тучи.

А солнце морозы и вальсировать невесты,
 Кто очередь подала в рожество.
 Длинноязычные пара явья явь по я.
 И лес курочек в тучах, как чистый дуб,
 Велерос.

18 янв. 37 г.

Календарный пейзаж на площадке около своего
 домика и не мог налюбоваться пейзажем.
 С мальчишкой впереди смотрел он, как мальчишка
 на санках катился в гору прямо к реке.

Декабрь 1936 – январь 1937

Воронежская зима с ее сугробами, ослепительным зимним солнцем, искрящимся всеми цветами радуги в крахмальной белизне снегов, пленяла поэта.

В этот период Осип Эмилевич написал целый цикл зимних стихов.

Мандельштам выходил на площадку около своего домика и не мог налюбоваться пейзажем.

С юношеским азартом смотрел он, как мальчишки на санках катились с горы прямо к реке.

Люблю морозное дыханье
 И пара зимнего признанье:
 Я – это я, явь – это явь...

И мальчик, красный, как фонарик, –
 Своих салазочек государик
 И заправила, мчится вплавь.

И я – в размолвке с миром, с волей –
 Заразе саночек мирволю –
 В серебристых скобках, в бахромах –

И век бы падал векши легче
 И легче векши к мягкой речке –
 Полнеба в валенках в ногах...

24 января 37 г. В.

Воронежская зима. Современные снимки

В январе 1937 года состояние Осипа Эмильевича было особенно тревожным, но это не мешало ему напряженно работать.

В лицо морозу я гляжу один –
Он – никуда, я – ниоткуда –
И все утюжится, плочится без морщин
Равнины дышащее чудо.

А солнце шуруется в крахмальной нищете –
Его прищур спокоен и утешен.
Десятизначные леса – почти что те...
И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб,
безарешен.

16 января 37 г. В.

1
Одна для женщин, на границе лагеря. Если Осипа Эмилевича не особенно угнетало отсутствие денег, то та изоляция, в которой он оказался, порой для него была невыносима: он метался, не находя себе места.

«Что делать нам с убийством равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая зрим —
И все растет вопрос: куда они, откуда,
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим —
Пространств несозданных Иуда?»

16 янв. 37 г.
В.

2

И всё разрешится трагическим самоубийством, написанным
в один из самых притворно тише

Вот как грубо и как жестоко!
Он выжил, а ты — погибшая!
И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

И какой-то злой рок встал на пути,
И ты — погибшая!

3

Осип Эмилевич и Наталья Николаевна жили не в нем же по улице
Ташкинской, а по Шолоховскому району, и там на улице три гор-
баты, Шолоховский и Шолоховский шоссе, жилища пере-
дней домов с двумя окнами и двумя трубами, два с деревянными ярусами,
четыре яруса, для этого места. Но люди всё равно засыпались в я,
кучах всё обваливались: "Ползает и обваливается подчас"
"И берется лодка чужая, и люди вприсыпанных чужах."
Вот это улица: Сурикова, Звона, Пролет, улица, улица, Звона,
Камышевская...
Лет много их в этом районе

Ташкин мирские истории Камышевского в этот район мирские
люди много отдают на пенсию в отставку, но и в отставку.
В отставку в отставку Николаичу Чурикову в апреле 1937 года Осип
Эмилевич писал:

"И подается в отставку все,osome... Живает он. И — нет. У
меня только право уехать. Жив и умер человек на самодержавие...
Вот это прощание и не прощание. Не могу!"

Тогда же Камышевские дружно объявили революцию.
Тогда отставка, и человек, руководимый многонациональным инди-
видами против людей индийской организации, и также предложе-
нием чужах выходя и в своем выходящем духе.

Стихи шли потоком, но тревога нарастала. Если Осипа Эмилевича не особенно угнетало отсутствие денег, то та изоляция, в которой он оказался, порой для него была невыносима: он метался, не находил себе места.

Что делать нам с убийством равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая зрим —
И все растет вопрос: куда они, откуда,
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, —
Пространств несозданных Иуда?

16 января 37 г. В.

Мясная гора,
теперь Театральная улица
(современный снимок)

И всё разрешается трагическим стихотворением,
написанным в один из острых приступов тоски:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? –
И хочется мычать от всех замков и скрепок...

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы –
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угаланы...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке –

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
«Читателя, советчика, врача!
На лестнице колючей разговора б!»

1 февраля 37 г. В.

Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна иногда шли к нам не по проспекту Революции, а по Поднабережной улице, и там на стыке трех гор – Мясной, Семинарской и Дубницкой – стояла водокачка: маленький кирпичный домик с одним окошком и отводом трубы. Был и деревянный короб, точнее желоб, для стока воды. Но люди всё равно расплескивали ее, кругом всё обледенело: "скольжу к обледенелой водокачке".

Зимой на Воронежском
водохранилище
(современный снимок)

Водоразборная колонка
("водокачка") на Манежной
площади, теперь
улица Степана Разина

"И переулков лающих чулки, и улиц
перекошенных чуланы..."

Всё это правда: Суконовки, Левая, Правая, узкие,
кривые, Венецкая, Мало-Чернавская...

Как много их в этом узле!

Тяжелое моральное состояние Мандельштама в этот
период воронежской жизни нашло отражение не только в
стихах, но и в письмах.

В письме к Корнею Ивановичу Чуковскому в апреле
1937 года Осип Эмилевич писал: "Я поставлен в положение
собаки, пса... Я - тень. Меня нет. У меня одно только
право - умереть. Меня и жену толкают на самоубийство..
Нового приговора к ссылке я не выполняю. Не могу."

Тогда же Мандельштамы думали объявить голодовку.

Такое состояние, очевидно, усугублялось
необоснованными выпадами против поэта местной
писательской организации, а также приближением конца
высылки и полным неведением будущего.

Кроме того, в апреле 1937 года в областной газете "Коммуна" появилась статья писательницы Ольги Кретовой, направленная против Мандельштама.*

В ответ на статью О.Кретовой Мандельштам написал письмо в секретариат Союза советских писателей:

Уважаемый тов. Ставский!

Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания воронежского областного отделения Союза.

Вопреки утверждениям Обл. отд. Союза моя воронежская деятельность никогда не была разоблачена Обл. Отд., но лишь голословно опорочена задним числом...

Называя три фамилии (Стефан, Айч, Мандельштам), автор статьи от имени Союза предоставляет читателю и заинтересованным организациям самим разбираться: кто из трех троцкист. Три человека не дифференцированы, но названы: "троцкисты и другие классово-враждебные элементы".

Я считаю такой метод разоблачения недопустимым.
О.Мандельштам.

* Статья воронежской писательницы О. К. Кретовой «За литературу, созвучную эпохе!» (Коммуна. 1937. 23 апр. С.3). Мандельштам в ней упоминается в ряду «троцкистов и других классово-враждебных людей». В примечаниях к «Альбому» Наталья Евгеньевна писала: «К опубликованию статьи <...> О. К. Кретову вынудили следующие обстоятельства. Был арестован ее муж (редактор одной из районных газет). На руках у Кретовой остался маленький ребенок. М. Булавин и М. Подобедов обратились к В. Ставскому с вопросом: как быть с Кретовой? И он предложил считать ее мужа лишь отцом ребенка. Это и спасло Кретову. Интересно отметить, что первая строфа стихотворения Мандельштама «Рождение улыбки»:

Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи, и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.

написана в связи с сыном Кретовой, которого поэт неоднократно видел. Она всюду водила сына за собой».

В 1937 году в альманахе "Литературный Воронеж" выпад против Мандельштама был еще более резким. Выпад содержала обзорная статья Н. Романовского и М. Булавина "Воронежские писатели за 20 лет":

"Пользовавшиеся поддержкой врагов народа, прибывшие в 1934 г. в Воронеж троцкисты Стефен, Айч, Мандельштам, Калецкий пытались создать сильное оцепление писательского коллектива, внося дух маразма и аполитичности. Попытка эта была разбита. Эта группа была разоблачена и отсечена, несмотря на явно либеральное отношение к ней работников Обкома (Генкин и др.), которые предлагали "перевоспитывать" эту банду".

М. Я. Булавин.
30-е г.

В том же альманахе "Литературный Воронеж" поэт Григорий Рыжманов опубликовал памфлет на Мандельштама:

Лицом к лицу

Пышной поступью поэта,
Недоступный, словно жрец,
Он проходит без привета
И... без отклика сердец.

Подняв голову надменно,
Свысока глядит на люд, -
Не его проходит смена,
Не его стихи поэт.

Г. Н. Рыжманов.
30-е г.

Н. В. Романовский.
30-е г.

Буржуазен, он не признан,
Нелюбимый, он - чужак,
И побед социализма
Не воспеть ему никак.

И глядит он вдохновенно
Неземной - пророк на вид.
Но какую в сердце тленном
К нам он ненависть таит!

И когда увижу мэтра
Замолчавших вражых лир,
Напрягаюсь, как от ветра,
Четче, глубже вижу мир.

Презирай, гляди надменно -
Не согнусь под взглядом я,
Не тебе иду на смену,
И не ты мой судия!

Декабрь 1936*

* Материалы, характеризующие взаимоотношения О. Э. Мандельштама с воронежскими писателями, собраны В. Н. Гыдовым.

Ты, весна! Весна сквозная!

И в глубь поплыву эту мгла —
 эту желтизну и зелень джунглей —
 эту желтизну и зелень джунглей!
 Мать поджогамая, кленка, дубина,

Пыльцой, как в слезу и вранью,
 Поднимись, сморщенные коряги,
 И не смейтесь на оползающего
 (не промочит шапка глина?)

А вилочку, как шарики ртуть,
 Сползаешь сачком в яму,
 И ступаешь по камням кругом,
 И чашечкой вилочку пар.

30 апр. 37 г.

Копилка поэта и на этот раз победило мрачное настроение воронежской весны.
 Может быть, пробуждающаяся жизнь природы и ему всадила надежду на близкое освобождение.

Посадишь лесом густым в парк, который воронежцы до старой армянки назвали Шатрачским садом.

Пустошь, но здесь человек, только в краях разбитых, беспомощных кланов джунглей, и лесовые моты, и разбурлаченные почки деревьев, и гурбачи от поджогамых веток.

Весна 1937 года...

Жизнелюбие поэта и на этот раз победило мрачное настроение последней воронежской зимы.

Может быть, пробуждающаяся жизнь природы и ему всадила надежду на близкое освобождение.

Ботанический сад,
 теперь Центральный парк культуры

Осип Эмильевич любил гулять в парке, который воронежцы по старой привычке называли Ботаническим садом.

Пустынно, ни одного человека, только в прудах радостное, всепобеждающее кваканье лягушек, и весеннее небо, и распускающиеся почки деревьев, и голубеющие от подснежников бугры.

Так возникла весенняя симфония:

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов –
Эту клятвoprеступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я слепну и крепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великоленно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочную выдумкой пар.

30 апреля 37 г. В.

Весенние снимки
(фотографии современные)

И еще одно весеннее стихотворение,
о котором Надежда Яковлевна сказала:
"Это, Наташа, о нас с вами".

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.
Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями,
Что за двоевластие там? В чьем соцветьи истина?
С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.
И двойного запаха сладость неуживчива,
Ворется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 37 г.
В.

И еще одно весеннее стихотворение, о котором Надежда Яковлевна сказала: "Это, Наташа, о нас с вами":

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями, —
Что за двоевластие там? В чьем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Ворется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 37 г. В.

Ветви цветущей груши

Черемуха в цвету

Мы с Осипом Эмильевичем часто бывали в Кольцовском сквере. Сидели на скамейке, слушали шум фонтана, читали стихи.

1 Каменные лягушки фонтана попали в стихотворение "Рим".

Где лягушки фонтанов, расквакавшись И разбрызгавшись, больше не спят И однажды проснувшись, расплакавшись, Во всю мочь своих глоток и раковин Горят, любящий сильным поддакивать, "Итальянский водный кранец".

Лягушки воронежского фонтана и Рим! Не эта ассоциация не была случайной для поэта. Надежда Яковлевна писала: "Италия по-прежнему жила у нас в доме итальянскими поэтами, архитектурными ансамблями. О.М. звал меня погулять под флорентийской крещальней, и эта прогулка радовала его..."

2

Надпись к бюсту Осипа Эмильевича: Осип Эмильевич не раз в Кольцовском сквере читал стихи. Д.Д. Рубинский, помощник профессора в Микеланджело, просидел в сквере! "Мы сидим в сквере в кавалеттино Кольцов, Микеланджело изображает: - Как вы думаете, в сквере не поставили статуи-лягушек или в Воронеже?" Что в нас на это ответил...

Двадцать лет назад стоял на скамье выходя из сквера Осип Эмильевич.

4 Двадцать лет Эмильевич читал нам свои стихотворения!

Я Осипу Колларова Как сонно заволакиван, И лет по мне гоним, И дом мой без крыльца.

К ногам моей прилежал Сосновый ствол бор, Как восточный без улова, Рыцарь из муромов.

В степи вокруг вонюк — И нем мрут, мрут Ночью, нем, дождю — Как бы слепым мрут...

9 янв. 37 г. В

Мы с Осипом Эмильевичем часто бывали в Кольцовском сквере. Сидели на скамейке, слушали шум фонтана, читали стихи.

Каменные лягушки фонтана попали в стихотворение "Рим":

Где лягушки фонтанов, расквакавшись И разбрызгавшись, больше не спят И, однажды проснувшись, расплакавшись, Во всю мочь своих глоток и раковин Город, любящий сильным поддакивать, Земноводной водою кроят...

Кольцовский сквер. Фонтан с лягушками

Кольцовский сквер (современный снимок)

Лягушки воронежского фонтана и Рим! Но эта ассоциация не была случайной для поэта. Недаром Надежда Яковлевна писала: "Италия по-прежнему жила у нас в доме итальянскими поэтами, архитектурными ансамблями. О.М. звал меня погулять под флорентийской крещальней, и эта прогулка радовала его..."

Мандельштаму нравился скромный мраморный памятник Кольцову. Осип Эмильевич не раз с удовольствием читал стихи поэта.

Я.Я.Рогинский вспоминает разговор с Мандельштамом, происходивший в сквере:

"...Мы сидим в сквере с памятником Кольцову. Мандельштам спрашивает:

— Как вы думаете, а будет ли поставлен когда-нибудь памятник мне в Воронеже?

Что я мог на это ответить..."

Памятник и сейчас стоит на своем высоком постаменте на том же месте.

Однажды Осип Эмильевич прочитал мне свое новое стихотворение:

Я около Кольцова
Как сокол закольцован —
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
Сосновый синий бор.
Как вестник без указа,
Распахнут кругозор.

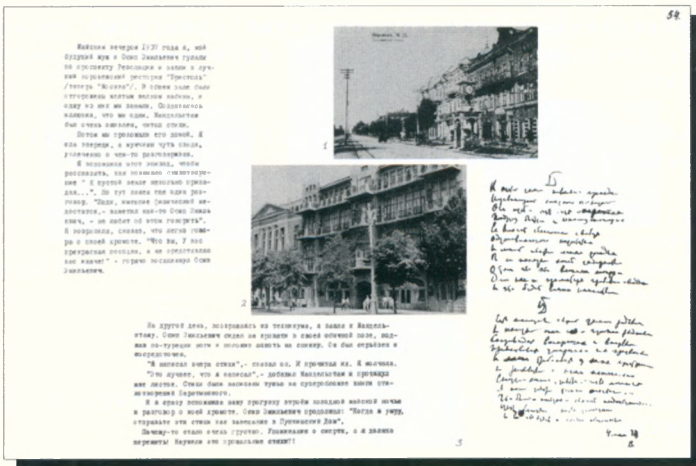
В степи кочуют кочки —
И все идут, идут
Ночлеги, ночи, ночки,
Как бы слепых везут...

9 января 37 г. В.

Памятник А.В.Кольцову

Майским вечером 1937 года я, мой будущий муж* и Осип Эмильевич гуляли по проспекту Революции и зашли в лучший воронежский ресторан "Бристоль" (теперь "Москва"). В общем зале были отгорожены желтым шелком кабины, и одну из них мы заняли. Создавалась иллюзия, что мы одни. Ели испанские апельсины, пили сухое вино. Мандельштам был очень оживлен, читал стихи.

Потом мы провожали его домой. Я шла впереди, а мужчины чуть сзади, оживленно о чем-то разговаривая.

Проспект Революции
(бывшая Большая Дворянская)

Гостиница и ресторан "Бристоль"

*Нашим слутником был Борис Евгеньевич Молчанов, инженер-строитель по профессии. Мы поженились с ним в конце мая 1937 года. Он писал стихи, знал русскую поэзию. Любимым его поэтом был Пастернак. В этот вечер много говорили о нем. Осип Эмильевич сказал: "Я завидую Борису Леонидовичу, что у него такие поклонники". Потом Мандельштам читал нам свои воронежские стихи.

Я вспомнила этот эпизод, чтобы рассказать, как возникло стихотворение "К пустой земле невольно припадая.." Но тут важен еще один разговор. "Люди, имеющие физический недостаток, — заметил как-то Осип Эмильевич, — не любят об этом говорить". Я возразила, сказав, что легко говорю о своей хромоте. "Что вы, у вас прекрасная походка, я не представляю вас иначе!" — горячо воскликнул Осип Эмильевич.

На другой день, возвращаясь из техникума, я зашла к Мандельштаму. Осип Эмильевич сидел на кровати в своей обычной позе, поджав под себя по-турецки ноги и положив локоть на спинку. Он был серьезен и сосредоточен.

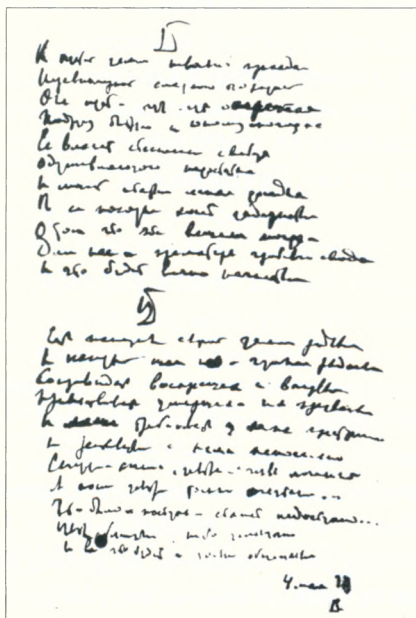
"Я написал вчера стихи", — сказал он. И прочитал их. Я молчала.

"Это лучшее, что я написал", — добавил Мандельштам и протянул мне листок. Стихи были написаны тушью на суперобложке книги стихотворений Баратынского.

И я сразу вспомнила нашу прогулку втроем холодной майской ночью и разговор о моей хромоте.

Осип Эмильевич продолжал: "Когда я умру, отправьте эти стихи как завещание в Пушкинский Дом".

Почему-то стало очень грустно. Упоминание о смерти, а я должна пережить! Неужели это прощальные стихи?!..

Автограф стихотворения О.Мандельштама
"К пустой земле невольно припадая.."

И пустой земле невольно припадая
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

Есть женщины сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный.
А послезавтра — только очертанье...
Что было поступить — станет недоступно.
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И все, что будет, — только обещанье.

4 мая 37.

К пустой земле невольно припадая
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

На секунду шаг из шага в Петербургский двор, Сын Зинаиды был в тени. И
сказано, что вы идут по дороге по сторонам столетиями им заданы слова. Как
делается восточный шаг или шаг не по земле, разберется на листе из ученических
тетрадей.
Будь и жерте 1915 года и сыновьям Вильгельма Кюнгерам сына поздравления, моя
спасибо "полюба", но в конце статьи не был сказано: не полна, что не праматерью
стала. Она разлетелась по тем ослеплым веткам. И как пришла страшно на столетиями
стала.

Соборствовать утробы и погребные

Соборствовать погребные — их призванье.
Сегодня Вильгельм Кюнгерам сыновья не были так "погребные" сыновья Юлиана Гюгера
и сына в основании на себя самого не могли воспринимать. Лично пошел погреб
и жидов и евреев, что в статье Вильгельм Кюнгерам и Зинаиды погребные погребные
и жидов, их сыновья Вильгельм Кюнгерам, что мирные и приветствовать погребные.

I

К пустой земле невольно припадая
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

II

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный.
А послезавтра — только очертанье...
Что было поступить — станет недоступно.
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И все, что будет, — только обещанье.

4 мая 37 а. В.

Б.Е.Молчанов
(середина 30-х годов)

Автограф О.Мандельштама

К пустой земле невольно припада
 Неравномерной смелой посылкой
 Она уби, та- на опережая
 И вылет беснующая вихорь
 Одухотворенного маршета
 И кажется, что ясная догадка
 В ее ладони может задержаться
 О том, что ее вещица повода
 Для нас - праматери трудового свода
 И то, что будет, вечно матушка

Ее жеменьник впрод. земле родная
 И кажется, что не-лучше риданке
 Сопроводит воскресных и вчерашних
 Крив изголовий умерших и призванье
 И чужих и отчужденных счастливой расщепленности
 Сидеть - а не в явном - и не в молчаливой
 А после - явном - только и чертаны
 То было посылкой станет недогаданно
 Чужой десертной - кто-то целознанию
 И то, что будет - только обещанье

2
 4 июля 37
 13

На следующий день мы зашли в Петровский сквер. Осип Эмильевич был весел. Я сказала, что не могу разобрать во вчерашнем стихотворении ни одного слова. Мандельштам написал его мне тут же по памяти, разборчиво на листке из ученической тетрадки.

Когда в марте 1975 года я прочла Надежде Яковлевне свои воспоминания, она сказала: "Наташа, Вы о своих стихах не всё сказали, не полно, это не прощальные стихи. Ося возлагал на Вас большие надежды. И она прочла строчки из стихотворения:

Сопроводжать умерших и впервые
 Приветствовать воскресных - их призванье*.

* В автографах «К пустой земле невольно припада...» обращает на себя внимание разночтение в седьмой строке. В первой записи: «И, может статься, ясная догадка...». Во второй, записанной по памяти: «И кажется, что ясная догадка...». Кроме того, 17-я строка была вообще пропущена, и Осип Эмильевич попросил меня ее вписать. Дальнейшая судьба этих автографов такова: 4 июля 1942 года мы покинули горящий город. В последнюю минуту перед вступлением немецких войск в Воронеж, я, сложив в стопку и перевязав крест-накрест веревочкой, захватила с собой мандельштамовский «архив», и он был со мной во всех мытарствах военных лет.

В октябре 1944 года мы вернулись в Воронеж, и по чистой случайности я разыскала несколько особенно дорогих мне книг из своей библиотеки, в том числе и подаренные мне Мандельштамом «Шум времени» и «Стихотворения» 1928 года с автографами.

В 1947 году ко мне в Воронеж приезжала Надежда Яковлевна. Она очень обрадовалась, узнав, что «архив» цел. Пропали только письма и телеграммы Осипа Эмильевича ко мне (а также Н.Я.Мандельштам и С.Б.Рудакова. — Ред.) из Москвы, Ленинграда, Савёлова, Калининна. Почему-то я не захватила их. Я отдала Надежде Яковлевне почти всё, что у меня было:

- 1) Письма Мандельштама за всю их совместную жизнь, сложенные в жестяной коробок из-под чая. Их вдова поэта отдала мне на хранение после смерти Осипа Эмильевича. Это были подлинники, и потеря их была бы невозможна, так как копий писем тогда не было.
- 2) Три больших голубых блокнота со всеми воронежскими и ненапечатанными доворонежскими стихами («Наташина книга»).
- 3) Стопку отдельных узких листочков ватмана, на которых записывались, по мере создания, воронежские стихи 1936–37 гг.
- 4) Автограф «Чернозема» (тушью, на хорошей глянцевой бумаге) и эпиграммы на меня и моих друзей, записанные Надеждой Яковлевной на дамских конвертиках с лиловым обрезом. Несколько эпиграмм Мандельштам записал сам: «Наташа спит, Зефир летает...» «Девочку в деве щадя...» была записана наполовину Мандельштамом, наполовину мной.
- 5) Рукописный список всех ненапечатанных стихов, сделанный Надеждой Яковлевной уже после смерти Осипа Эмильевича — повторение блокнотов (сложенные тетрадкой листки бумаги, сплошь исписанные ее бисерным разборчивым почерком).
- 6) Воронежская фотография Мандельштама — его подарок мне, — и фотография, где Осип Эмильевич снят с Верой Яковлевной.
- 7) Книгу «Стихотворения» 1928 года, надписанную мне и правленную поэтом: одно или два стихотворения он вычеркнул, а в два других вписал недостающие строки.
- 8) Несколько стихотворений С.Б.Рудакова, переписанных для меня на прощанье (одно из них — «Баллада о движении» — обращено ко мне).

В первый свой приезд Надежда Яковлевна спросила меня, цела ли ода о Сталине, которую Осип Эмильевич отдал мне и просил уничтожить, но я ее сохранила. «Оду» и два автографа стихотворения «К пустой земле неволью принадлежа...» она взяла в следующий свой приезд (кажется, в 1948 г.). (Ср. в другой редакции этих примечаний: «В первый же приезд Надежда Яковлевна даже не стала их читать: Осип Эмильевич только говорил ей о существовании этих стихов, но не читал».)

Н. Е. Штемпель.
Воронеж, 1930 год

Позднее Надежда Яковлевна писала об этом так: "Прекрасные стихи Наташе Штемпель стоят особняком во всей любовной лирике Мандельштама. Любовь всегда связана с мыслью о смерти, но в стихах Наташе высокое и просветленное чувство будущей жизни. Он просит Наташу оплакать его мертвым и приветствовать - воскресшего".

Впервые во Франции Осип Эмильевич получил свое собрание своей прозы "Шум времени" с надписью: "Милой, хорошей Наташе от автора. В. 14.7.37".

По просьбе Осипа Эмильевича Надежда Яковлевна переписала для меня все воронежские стихи. Получилось три больших голубых блокнота.

На пером из них она написала: "Наташина книга". Осип Эмильевич прочитал каждое стихотворение и поставил дату и букву "В" (Воронеж).

Середина мая 1937 года
Надежда Яковлевна переписала прозу Осипа.

На отпуске по уходу за больным ребенком, и Осип Эмильевич впервые самостоятельно посетил ее в доме, в Воронежской области, сказал, что во время моего отсутствия. Это тогда, когда еще не было войны.

Впервые решил Осип Эмильевич подарить мне книгу "Шум времени", 1924 г. На ней он написал:

"Милой Наташе, — во время, что и издавались: Ты мне сказала, что хочешь книгу почитать, хотя я забыл."

Осип Эмильевич сказал мне: "Ты же не забудь, что я тебе буду благодарен".

О.М. В.14/II 37.

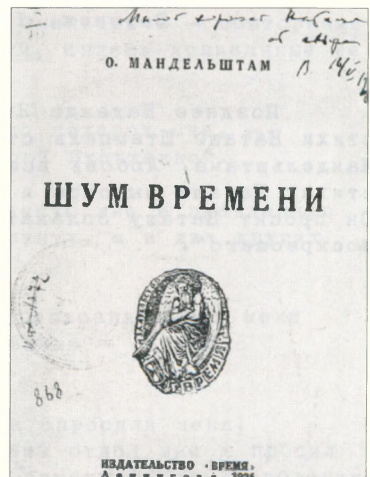
Лето в Лужичском наставил издать:

"Ты книга издана в СССР в СМ. И решение вышло для Натальи от Осипа и ее детей в день рождения Осипа".

Незадолго до отъезда Осип Эмильевич подарил мне сборник своей прозы "Шум времени" с надписью: "Милой, хорошей Наташе от автора. В. 14 мая 37".

По просьбе Осипа Эмильевича Надежда Яковлевна переписала для меня все воронежские стихи. Получилось три больших голубых блокнота.

На пером из них она написала: "Наташина книга". Осип Эмильевич прочитал каждое стихотворение и поставил дату и букву "В" (Воронеж).

Автограф
О.Мандельштама

К дате Мандельштам относился очень щепетильно.

Сам стихи он записывал редко, чаще диктовал жене, а однажды сказал: "Стихи, записанные Надей, могут идти в порядке рукописи".

Вот страничка из этих блокнотов:

На доске палимпсест, гербовой,
На кону горы крутопоклонной—
Потрихорфа скалы мальчишней
Высоко завесей — санной, сонной —
Толу-црод, полу-брызг конной,
Восрожу красных углей запряженный,
Жажду масляной утешительней
И перелетный в сахар утешительней.
Не мни в нелз зыльных лесов вай,
Кочивожного голландского утешка —
Не раскаркается здесь веселая, Кривая
Карилья в утешках на пиках стая, —
И лень, сравнений не случая,
Средь рисунков мой, в дороге Кретибу влетиленней²
Как сущию: но Кретибу лану хлена —
Фил уносит, на ходулах убелая.

В. Мандельштам
В.

Середина мая 1937 года

Осип Эмильевич получил разрешение покинуть Воронеж. На прощанье мы решили сфотографироваться, и Осип Эмильевич выбрал пятиминутную фотографию на рынке, в хорошую идти отказался, сказал, что не хочет меня подводить. Это тогда, когда его освободили!

Групповая фотография. Воронеж, май 1937 г.
Стоят (слева направо): Н.Е.Штемпель, Н.Я.Мандельштам.
Сидят: М.В.Ярцева, О.Э.Мандельштам.

Несколько раньше Осип Эмилевич подарил мне книжку "Стихотворения", 1928 г.

На ней он написал:

"Милой Наташе, - не знаю, что и надписать: так мне приятно, что нашлась книжка подарить, хоть и плохая.

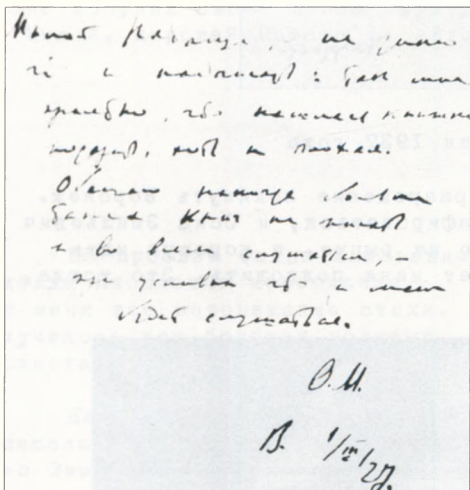
Обещаю никогда больше таких книг не писать и во всем слушаться, - при условии, что и меня будет слушаться.

О.М.

В. I / III 37 г."

Была и шуточная надпись на отдельном листке:

Эта книжка украдена Трошеем в СХИ
И резинкою Вадиной для Наташи она омоложена
И ей дадена в день посещения дядина.

Книжка украдена, не знаю
кем и как: так мне
приятно, что нашлась книжка
подарить, хоть и плохая.
Обещаю никогда больше
таких книг не писать
и во всем слушаться, -
при условии, что и меня
будет слушаться.

О.М.
В. I / III 37 г.

Автограф О.Мандельштама

Не сравнивай: живущий несравним –
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести
И собирался в путь, и плавал по дуге
Неначинающихся путешествий.

Где больше неба мне – там я бродить готов –
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим – яснеющим в Тоскане.

18 мая 37 г.

В.

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался плыть, и плавал по дуге
Неначинающихся путешествий.

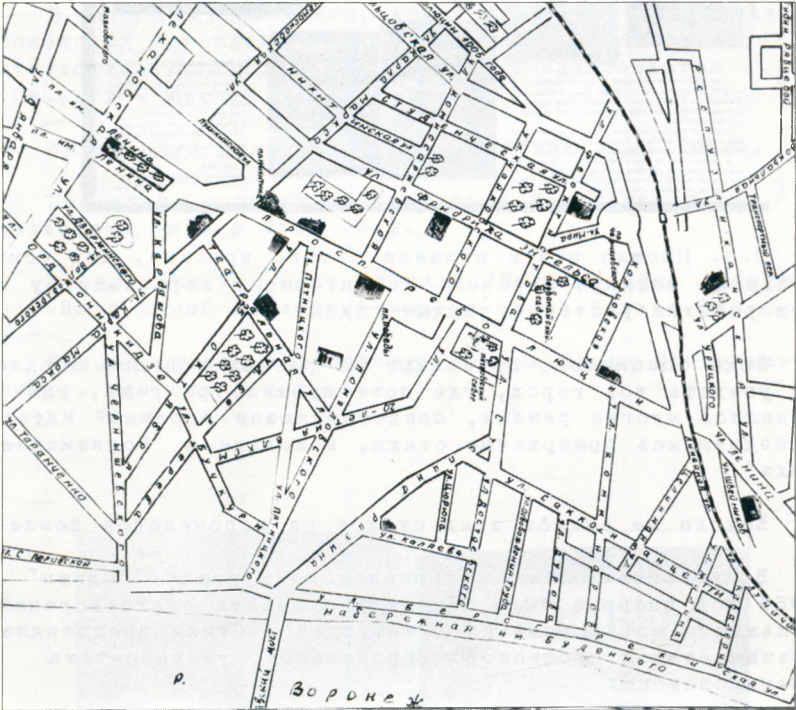
Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

16 марта 37 г. В.

КАРТА ГОРОДА

Горю зато писано в то же время, как Осип Мандельштам покинул Воронеж. Но читая и вдумываясь вдумчиво его стихи, хочется сказать и иначе.

Зато специально приходит из разных городов страны, чтобы увидеть этот город, где прожил три года, где сохранились многие реалии, представляющие огромный интерес, где создавались прекрасные стихи, вошедшие в "Воронежские тетради".

Почему же судьба этих стихов на воронежской земле?

В 1947 году А.И.Немировичев-Данченко изложил в "Воронежских тетрадях" историю жизни и творчества поэта. Это издание гостило в библиотеке Л.И.Славина в Воронеже. Книга была вынесена в банк, но там и не была.

Создание поэты начата в Воронежском издательстве в 1966 году.

В первом номере журнала "Подъем" была напечатана поэма "Воронежские тетради", за которой последовали другие стихи поэта. Таким образом воронежские стихи поэта издавались на месте, где они появились.

В январском номере воронежского журнала "Подъем" за 1966 год впервые было напечатано десять стихотворений Мандельштама из "Воронежских тетрадей". Стихи предваряла небольшая статья профессора Воронежского университета А.И.Немировичева.

Почему эти стихи были напечатаны именно в Воронежском издательстве, почему это издание появилось, почему оно появилось в этот период? В августе 1966 года в Воронежском издательстве "Подъем" должна была появиться вся книга Мандельштама "Воронежские тетради". Стихи включены в книгу и нет.

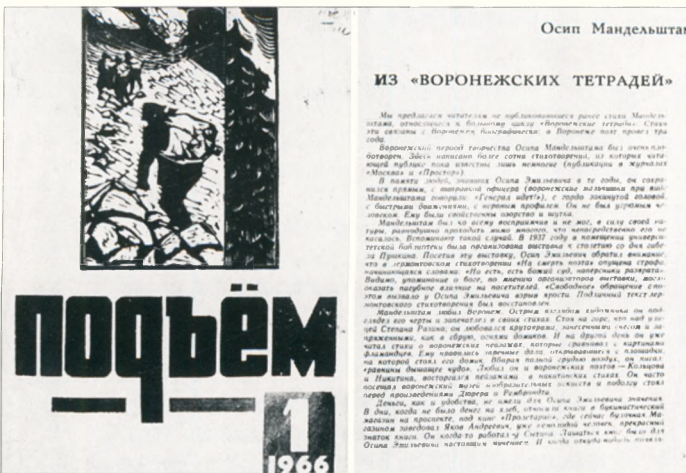
Слова изложены, одной 1963 году, в последние дни 13 по улице Мандельштама, где в 1966 году издательство готовило книгу, чтобы показать: "Москва и Воронеж". И если в Воронеже стихи не опубликованы, значит стихи и там и в Воронежском издательстве "Подъем". И это значит, значит не может быть иначе. 4 марта 1966

P.S. Прошло почти полвека с того времени, как Осип Мандельштам покинул Воронеж. Но интерес к воронежскому периоду его творчества растет с каждым годом.

Люди специально приезжают из разных городов страны, чтобы увидеть тот город, где поэт прожил три года, где сохранились многие реалии, представляющие огромный интерес, где создавались прекрасные стихи, вошедшие в "Воронежские тетради".

Какова же судьба этих стихов на воронежской земле?

В январском номере воронежского журнала "Подъем" за 1966 год впервые было напечатано десять стихотворений Мандельштама из "Воронежских тетрадей". Стихи предваряла небольшая статья профессора Воронежского университета А.И.Немировичева.

Обложка первого номера журнала "Подъем" за 1966 год

Появление этой подборки было настоящим событием. Журнал моментально разошелся, покупали его десятками экземпляров, посылали друзьям и знакомым в другие города.

В августе этого же года в местной газете "Молодой коммунар" должна была появиться еще одна подборка стихов поэта тоже со статьей А.И.Немировского "Мандельштам в Воронеже" Статью напечатали, стихи – нет.

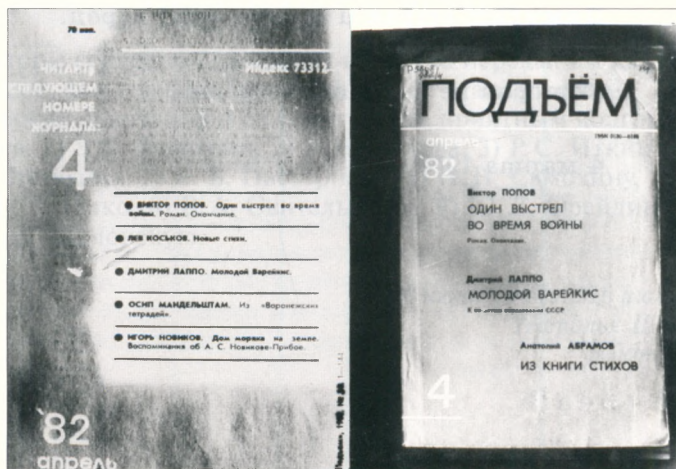
В 1967 году А.И.Немировский хлопотал об издании "Воронежских тетрадей" отдельной книгой в областном издательстве. Его поддержали редактор издательства Ю.Г.Семенов и писатель Н.А.Задонский.

Книга была включена в план, но так и не вышла.

Последняя попытка напечатать в Воронеже стихи Мандельштама была в 1982 году.

В мартовском номере журнала "Подъем" даже появился анонс. Но в самый последний момент стихи были сняты.

Такова судьба воронежских стихов Осипа Мандельштама на земле, где они родились.

Обложка 3 и 4 номеров журнала "Подъем" за 1982 год

Лестничная площадка и дверь квартиры 39 в доме 13 по улице Фридриха Энгельса.

P.P.S. Совсем недавно, зимой 1983 года, в подъезде дома 13 по улице Фридриха Энгельса, где в 1936 году Мандельштамы снимали комнату, кто-то нацарапал: "Тут жил О.Э.Мандельштам". И рядом — последнюю строфу из стихотворения Ахматовой "Воронеж":

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

4 марта 1936

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В основу работы положены «Воспоминания» Н. Е. Штемпель, хранящиеся в отделе рукописей и редких книг ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (номер хранения 1980.16). Кроме того, в альбоме использованы воспоминания других лиц, стихи, статьи и письма поэта и письма его родных и друзей.

Большую помощь в розыске необходимых сведений и фотографий и в обсуждении работы оказал авторам П. М. Нерлер.

В оформлении альбома принимали участие художники М. А. Масаков, М. В. Перфильева, а также Н. В. Гордина, В. Н. Гыдов, А. А. Иванов, Н. М. Митракова.

Фотографии дореволюционного и довоенного Воронежа предоставлены авторам краеведом-коллекционером В. Н. Заркевичем и редакцией газеты «Коммуна».

Авторы сердечно благодарят всех, кто передал им какие-либо материалы, фотографии, автографы О. Э. Мандельштама, сделали критические замечания и считают своим приятным долгом назвать их имена: 1) Э. Г. Герштейн, 2) В. Н. Гыдова, 3) Р. С. Иткину, 4) Л. А. Мнухина, 5) Е. Б. Пастернака, 6) Н. Н. Самохину, 7) И. М. Семенко, 8) В. А. Свительского, 9) Ю. Л. Фрейдина и 10) В. В. Шкловскую.

*28 июня 1984 г., 16 июня 1985 г.
Наталья Штемпель,
Виктор Гордин*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Нет нужды доказывать, как много воронежский период значил в поэзии Мандельштама. «Воронежские тетради» останутся шедевром, который переживет многое в литературе XX века. Воронеж — как это и предчувствовал поэт — свяжется с именем Мандельштама так же, как мир изгнания Данте с обликом создателя «Божественной комедии». Мандельштаму — как то видно из дивных стихов, посвященных его собственной судьбе — была очевидна значимость его рокового жребия.

Он был единственным поэтом — и одним из немногих граждан — возвысивших голос против Сталина уже в первые годы его неограниченной самоуправной власти; одним из первых он — вместе с Платоновым — заговорил и о голоде, унесшем миллионы крестьян.

Склоняя голову перед его мужеством, мы должны помнить и названных и показанных в этом альбоме друзей и почитателей Мандельштама, не побоявшихся в те страшные годы поголовного истребления разумных людей приехать к нему в ссылку. Чего стоит хотя бы рассказ о великой пианистке Марии Вениаминовне Юдиной, специально устроившей свои концерты в Воронеже и игравшей для Мандельштама отдельно!

Текст к этому альбому написан одним из самых близких к Мандельштаму в Воронеже людей — Н. Е. Штемпель (составившей альбом вместе с В. Л. Гординым), чьи воспоминания подкупают естественностью тона и неподдельностью выражения. Все знавшие Н. Е. Штемпель, — к несчастью, она не дожила до издания альбома, хотя и видела свои воспоминания напечатанными в «Новом мире» — помнят ее доброе сердце и прямой характер. Она с пониманием и сочувствием описывает блуждания поэта по кругам ссылочного ада, как бы символизированные ямой, упомянутой в его стихотворении («Это какая улица?..» — стихотворение до сих пор так и не стало пророческим: в Воронеже так и нет улицы имени Мандельштама, хотя в каком-то смысле весь город имени его поэзии, она на нем отпечатлелась, как он на ней).

Исследователям, знатокам и любителям творчества Мандельштама повезло: из фотографий, помещенных в альбоме, и из его текста они получают достоверный и наглядный комментарий ко многим его стихам. Мне, например, показались необычайно интересными сведения о тех греческих вазах, которыми вдохновлялся Мандельштам, увидевший их в воронежском музее.

Перед читателем встает постепенно весь воронежский мир Мандельштама: дома, дворы, где он жил, и улицы, по которым он ходил, дороги и поля, по которым он ездил, круг его друзей, его чтения, его многообразных художественных, эстетических, интеллектуальных интересов. Я нахожу очень важным, что многие стихи или поэтические фрагменты Мандельштама приводятся рядом с описанием или воспроизведением тех картин и мест, которые имеют отношение к этим стихам.

Мандельштам — поэт очень сложный, и путь от жизненных впечатлений до поэтических его произведений у него может быть иногда почти непостижимо трудным. Для полного понимания приходится учитывать и книги, которые он мог в то время читать или вспоминать, и сферу знакомств, включавших далеко не только литераторов или людей искусства, но и ученых. Многие из таких загадок близятся к решению благодаря материалам, с которыми читателя познакомит этот альбом.

Воронежские годы Мандельштама — свидетельство его гения, оставшегося открытым новым впечатлениям и готового к труду наперекор всем испытаниям, к их поэтическому перевоплощению. Предлагаемый альбом много дает для начала более углубленного изучения Воронежа — будущего места паломничества любителей поэзии одного из самых больших поэтов XX века.

*Вячеслав Вс. Иванов,
1989 г.*

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ

Первая воронежская тетрадь

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далёко убегает гать.

Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.

И богато искривилась половица —
Этой палубы гробовая доска.
У чужих людей мне плохо спится,
Только смерть да лавочка близка.

Апрель 1935

— Это какая улица?
— Улица Мандельштама. —
Что за фамилия чертова!
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Апрель 1935

Наушнички, наушники мои!
Попомню я воронежские ночи:
Недопитого голоса́ Аи
И в полночь с Красной площади гудочки...

Ну как метро? Молчи, в себе таи,
Не спрашивай, как набухают почки.
И вы — часов кремлевские бои —
Язык пространства, сжатого до точки...

Апрель 1935

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Апрель 1935

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском повороте,
А небо, небо — твой Буонарроти...

Апрель 1935

Чернозем

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа,
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то.

И все-таки земля — проруха и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай:
Гниющей флейтою настраживает слух,
Кларнетом утренним зазябливает ухо...

Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну здравствуй, чернозем: будь мужествен, глазаств...
Черноречивое молчание в работе.

Апрель 1935

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Май 1935

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Май 1935

1

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла —
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Так я плыл по реке — с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала — трех конвойных везла.

Апрель 1935

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла —
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Чернолюдем велик, мелколесьем сожжен
Пулеметно-бревенчатой стаи разгон.

На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.
И речная верста поднялась в высоту.

Апрель 1935

Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток.
Полноводная Кама неслась на буюк.

И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить,

И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
В долговечный Урал, населенный людьми,

И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели беречь, охранять.

Май 1935

Стансы

Я не хочу средь юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу — и люди хороши.

Люблю шинель красноармейской складки —
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покроя,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

Проклятый шов, нелепая затея,
Нас разлучили. Как же быть? Пойми:
Я должен жить, дыша и большевея,
И, перед смертью хорошея,
Еще побыть и поиграть с людьми!

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме!
Клевещущих козлов не досмотрел я драки,
Как петушок в прозрачной летней тьме, —
Харчи да харк, да что-нибудь, да враки —
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.
И ты, Москва — сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка:
Нежнее моря, путаней салата —
Из дерева, стекла и молока...

Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила и вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла...

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь — сам-друг —
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню всё: немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как «Слово о полку», струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га!

Май 1935

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток
Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах.
Сон был больше, чем слух, слух был старше, чем сон, — слитен, чуток,
А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах.

День стоял о пяти головах, и, чумая от пляса,
Ехала конная, пешая шла черноверхая масса —
Расширеньем аорты могущества в белых ночах — нет, в ножах —
Глаз превращался в хвойное мясо.

На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко,
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинovedов —
Молодые любители белозубых стишков.
На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!

Поезд шел на Урал. В раскрытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой —
За бревенчатым тылом, на ленте простынной,
Утонуть — и вскочить на коня своего.

Апрель — 1 июня 1935

От сырой простыни говорящая, —
Знать, нашелся на рыб звукопас —
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас...

Начихав на кривые убыточки,
С папироской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточки —
На равнины зияющий пах...

Было слышно гудение низкое
Самолетов, сгоревших дотла,
Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла...

Измеряй меня, край, перекраивай, —
Чуден жар прикрепленной земли! —
Захлебнулась винтовка Чапаева:
Помоги, развяжи, раздели...

<Апрель> — июнь 1935

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых лапчатых материй
Китайчатые платица и блузы.

Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные густеющие прядки.

Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые лиловые чернила.

25 мая 1935

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гёте манившее лоно —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

Июнь 1935

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчуждени и в силе,
Ее чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле.

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона —
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

3 июня 1935 — 14 декабря 1936

На мертвых ресницах Исакий замерз,
И барские улицы сини —
Шарманщика смерть, и медведицы ворс,
И чужие поленья в камине...

Уже выгоняет выжлятник пожар —
Линеек раскидистых стайку —
Несется земля — мебелированный шар —
И зеркало корчит всезнайку.

Площадками лестниц — разлад и туман —
Дыханье, дыханье и пенье —
И Шуберта в шубе застыл талисман —
Движенье, движенье, движенье...

3 июня 1935

За Паганини длиннопалым
Бегут цыганскою гурьбой —
Кто с чохом — чех, кто с польским балом,
А кто с венгерской чемчурой.

Девчонка, выскочка, горячка,
Чей звук широк, как Енисей, —
Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка.

Утешь меня Шопеном чалым,
Серьезным Брамсом, нет, постой:
Парижем мощно-одичалым,
Мучным и потным карнавалом
Иль брагой Вены молодой —

Вертлявой, в дирижерских фрачках,
В дунайских фейерверках, скачках,
И вальс из гроба в колыбель
Переливающей, как хмель.

Играй же на разрыв аорты,
С кошачьей головой во рту!
Три черта было, ты — четвертый,
Последний, чудный черт в цвету!

5 апреля — 18 июня 1935

Бежит волна — волной волне хребет ломая,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске,
И янычарская пучина молодая,
Неусыпленная столица волновая,
Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
А с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных — разбрызганы, разъяты,
И яд разносят хладные скопцы.

27 июня 1935

Исполню дымчатый обряд:
В опале предо мной лежат
Морского лета земляники —
Двуискренние сердолики
И муравьиный брат — агат,

Но мне милей простой солдат
Морской пучины, серый, дикий,
Которому никто не рад.

Июль 1935

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну —
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну:
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.

Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки —
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки, —
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, крупные венки!

Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах,
Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.

И зенитных тысячи орудий —
Карих то зрачков иль голубых —
Шли нестройно — люди, люди, люди —
Кто же будет продолжать за них?

21 июля 1935 — 30 мая 1936

Вторая воронежская тетрадь

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов,
Гуди за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов.

Гуди, старик, дыши сладко,
Как новгородский гость Садко
Под синим морем глубоко —
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов.

6–8 декабря 1936

Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи, и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.

Ему непобедимо хорошо:
Углами губ оно играет в славе —
И радужный уже строчится шов
Для бесконечного познания яви.

На лапы из воды поднялся материк, —
Улитки рта наплыв и приближенье —
И бьет в глаза один атлантов миг
Под легкий наигрыш хвалы и удивленья.

8 декабря 1936 — 17 января 1937

Подивлюсь на свет еще немного,
На детей и на снега,
Но улыбка неподдельна, как дорога,
Непослушна, не слуга...

9–13 декабря 1936

Мой щегол, я голову закину,
Поглядим на мир вдвоем.
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
Ниже клюва в краску влит,
Сознаешь ли, до чего, щегол, ты,
До чего ты щегловит!

Что за воздух у него в надлобье:
Черн и красен, желт и бел!
В обе стороны он в оба смотрит, в обе —
Не посмотрит — улетел!

9–27 декабря 1936

Нынче день какой-то желторотый —
Не могу его понять, —
И глядят приморские ворота
В якорях, в туманах на меня...

Тихий-тихий по воде линиялой
Ход военных кораблей,
И каналов узкие пеналы
Подо льдом еще черней...

9–28 декабря 1936

Не у меня, не у тебя — у них
Вся сила окончаний родовых:
Их воздухом поющ тростник и скважист,
И с благодарностью улитки губ людских

Потянут на себя их дышащую тяжесть.
Нет имени у них. Войди в их хрящ
И будешь ты наследником их княжеств, —

И для людей, для их сердец живых,
Блуждая в их извилинах, развивах,
Изобразишь и наслажденья их,
И то, что мучит их — в приливах и отливах.

9—27 декабря 1936

Внутри горы бездействует кумир
В покоях бережных, безбрежных и счастливых,
А с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы.

Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.

Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи.
Он улыбается своим тишайшим ртом,
Он мыслит костию и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человеческий.

10–26 декабря 1936

Я в сердце века, путь неясен,
А время удаляет цель —
И посоха усталый яшень,
И меди нищенскую цвель.

Не позднее 12 декабря 1936

А мастер пушечного цеха,
Кузнечных памятников швец,
Мне скажет: ничего, отец, —
Уж мы сошьем тебе такое...

Декабрь 1936

Сосновой рощицы закон:
Виол и арф семейный звон.
Стволы извилисты и голы,
Но всё же арфы и виолы
Растут, как будто каждый ствол
На арфу начал гнуть Эол
И бросил, о корнях жалея,
Жалея ствол, жалея сил,
Виолу с арфой пробудил
Звучать в коре, коричневая.

16–18 декабря 1936

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.

Вы, именитые вершины —
Дерев косматых именины —
Честь Рюисдалевых картин,
И на почин — лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин!

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной,
Семипалатной простоты.

Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво.
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея...

А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко, и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа, —

Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели.

15–27 декабря 1936

Ночь. Дорога. Сон первичный
Соблазнителен и нов...
Что мне снится? Рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов
Или Цны — реки обычной —
Белый-белый бел покров?

Или я в полях совхозных —
Воздух в рот, и жизнь берет,
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот?

Кроме хлеба, кроме дома,
Снится мне глубокий сон:
Трудодень, подъятый дремой,
Превратился в синий Дон...

Анна, Россошь и Гремячье —
Процветут их имена —

Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна!..

23–27 декабря 1936

Вехи дальние обоза
Сквозь стекло особняка,
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес — еловый? —
Не еловый, а лиловый —
И какая там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка.

26 декабря 1936

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола...
Это мачеха Кольцова?
Шутишь: родина щегла!
Только города немого
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор.
В гуше воздуха степного
Перекличка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.

23–25 декабря 1936

Шло цепочкой в темноводье
Протяженных гроз ведро
Из дворянского угодья
В океанское ядро.

Шло само собой колыша,
Осторожно, грозно шло.
Смотришь: небо стало выше —
Новоселье, дом и крыша —
И на улице светло!

26 декабря 1936

Когда щегол в воздушной слобе
Вдруг затрясется, сердцевит, —
Ученый плащик перчит злоба,
А чепчик — черным красовит.

Клевещет жердочка и планка,
Клевещет клетка сотней спиц,
И всё на свете наизнанку,
И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц!

Декабрь 1936

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильней всего непрочно-
Выпуклых голубизна —
Полукруглый лед височный
Речек, баюющих без сна...

29–30 декабря 1936

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий —
Внук он зелени стоячей
И купец воды морской.

Там, где огненными щами
Угощается Кашей,
С говорящими камнями
Он на счастье ждет гостей,
Камни трогает клещами,
Щиплет золото гвоздей.

У него в покоях спящих
Кот живет не для игры:
У того в зрачках горящих
Клад зажмуренной горы —
И в зрачках тех леденящих,
Умоляющих, просящих —
Шароватых искр пиры...

29–30 декабря 1936

Твой зрачок в небесной корке,
Обращенный вдаль и ниц,
Защищают оговорки
Слабых, чующих ресниц.

Будет он, обожествленный,
Долго жить в родной стране,
Омут ока удивленный, —
Кинь его вдогонку мне!

Он глядит уже охотно
В мимолетные века —
Светлый, радужный, бесплотный,
Умоляющий пока.

2 января 1937

Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста!
На холсте уста вселенной, но она уже не та...

В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль —
В синий-синий цвет синели океана вьелась соль.

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
Складки бурного покоя на коленях разлиты.

На скале, черствее хлеба, — молодых тростинки рощ,
И плывет углами неба восхитительная мощь.

9 января 1937

Когда в ветвях понурых
Заводит чародей
Гнедых или каурых
Шушуканье мастей, —

Не хочет петь линючий,
Ленивый богатырь —
И малый, и могучий
Зимующий снегирь, —

Под неба нависанье,
Под свод его бровей
В сиреневые сани
Усядусь поскорей...

9 января 1937

Я около Кольцова
Как сокол закольцован —
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
Сосновый синий бор.
Как вестник без указа,
Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки —
И всё идут, идут
Ночлеги, ночи, ночки,
Как бы слепых везут...

9 января 1937

Дрожжи мира дорогие:
Звуки, слезы и труды —
Ударенья дождевые
Закипающей беды
И потери звуковые —
Из какой вернуть руды?

В нищей памяти впервые
Чуешь вмятины слепые,
Медной полные воды, —
И идешь за ними следом,
Сам себе не мил, неведом —
И слепой, и поводырь...

12–18 января 1937

Влез бесенок в мокрой шерстке —
Ну куды ему, куды? —
В подкопытные наперстки,
В торопливые следы —
По копейкам воздух версткий
Обирает с слободы...

Брызжет в зеркальцах дорога —
Утомленные следы
Постоят еще немного
Без покрова, без слюды...
Колесо брюзжит отлого:
Улеглось — и полбеда!

Скучно мне: мое прямое
Дело тараторит вкось —
По нему прошлось другое,
Надсмеялось, сбило ось...

12–18 января 1937

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в богатой нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И жалок тот, кто, сам полуживой,
У тени милостыню просит.

15–16 января 1937

О, этот медленный, одышливый простор!
Я им пресыщен до отказа —
И отдышавшийся распахнут кругозор —
Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы...

Я б с ней сработался — навек, на миг один —
Стремнин осадистых завистник,
Я б слушал под корой текучих древесин
Ход кольцеванья волокнистый...

16 января 1937

Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая зрим —
И всё растет вопрос: куда они, откуда,
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, —
Пространств несозданных Иуда?

16 января 1937

В лицо морозу я гляжу один —
Он — никуда, я — ниоткуда —
И всё утюжится, плоится без морщин
Равнины дышащее чудо.

А солнце шуруется в крахмальной нищете —
Его прищур спокоен и утешен.
Десятизначные леса — почти что те...
И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен.

16 января 1937

Я нынче в паутине световой —
Черноволосой, светло-русой, —
Народу нужен свет и воздух голубой,
И нужен хлеб и снег Эльбруса.

И не с кем посоветоваться мне,
А сам найду его едва ли:
Таких прозрачных, плачущих камней
Нет ни в Крыму, ни на Урале.

Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льнянокудрю, каштановой волной —
Его звучаньем — умывался...

19 января 1937

Как землю где-нибудь небесный камень будит,
Упал опальный стих, не знающий отца:
Неумолимое — находка для творца —
Не может быть другим — никто его не судит.

20 января 1937

Слышу, слышу ранний лед,
Шелестящий под мостами,
Вспоминаю, как плывет
Светлый хмель над головами.

С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.

Так гранит зернистый тот
Тень моя грызет очами,
Видит ночью ряд колод,
Днем казавшихся домами,

Или тень баклуши бьет
И позевывает с вами,

Иль шумит среди людей,
Греясь их вином и небом,

И несладким кормит хлебом
Неотвязных лебедей...

21–22 января 1937

Люблю морозное дыханье
И пара зимнего признанье:
Я — это я, явь — это явь...

И мальчик, красный, как фонарик, —
Своих салазок государик
И заправила, мчится вплавь.

И я — в размолвке с миром, с волей —
Заразе саночек мирволю —
В серебристых скобках, в бахромах —

И век бы падал векши легче
И легче векши к мягкой речке —
Полнеба в валенках в ногах...

24 января 1937

Как женственное серебро горит,
Что с окисью и примесью боролось,
И тихая работа серебрит
Железный плуг и песнотворца голос.

Январь 1937

Средь народного шума и спеха
На вокзалах и пристанях
Смотрит века могучая вежа
И бровей начинается взмах.

Я узнал, он узнал, ты узнала,
А потом куда хочешь влеки —
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданья у мощной реки.

Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак,
На цепочке кружка-жестянка
И глаза застилавший мрак.

Шла пермяцкого говора сила,
Пассажирская шла борьба,
И ласкала меня и сверлила
Со стены этих глаз журьба.

Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чашах,
И в товарищах городах.

Не припомнить того, что было, —
Губы жарки, слова черствы, —
Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы.

А на деле-то было тихо,
Только шел пароход по реке,
Да за кедром цвела гречиха,
Рыба шла на речном говорке.

И к нему, в его сердцевину,
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел.

Январь 1937

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и крепок...

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы —
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угланы...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
«Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!»

1 февраля 1937

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозой спят.

Простишь ли ты меня, великолепный брат,
И мастер, и отец черно-зеленой теми, —
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смушают не к добру, смушают без добра
Мехами сумрака взволнованное племя.

4 февраля 1937

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен, —
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг — горька морей трава,
Ложноволосая — и пахнет долгой ложью.
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье,
Иль этот ровный край — вот все мои права —
И полной грудью их вдыхать еще я должен.

4 февраля 1937

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей — скалы подспорье и пособие?
А коршун где — и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?

Тому не быть: трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы,
Но эти губы вводят прямо в суть
Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба.

Он эхо и привет, он вежа — нет, — лемех.
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги — и все хотят увидеть всех —
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

19 января — 4 февраля 1937

Как дерево и медь — Фаворского полет, —
В дощатом воздухе мы с временем соседи,
И вместе нас ведет слоистый флот
Распиленных дубов и яворовой меди.

И в кольцах сердится еще смола, сочась,
Но разве сердце лишь испуганное мясо?
Я сердцем виноват и сердцевины часть
До бесконечности расширенного часа.

Час, насыщающий бесчисленных друзей,
Час грозных площадей с счастливыми глазами...
Я обведу еще глазами площадь всей,
Всей этой площади с ее знамен лесами.

11 февраля 1937

Обороняет сон мою донскую сонь,
И разворачиваются черепах маневры —
Их быстроходная взволнованная бронь
И любопытные ковры людского говора...

И в бой меня ведут понятные слова —
За оборону жизни — оборону
Страны — земли, где смерть уснет, как днем сова...
Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.

Необоримые кремлевские слова —
В них оборона обороны
И брони боевой — и бровь, и голова
Вместе с глазами полюбовно собраны.

И слушает земля — другие страны — бой,
Из хорового падающий короба:
— Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой, —
И хор поет с часами рука об руку.

3–11 февраля 1937

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосуших ось земную, ось земную,
Я чую всё, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и все...

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черногосым:
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить — сон и смерть минуя —
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную.

8 февраля 1937

Еще он помнит башмаков износ —
Моих подметок стертое величье,
А я — его: как он разноголос,
Черноволос, с Давид-горой гранича.

Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы:
Балкон — наклон — подкова — конь — балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы...

И букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке света, —
А город так горазд и так уходит в крепь
И в моложавое, стареющее лето.

7–11 февраля 1937

Пою, когда гортань свободна и суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание.
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Колхиды колыханье?
И грудь стесняется, без языка — тиха, —
Уже не я пою: поет мое дыханье,
И в горных ножнах слух, и голова глуха.

Песнь бескорыстная — сама себе хвала,
Утеха для друзей и для врагов — смола,
Песнь одноглазая, растущая из мха,
Одноголосый дар охотничьего быта,
Которую поют верхом и на верхах,
Держа дыханье вольно и открыто,
Заботясь лишь о том, чтоб честно и сердито
На свадьбу молодых доставить без греха.

8 февраля 1937

Были очи острее точимой косы —
По зегзице в зенице и по капле росы, —

И едва научились они во весь рост
Различать одинокое множество звезд.

9 февраля 1937

Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой —
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Как близко, близко твой подходит зов —
До заповедей роды и первины —
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины...

Карающего пенья материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего — праматери — мизинца.

Не ограничена еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

12 февраля 1937

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире —
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ как судия судит,
Если б меня смели держать зверем —
Пищу мою на пол кидать стали б —
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом —
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,
И в легион братских очей сжатый
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы —
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.

Февраль 1937

Третья воронежская тетрадь

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной —
Втридорога снегом напоенный,
Высоко занесся — санный, сонный
Полугород, полуберег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтую мастикой утепленный
И перегоревший в сахар жженный.
Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного фламандского уклона,
Не раскаркается здесь веселая, кривая,
Карличья, в ушастых шапках стая, —
И, меня сравненьем не смущая,
Срежь рисунок мой, в дорогу крепкую влюбленный,
Как сухую, но живую лапу клена
Дым уносит, на ходулях убегая...

6 марта 1937

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости, —

Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых...

В легком декабре твой воздух стриженный
Индевет денежный, обиженный...

Но фиалка и в тюрьме: с ума сойти в безбрежности! —
Свищет песенка — насмешница, небрежница,

Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская — кривая...

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли —

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей.

Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,
Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша, —

Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,
И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз подразни.

3 марта 1937

Я видел озеро, стоявшее отвесно. —
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный.
Лиса и лев боролись в челноке.

Глазели внутрь трех лающих порталов
Недуги — недруги других невоскрытых дуг.
Фиалковый пролет газель перебежала,
И башнями скала вздохнула вдруг, —

И, влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

4 марта 1937

Стихи о неизвестном солдате

1

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Дальнобойное сердце его,
И в землянках всеядный и деятельный
Океан без окна — вещество...

До чего эти звезды изветливы —
Всё им нужно глядеть — для чего? —
В осужденье судьбы и свидетеля,
В океан без окна — вещество...

Помнит дождь — неприветливый сеятель —
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать, —
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать,

И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет.

2

Шевелящимися виноградинами
 Угрожают нам эти миры
 И висят городами украденными,
 Золотыми обмолвками, ябедами,
 Ядовитого холода ягодами
 Растяжимых созвездий шатры —
 Золотые убийства жиры...

3

Сквозь эфир десятично-означенный
 Свет размолотых в луч скоростей
 Начинает число, опзраченный
 Светлой болью и молью нолей:

И за полем полей — поле новое
 Треугольным летит журавлем —
 Весть летит светопыльной обновой,
 И от битвы давнишней светло.

Весть летит светопыльной обновой:
 — Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
 Я не Битва народов, я новое,
 От меня будет свету светло...

4

Аравийское месиво, крошево,
 Свет размолотых в луч скоростей —
 И своими косыми подошвами
 Свет стоит на сетчатке моей.

Миллионы убитых задешево
 Протоптали тропу в пустоте:
 Доброй ночи! Всего им хорошего
 От лица земляных крепостей!

Неподкупное небо окопное —
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя — целокупное,
Я губами несусь в темноте, —

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.

5

Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека —
Им обоим найдется работа,
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка —
Эй, товарищество — шар земной!

6

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска,
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится — сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец...

Ясность ясеневая, зоркость яворовая
 Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
 Как бы обмороками затоваривая
 Оба неба с их тусклым огнем.

Нам союзно лишь то, что избыточно,
 Впереди не провал, а промер,
 И бороться за воздух прожиточный —
 Эта слава другим не в пример.

И, сознание свое затоваривая
 Полуобморочным бытием,
 Я ль без выбора пью это варево,
 Свою голову ем под огнем?

Для чего ж заготовлена тара
 Обаянья в пространстве пустом,
 Если белые звезды обратно
 Чуть-чуть красные мчатся в свой дом?
 Чуешь, мачеха звездного табора —
 Ночь, что будет сейчас и потом?

Напрягаются кровью аорты,
 И звучит по рядам шепотком:
 — Я рожден в девяносто четвертом...
 — Я рожден в девяносто втором...
 И, в кулак зажимая истертый
 Год рожденья — с гурьбой и гуртом —
 Я шепчу обескровленным ртом:
 Я рожден в ночь с второго на третье
 Января — в девяносто одном
 Ненадежном году — и столетья
 Окружают меня огнем.

1 марта 1937–1938

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра...

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище
Раздвижной и прижизненный дом.

9 марта 1937

Заблудился я в небе — что делать?
Тот, кому оно близко, — ответь! —
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.

Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое разорвите
Вы на синего звона куски...

И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Он раздастся и глубже, и выше,
Отклик неба, забыв мою грудь.

9 (?) марта 1937

Заблудился я в небе — что делать?
Тот, кому оно близко, — ответ! —
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задышаться, чернеть, голубеть...

Если я не вчерашний, не зряшний —
Ты, который стоишь надо мной, —
Если ты виночерпий и чашник,
Дай мне силу без пены пустой
Выпить здравье кружашейся башни —
Рукопашной лазури шальной...

Голубятни, черноты, скворешни,
Самых синих теней образцы —
Лед весенний, лед вышний, лед вешний,
Облака — обаянья борцы —
Тише: тучу ведут под уздцы!

9–19 марта 1937

Небо вечера в стену влюбилось —
Всё изрублено светом рубцов —
Провалилось в нее, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.
Вот оно — мое небо ночное,
Пред которым, как мальчик, стою:
Холодеет спина, очи ноют,
Стенобитную твердь я ловлю, —

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звезды без глав:
Той же росписи новые раны —
Неоконченной вечности мгла...

9 марта 1937

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия...

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнава
Собирает в единый пучок.

Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом,
Только здесь — на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, —
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

То, что я говорю, мне прости,
Тихо-тихо его мне прочти...

15 марта 1937

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался плыть, и плавал по дуге
Неначинающихся путешествий.

Где больше неба мне — там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

16 марта 1937

Рим

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись,
Во всю мочь своих глоток и раковин
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят, —

Древность легкая, летняя, наглая,
С жадным взглядом и плоской ступней,
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступьи над желтой водой, —

Голубой, онелепленный, пепельный,
В барабанном наросте домов, —
Город, ласточкой купола лепленный
Из проулков и из сквозняков, —
Превратили в убийства питомник
Вы — коричневой крови наемники —
Итальяские чернорубашечники —
Мертвых цезарей злые щенки...

Все твои, Микель-Анджело, сироты,
Облеченные в камень и стыд:
Ночь, сырая от слез, и невинный
Молодой легконогий Давид,
И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит, —
Мощь свободная и мера львиная
В усыплении и в рабстве молчит.
И морщинистых лестниц уступки
В площадь льющих каменных рек —

Чтоб звучали шаги, как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.

Ямы Форума заново вырыты,
И открыты ворота для Ирода —
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.

16 марта 1937

Чтоб приятель и ветра, и капель
Сохранил их, песчаных, внутри,
Нацарапали множество цапель
И бутылок в бутылках цари.

Украшался отборной собачиной
Египтян государственный стыд,
Мертвецов наделял всякой всячиной
И торчит пустячком пирамид.

То ли дело любимец мой кровный,
Утешительно-грешный певец,
Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного праха истец —

Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощанье отдав, в верещанье,
Мир, который, как череп, глубок:

Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучьи права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.

Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним незазорно сидеть:
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть...

18 марта 1937

Гончарами велик остров синий —
Крит зеленый. Запекся их дар
В землю звонкую. Слышишь дельфиний
Плавников их подземный удар?

Это море легко на помине
В осчастливленной обжигом глине,
И сосуда студеная власть
Раскололась на море и страсть.

Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Воскорми обожженный сосуд...

Это было и пелось, синея,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли «моя» и «мое».

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда,
И летучая рыба — случайность,
И вода, говорящая «да».

Март 1937

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

21 марта 1937

О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем!

А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шепотом могуч
И лепетом согрет.

И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу.

23 марта 1937

Нереиды мои, нереиды!
Вам рыдания — еда и питье.
Дочерям средиземной обиды
Состраданье обидно мое.

Март 1937

Флейты греческой мята и йота —
Словно ей не хватало молвы —
Неизваянная, без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы...

И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не размять...

А флейтист не узнает покоя:
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин...

Звонким шепотом честолюбивым,
Вспоминающих топотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки — опрятен и скуп...

Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем —
Мором стала мне мера моя...

И свои-то мне губы не любви —
И убийство на том же корню —
И невольно на убыль, на убыль
Равноденствие флейты клоню...

7 апреля 1937

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью Господские Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
«Мы вернемся еще — разумейте...»

Апрель 1937

Я к губам подношу эту зелень —
Эту клейкую клятву листов —
Эту клятвопреступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочною выдумкой пар.

30 апреля 1937

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась, —
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.

«Подожди», — шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
«Мне бы только сына...

Стану я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.

Будет муж, прямой и дикий,
Кротким и послушным,
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном...»

Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови.
Жалится сестрица.

Ветер бархатный, крыластый
Дует в дудку то же:
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.

Спросит гром своих знакомых:
«Вы, грома, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?»

Да из свежих одиночеств
Леса — крики пташьи:
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.

И к губам такие липнут
Клятвы, что по чести
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.

Все ее торопят часто:
«Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!»

2 мая 1937

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями, —
Что за двоевластье там? В чьем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 1937

1

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода —
Для нас — праматерь гробового свода —
И это будет вечно начинаться.

2

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье...
Что было поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, — только обещанье.

4 мая 1937

*Стихи,
не вошедшие в основное собрание*

Мне кажется, мы говорить должны
О будущем советской старины,

Что ленинское — сталинское слово
Воздушно-океанская подкова.

И лучше бросить тысячу поэзий,
Чем захлебнуться в родовом железе,

И пращуров нам больше не страшны:
Они у нас в крови растворены.

Апрель—май 1935

Мир начинался страшен и велик:
Зеленой ночью папоротник черный —
Пластами боли поднят большевик —
Единый, продолжающий, бесспорный,
Упорствующий, дышащий в стене:
Привет тебе, скрепитель дальнозоркий
Трудящихся! Твой угольный, твой горький,
Могучий мозг — гори, гори стране!

Апрель—май 1935

Ты должен мной повелевать,
А я обязан быть послушным.
На честь, на имя наплевать,
Я рос больным и стал тщедушным.

Так пробуй выдуманный метод
Напропалую, напрямик:
Я — беспартийный большевик,
Как все друзья, как недруг этот!

Апрель—май (?) 1935

Идут года железными полками,
И воздух полн железными шарами.

Оно бесцветное — в воде железась,
И розовое, на подушке грезясь.

Железная правда — живой на зависть,
Железен пестик и железна завязь.

И железой поэзия в железе,
Слезящаяся в родовом разрезе.

22 мая 1935

Мир должно в черном теле брать:
Ему жестокий нужен брат.
От семиюродных уродов
Он не получит ясных всходов.

Май 1935

Тянули жилы, жили-были,
Не жили, не были нигде,
Бетховен и Воронеж — или
Один или другой — злодей.

На базе мелких отношений
Производили глухоту
Семидесяти стульев тени
На первомайском холоду.

В театре публики лежало
Не больше трех карандашей,
И дирижер, стараясь мало,
Казался чертом средь людей.

Май 1935

Когда б я уголь взял для высшей похвалы —
Для радости рисунка непреложной, —
Я б воздух расчертил на хитрые углы
И осторожно и тревожно.
Чтоб настоящее в чертах отозвалось,
В искусстве с дерзостью гранича,
Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай.
Я б поднял брови малый уголок,
И поднял вновь, и разрешил иначе:
Знать, Прометей разжег мой уголек, —
Гляди, Эсхил, как я рисуя плачу!

Я б несколько гремучих линий взял,
Всё моложавое его тысячелетье
И мужество улыбкою связал
И развязал в ненапряженном свете.
И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
Какого, не скажу, то выраженьё, близясь
К которому, к нему, — вдруг узнаешь отца
И задыхаешься, почуяв мира близость.
И я хочу благодарить холмы,
Что эту кость и эту кисть развили:
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.
Хочу назвать его — не Сталин, — Джугашвили!

Художник, береги и охраняй бойца:
В рост окружи его сырым и синим бором
Вниманья влажного. Не огорчить отца
Недобрым образом иль мыслей недобором,
Художник, помоги тому, кто весь с тобой,
Кто мыслит, чувствует и строит.
Не я и не другой — ему народ родной —
Народ-Гомер хвалу утроит.
Художник, береги и охраняй бойца,
Лес человечества за ним идет, густея,
Само грядущее — дружина мудреца,
И слушает его всё чаще, всё смелее.

Он свесился с трибуны, как с горы, —
В бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светит близко.
И я хотел бы стрелкой указать
На твердость рта — отца речей упрямых.
Лепное, сложное, крутое веко, знать,
Работает из миллиона рамок.
Весь — откровенность, весь — признанья медь
И зоркий слух, не терпящий сурдинки, —
На всех готовых жить и умереть
Бегут, играя, хмурые морщинки.

Сжимая уголек, в котором всё сошлось,
Рукою жадною одно лишь сходство клича,
Рукою хищною — ловить лишь сходства ось, —
Я уголь искрошу, ища его обличья.
Я у него учусь — не для себя учась,
Я у него учусь — к себе не зная пощады,
Несчастья скроют ли большого плана часть?
Я разыщу его в случайностях их чада...

Пусть недостоин я еще иметь друзей,
Пусть не насыщен я и желчью, и слезами,
Он всё мне чудится в шинели, в картузе,
На чудной площади с счастливыми глазами.

Глазами Сталина раздвинута гора
И вдаль прищурилась равнина.
Как море без морщин, как завтра из вчера —
До солнца борозды от плуга-исполина.
Он улыбается улыбкою жнеца
Рукопожатий в разговоре,
Который начался и длится без конца
На шестиклятвенном просторе.
И каждое гумно, и каждая копна
Сильна, убориста, умна — добро живое —
Чудо народное! Да будет жизнь крупна!
Ворочается счастье стержневое!

И шестикратно я в сознании берегу —
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы —
Его огромный путь — через тайгу
И ленинский Октябрь — до выполненной клятвы.
Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят.
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, как солнце светит.
Правдивей правды нет, чем искренность бойца.
Для чести и любви, для воздуха и стали —
Есть имя славное для сильных губ чтеца,
Его мы слышали, и мы его застали.

1937

Шуточные стихи

Один портной
С хорошей головой
Приговорен был к высшей мере.
И что ж? — портновской следуя манере,
С себя он мерку снял —
И до сих пор живой.

1 июня 1934

Не надо римского мне купола
Или прекрасного далека.
Предпочитаю вид на Луппола
Под сенью Жан-Ришара Блока.

1934–1935

Случайная небрежность иль ослышка
Вредны уму, как толстяку одышка.
Сейчас пример мы приведем:
Один филолог,
Беседуя с невеждою вдвоем,
Употребил реченье «идиом».
И понадергали они друг другу челок!
Но виноват из двух друзей, конечно, тот,
Который услышал оплошно: «идиот».

12 июня 1935

Карлик-юноша, карлик-мимоза
С тонкой бровью — надменный и злой...
Он питается только Елозой
И яичною скорлупой.

Апрель 1936

Источник слез замерз, и весят пуд оковы
Обдуманых баллад Сергея Рудакова.

<1936>

Подражание новогреческому

Девочку в деве щадя, с объяснениями юноша медлил
И через семьдесят лет молвил старухе*: люблю.

Мальчика в муже щадя, негодуя, медлила дева
И через семьдесят лет плюнула старцу в лицо.

*(Найдено в архиве одной греческой старухи.
Перевел с новогреческого О. Мандельштам)*

<1936–1937>

* В указанный момент юноше было 88 лет, а деве — 86 лет (примечание переводчика).

<Стихи к Наташе Штемпель>

<1>

Пришла Наташа. Где была?
Небось не ела, не пила.
И чует мать, черна как ночь:
Вином и луком пахнет дочь.

<2>

Если бы проведаль Бог,
Что Наташа педагог,
Он сказал бы: ради Бога,
Уберите педагога!

<3>

— Наташа, как писать: «балда»?
— Когда идут на бал, — то: «да!»
— А «в полдень»? — Если день — то вместе,
А если ночь — то не скажу, по чести...

<4>

Наташа, ах, как мне неловко,
Что я не Генрих Гейне:
К головке — переводчик ейный —
Я б рифму закатил: плутовка.

<5>

Наташа, ах, как мне неловко!
На Загоровского, на маму —
То бишь на божию коровку
Заказывает эпиграмму!

<1936—1937>

<6>

Наташа спит. Зефир летает
Вкруг гофрированных волос.
Для девушки, как всякий знает,
Сон утренний, источник слез,
Головомойку означает,
Но волосы ей осушает
Какой-то мощный пылесос,
И перманентно иссякает —
И вновь кипит источник слез.

24 февраля 1937

Искусств приличных хоровода
Вадим Покровский не спугнет:
Под руководством куровода, —
За Стоичевым год от года
Настойчивей кроликовод.

24 февраля 1937

О, эта Лена, эта Нора,
О, эта Этна — И. Т. Р.
Эфир, Эсфирь, Элеонора —
Дух кисло-сладкий двух мегер.

24 февраля 1937

Эта книга украдена
Трошею в СХИ,
И резинкою Вадиной
Для Наташи она омоложена,
И ей дадена
В день посещения дядина.

<1937>

Решенье

Когда б женился я на египтянке
И обратился в пирамид закон,
Я б для моей жены, для иностранки,
Для донны покупал пирамидон, —
Купаясь в Ниле с ней или в храм й дя,
Иль ужиная летом в пирамиде:
Для донны пирамид — пирамидон.

Март (?) 1937

Содержание

П. Нерлер. Воронежский Манделъштам и манделъштамовский Воронеж	3
Н. Штемпель. Манделъштам в Воронеже	12
Осип Эмильевич Манделъштам в Воронеже. Фотоальбом	61
От составителей	193
Вяч. Вс. Иванов. Послесловие	194

Осип Манделъштам

Воронежские тетради

Первая воронежская тетрадь

«Я живу на важных огородах...»	198
«— Это какая улица?...»	199
«Наушнички, наушники мои!..»	200
«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»	201
«Я должен жить, хотя я дважды умер...»	202
«Чернозем...»	203
«Лишив меня морей, разбега и разлета...»	204
«Да, я лежу в земле, губами шевеля...»	205
«Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...»	206
«Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...»	207
«Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...»	208
Стансы	209
«День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»	211
«От сырой простыни говорящая...»	212
«Еще мы жизнью полны в высшей мере...»	213
«Римских ночей полновесные слитки...»	214
«Возможна ли женщине мертвой хвала?...»	215
«На мертвых ресницах Исакий замерз...»	216
«За Паганини длиннопалым...»	217
«Бежит волна — волной волне хребет ломая...»	218
«Исполню дымчатый обряд...»	219
«Не мучнистой бабочку белой...»	220

Вторая воронежская тетрадь

«Из-за домов, из-за лесов...»	221
«Когда заулыбается дитя...»	222
«Подивлюсь на свет еще немного...»	223
«Мой шелог, я голову закину...»	224
«Нынче день какой-то желторотый...»	225
«Не у меня, не у тебя — у них...»	226
«Внутри горы бездействует кумир...»	227
«Я в сердце века, путь неясен...»	228

«А мастер пушечного цеха...»	229
«Сосновой рощицы закон...»	230
«Пластинкой тоненькой жиллета...»	231
«Ночь. Дорога. Сон первичный...»	232
«Веги дальние обзора...»	233
«Где я? Что со мной дурного?...»	234
«Шло цепочкой в темноводье...»	235
«Когда щегол в воздушной слобе...»	236
«Как подарок запоздалый...»	237
«Оттого все неудачи...»	238
«Твой зрачок в небесной корке...»	239
«Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста!..»	240
«Когда в ветвях понурых...»	241
«Я около Кольцова...»	242
«Дрожжи мира дорогие...»	243
«Влез бесенок в мокрой шерстке...»	244
«Еще не умер ты. Еще ты не один...»	245
«О, этот медленный, одышливый простор!..»	246
«Что делать нам с убитостью равнин...»	247
«В лицо морозу я гляжу один...»	248
«Я нынче в паутине световой...»	249
«Как землю где-нибудь небесный камень будит...»	250
«Слышу, слышу ранний лед...»	251
«Люблю морозное дыханье...»	252
«Как женственное серебро горит...»	253
«Средь народного шума и спеха...»	254
«Много скрыто дел предстоящих...»	255
«Куда мне деться в этом январе?...»	256
«Как светотени мученик Рембрандт...»	257
«Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...»	258
«Где связанный и пригвожденный стон?...»	259
«Как дерево и медь — Фаворского полет...»	260
«Обороняет сон мою донскую сонь...»	261
«Вооруженный зреньем узких ос...»	262
«Еще он помнит башмаков износ...»	263
«Пою, когда гортань свободна и суха...»	264
«Были очи острее точимой косы...»	265
«Я в львиный ров и в крепость погружен...»	266
«Если б меня наши враги взяли...»	267
<i>Третья воронежская тетрадь</i>	
«На доске малиновой, червонной...»	268
«Я молю, как жалости и милости...»	269

«Я видел озеро, стоявшее отвесно...»	270
Стихи о неизвестном солдате	271
«Я скажу это начерно, шепотом...».....	275
«Заблудился я в небе – что делать?..»	276
«Заблудился я в небе – что делать?..»	277
«Небо вечера в стену влюбилось...»	278
«Может быть, это точка безумия...».....	279
«Не сравнивай: живущий несравним...»	280
Рим.....	281
«Чтоб приятель и ветра, и капель...».....	283
«Гончарами велик остров синий...»	284
«Длинной жажды должник виноватый...».....	285
«О, как же я хочу...»	286
«Нереиды, мои нереиды!...»	287
«Флейты греческой мята и йота...»	288
«Как по улицам Киева-Вия...»	289
«Я к губам подношу эту зелень...»	290
«Клейкой клятвой липнут почки...»	291
«На меня нацелилась груша да черемуха...»	293
«К пустой земле невольню припадая...».....	294

Стихи, не вошедшие в основное собрание

«Мне кажется, мы говорить должны...»	295
«Мир начинался страшен и велик...»	296
«Ты должен мной повелевать...»	297
«Идут года железными полками...»	298
«Мир должно в черном теле брать...»	299
«Тянули жилы, жили-были...»	300
«Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»	301

Шуточные стихи

«Один портной...»	304
«Не надо римского мне купола...»	304
«Случайная небрежность иль ослышка...»	304
«Карлик-юноша, карлик-мимоза...»	305
«Источник слез замерз, и весят пуд оковы...»	305
Подражание новогреческому	305
<Стихи к Наташе Штемпель>	306
«Искусств приличных хоровода...».....	308
«О, эта Лена, эта Нора...»	308
«Эта книга украдена...»	308
Решенье	308

Подписано в печать 21.07.2008 г. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Newton». Печ.л. 19,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1271–08.

Отпечатано с готовых файлов в типографии
ОАО «ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»
111024, Москва, Авиамоторная, 73а
Тел.: (495) 673 5491, (495) 673 1416
Факс: (495) 916 6649.

